

Виталий Ерёмин

Конкурс
красоты

В ЖЕНСКОЙ КОЛОНИИ ОСОБОГО
РЕЖИМА

18+

Виталий Ерёмин
**Конкурс красоты в женской
колонии особого режима**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67598519

SelfPub; 2022

Аннотация

Трагическая мелодрама. Место действия – единственная в нашей стране женская колония особого режима. Участницы действия – особо опасные рецидивистки. Русский криминолог и американка-мастер художественной фотографии приезжают в то время, когда колония готовится к конкурсу красоты. Мероприятие сомнительное – неволя наложила даже на молодых женщин страшный отпечаток. Криминолог решает сделать доброе дело – пытается способствовать освобождению трех участниц конкурса. Самых сохранившихся молодых женщин. И самых достойных освобождения. Но с какой целью сюда приехала американка? Это одна из множества интриг этой редкой истории. Редкой по сюжету и проникновению в преступную женскую психологию. На самом деле повесть отражает реальные события, происшедшие Березниковской женской колонии особого режима. Повесть дополняет психологический этюд «Сумерки души».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	39
Глава 7	47
Глава 8	56
Глава 9	59
Глава 10	67
Глава 11	74
Глава 12	80
Глава 13	88
Глава 14	92
Глава 15	97
Глава 16	108
Глава 17	117
Глава 18	143
Глава 19	153
Глава 20	156
Глава 21	168
Глава 22	183
Глава 23	196

Глава 24	200
Глава 25	205
Глава 26	210
Глава 27	214
Сумерки души	219

Виталий Ерёмин

Конкурс красоты в женской колонии особого режима

Глава 1

В общежитии первого отряда шел повальный шмон. Надзиратели и надзорки потрошили постели и тумбочки, искали запрещенные вещи и наркотики. А зэчки стояли на осеннем утреннем холоде невыспавшиеся, злые, и костерили ментов на чем свет стоит. Мало, что свободы лишили, еще косметику изымают, колготки, нижнее белье. Мужские кальсоны носить можно, трусики – нарушение режима. Какая тварь это придумала?

Воспитательница Тамара Ставская тоже кипела от возмущения. Какого черта сотрудишки снова что-то выискивают в ее отряде? Сказали бы прямо: мол, ты среди нас – белая ворона, уйди по-хорошему. Нет же, хотят подвести под увольнение, приписать профнепригодность.

Наконец, мероприятие окончилось, майор Гаманец вышел на крыльцо и негромко, но внятно сказал:

– А теперь, гражданки, будем выяснять, кто поставил брагу, кто украл с фабрики ткань, кто хранил теофедрин. Напо-

минаю забывчивым мое древнее изречение: ваше исправление состоит в том, чтобы держать меня в курсе всех ваших дел.

Первой надзорка вызвала Лену Агееву. Девушка вошла в кабинет опера, шаркая сапогами. В колонии не находилось обуви по ее ноге. Рост полтора метра, по виду совсем ребенок. На стул села без разрешения. Ноги не держали.

– На волю тебе надо: хорошо питаться, травы пить, – сочувственно проговорил опер Гаманец. – Помоги мне, а я помогу тебе. Досрочку как-нибудь оформим.

Лена закашлялась. Опер налил ей из термоса чаю, положил на блюдце пирожное. Но девушка не притронулась к угощению.

– Газеты читаешь, телевизор смотришь? – спросил Гаманец. – Чего только не вытворяют твои дружки-подружки. Жуть.

Опер не преувеличивал. Последнее время подростковые банды поделили приволжский город на зоны влияния. По вечерам люди боялись ходить по улицам. Драки между бандами превращались в побоища. В ход шли ножи, арматура и даже стволы. Страдали и нормальные подростки, не желавшие платить бандитам дань. Опер за дочь свою переживал. Как бы и ее не втянули.

– Чего вы хотите? – прямо спросила Лена.

Несмотря на детский вид, она отличалась решительностью.

– Ты знаешь всех основных в бандах, – сказал Гаманец. – Только не говори, что это не так.

– Откуда мне знать? Я на зоне уже четыре года. На воле давно все поменялось.

– Поменялось да не со всем, – задумчиво произнес майор, недобрыми глазами рассматривая девушку.

– Вы, вроде, здесь работаете, а не там, – Лена сделала неопределенное движение головой. – Вам-то на кой эти банды сдались?

Майор посмотрел совсем мрачно. Надо же, вопросы задает. Совсем распустила Ставская своих пантер.

– Вы у меня что-нибудь нашли? – спросила Лена. – Не нашли. Основных в бандах я знаю? Не знаю. Разрешите идти?

– Это твое последнее слово? – спросил Гаманец. – Тогда готовься к этапу. Пойдешь в пермскую колонию, там тебя подлечат.

Лена заволновалась:

– Меня нужно содержать только здесь. Я особо опасная.

– Ты больная. Тебе нельзя находиться среди здоровых.

– Не надо так обо мне беспокоиться.

– Тогда скажи, откуда у Катковой теофедрин? Кто ей таскает?

Зная об отношениях между эчками, Гаманец рассчитывал, что хоть здесь чего-то добьется. Но Агеева молчала.

– А чем Каткова и ваша начальница Ставская в кабинете занимаются, тоже не знаешь? – продолжал напирать майор.

Глаза у девушки после этих слов стали злыми. Чтобы опер не заметил, она даже отвернулась.

– Жаль мне тебя, Агеева, – разочарованно произнес Гаманец. – Этак ты отсюда никогда не выйдешь. Зато от рака не помрешь. Рак к тэбэцэшникам не пристаёт. А может, тебе уже и не надо, свободы-то? Тебе и здесь хорошо, с однохлебкой твоей, Мосиной?

– Она мне как мать, – тихо сказала Лена, в глазах ее стояли слезы. – Я могу идти?

– Иди. И позови Каткову.

Лариса Каткова – высокая, ладная, красивые ноги, пышная грудь. Челка, волосы темные, глаза карие, похожа на итальянку или испанку. Двадцать шесть лет, из них в неволе семь.

Гаманец смерил девушку с головы до ног. В одежде непорядок. Гамаши в обтяжку, коротенькая юбка. Без белой козыньки. Вместо сапог – тапочки. Сплошные нарушения режима. Но на это можно пока закрыть глаза. Пока!

Деловито предложил:

– Проходи, садись.

Лариса села. Прямая спина, выжидательная усмешка. Но без дерзости. Опер полез в стол, извлек красивую коробку.

– Угощайся, твой любимый зефир в шоколаде. Не бойся, никто не зайдет.

– Ой! – воскликнула Каткова. – Вы, гражданин начальник, никак за мной ухаживаете. А изжога меня потом не замуча-

ет?

Гаманец поднялся, обошел стол и присел на краешек. Высокий, стройный, белобрысый. От него исходило ощущение животной мужской силы. Но при этом какой-то слегка суетливый. На Каткову он не производил впечатления. Это его злило, но надежды он не терял.

Сказал, посмеиваясь:

– Мы с тобой, конечно, не имеем права. Но сама знаешь: когда очень хочется, можно и нарушить. Дверь я закрыл...

Лариса вскочила, как ошпаренная, подбежала к двери, повернула ключ влево.

– Девочка, что ли?– удивился Гаманец.

– Отвыкла я от мужчины. Не стоит обратно привыкать.

Майор спросил вкрадчиво:

– Тайничок с теофедрином твой?

Каткова нервно рассмеялась:

– Какой тайничок?

– В матрасике твоём.

– Ах, в матрасике! И что, там отпечатки моих пальцев?

– Мы пока следствие не наводили.

– Наведите, чего вам стоит? Вы тут царь и бог.

– Тут царь и бог подполковник Корешков, – сказал Гаманец.

– Но вы – первый зам бога.

– Не кощунствуй, Каткова. Первый зам у нас майор Жмакова.

Тон у Гаманца был свойский. Так разговаривают сослуживцы, а не тюремщик с зэчкой. И Каткова держалась почти запанибрата. За семь лет отсидки так и не научилась смотреть на начальство подобострастно. Но эта манера не вводила в заблуждение опера. Уж он-то знал, с каким пылом эта красотка ненавидит всех ментов без разбора.

Агентура доносила, что теофедрин Катковой таскает с воли ее же отрядница Тамара Ставская. И, похоже, не за деньги, не корысти ради. Ходил нехороший слушок насчет их чисто женских отношений. Мол, иногда кабинет Ставской оказывается закрытым на ключ. Зэчки не могут достучаться. А потом оказывается, что начальница и зэчка – там, внутри...

Гаманец давно бы навел порядок на этом участке. Тем более, что сам способствовал распространению этого слуха. Но мешал начальник колонии Корешков. У того со Ставской раньше что-то было, а теперь что-то наклевывалось с Катковой. Всякий раз, когда майор ловил эту красотку на нарушениях режима и пытался отправить в штрафной изолятор, подполковник смягчал наказание, лишая, например, посылки. Велика беда. У Гаманца в каждом отделении связи были свои информаторы. От них он знал, что Ставская регулярно получает посылки от родителей Катковой.

Опер крутнул шейей, ему мешал воротник. Сказал, сдерживая раздражение:

- Ладно, говори о Мосиной и проваливай.
- А что вас, собственно, интересует?

– Тащит она с фабрики материал?

– Откуда мне знать?

– Ты все про всех знаешь.

– Может, и знаю. Но это останется при мне. Я свободна?

– Что ты, оторва, из себя строишь? – процедил майор.

Он снял трубку телефона, вызвал надзорку и усадил ее писать протокол.

– Значит, так. Осужденная Каткова систематически нарушает форму одежды. Ходит без косынки, в тапочках, укорачивает юбку. На замечания реагирует дерзко, демонстрируя упорное нежелание встать на путь исправления. Заслуживает водворения в штрафной изолятор на семь суток.

Каткова невесело усмехнулась.

– Давайте уж суток на десять. Чего мелочиться?

– Мосину сюда, – приказал Гаманец надзорке.

Фаина Мосина, блондинка лет тридцати восьми, с хорошей фигурой, похожая на учительницу, была давней агенткой Гаманца. Но в последнее время перестала поставлять информацию, на многозначительные взгляды и условные жесты не реагировала, на конспиративные встречи не являлась, лишая опера необходимой и очень важной информации, на которой, собственно, и строился успех его работы. Понятно, что на связи у него находились и другие зэчки, но Фаина была особенной.

Гаманец очень переживал этот разрыв. Благодаря Мосиной он мог вернуться в уголовный розыск, откуда его тур-

нули за бездарную работу. Или же сделать карьеру здесь, на женской зоне, проявить себя лучше, чем подполковник Ко-решков, и занять его место.

И вот Мосина ведет себя в высшей степени странно. А он даже не знает причину. Но сейчас он все поймет. Он и шмон в первом отряде устроил исключительно для того, чтобы в числе других вызвать свою агентку.

Фая стояла на пороге, сцепив руки за спиной и глядя куда-то в сторону. Ну прямо Зоя Космодемьянская блин. Май-ор поставил на стол тарелку с бутербродами. С колбасой и с сыром. Вскипятил чай, в вазочке лежали любимые конфеты Фаи – каракум.

– Садись. Чего, как неродная?

– Спасибо, постою.

Гаманец подошел к женщине совсем близко. И тут же отстранился. От женщины пахло табаком и утренними кислыми щами.

– Что происходит, Фаечка?

Мосина смотрела в глаза начальнику спокойно и твердо.

– Хватит, попользовался.

Ах, вот оно что! Решила соскочить.

– А жить тебе не надоело? – мягко спросил Гаманец.

– Надоело, – резко отвечала Фая.

– Ну и в чем дело? Действуй! Кто тебе мешает?

– Попробую сначала так, без эксцессов.

– Угрожаешь?

– Предупреждаю.

– Ладно, иди. Подумай еще.

Мосина в дверях обернулась:

– Ты меня знаешь. Между нами все кончено.

На утренней планерке Гаманец доложил о результатах обыска в первом отряде. Сообщил, что у него есть оперативные данные, подтверждающие, что Мосина и Агеева воруют ткань на швейной фабрике, а потом обменивают его у лагерных барыг на чай и теофедрин. Для проведения следствия необходимо посадить обеих в штрафной изолятор минимум на семь суток. Такого же срока заслуживает и Каткова за систематическое нарушение формы одежды.

– Отстал бы ты от нее, – сказала Ставская.

– А что ты так за нее переживаешь? – вскинулся Гаманец.

– Я за всех переживаю. И на Мосину с Агеевой у тебя одни только сигналы. Не из космоса сигналият? Я понимаю, подозрительность – хлеб твой, но надо же меру знать.

– Подозрительность – добродетель каждого, кто работает в нашей системе, – назидательно произнес Гаманец. – И вообще, здоровое недоверие – хорошая основа для совместной работы. Это еще Сталин говорил.

– Я, конечно, понимаю, – ядовито заметила Ставская, – каждый должен показывать, что не зря деньги получает. Но не до такой же степени.

– Во-первых, давайте без «ты» – сделал замечание начальник колонии подполковник Корешков. – А, во-вторых, да-

вайте без цитат. Теперь слушайте сюда. Из областного управления пришло положение о конкурсе «Мисс очарование». Будем выбирать самую красивую осужденную. Приедет начальство, гости из Москвы. Конкурс сложный. Это вам не смотр художественной самодеятельности. Надо серьезно готовиться.

Все присутствовавшим стало ясно, что без участия Мосиной, Катковой и Агеевой никакого конкурса быть не может. Лариса и Лена играют на фортепиано, а Фаина и Лена еще и поют на два голоса. Ну, как их теперь держать в изоляторе впроголодь, в холоде?

Не везло сегодня майору Гаманцу по полной программе. А он так надеялся на этот шмон. Так ему надоела эта бабская зона, кто бы знал.

– Ответственной за проведение конкурса назначается капитан Ставская, – сказал начальник колонии. – Есть возможность отличиться, Тамара Борисовна.

Глава 2

Михаил Леднев обедал в столовой издательского дома. Когда-то здесь хорошо готовили. Старых поваров сманили в соседний ресторан японской кухни, а молодые не умели ни борщ сварить, ни котлеты пожарить.

Сдав в посудомойку едва тронутую еду, Леднев пошел в кофейню. Там, слава богу, все оставалось по-старому. В воздухе стоял головокружительный аромат. Буфетчицы закладывали зерна в кофемолки от души, на совесть.

Леднев взял к чашке кофе пару бутербродов и рюмку коньяка. Озадаченно осмотрелся. Все столики были заняты. Попыхивая сигаретами, журналистская братия мыла косточки политикам.

– Миш, иди к нам! – позвала Нэля Сароян из отдела социальных проблем.

Чернобровая Нэля сидела с женщиной лет сорока. Каштановые волосы, челка, серые глаза, мешковатая одежда юнисекс. Очертания фигуры скрыты, в окружающей среде не выделяется. Ну, разве что цепкими глазами. Может, так надо?

Нэля перешла на английский:

– Миш, познакомься. Это Мэри Иствуд, моя подруга из Штатов. Мы как раз тебя поджидаем. Ты ведь у нас специалист по женской преступности.

Леднев усмехнулся:

– Ну, почему только по женской? И почему только по преступности?

– Ах, ну да, конечно, – согласилась Нэля. – Ты у нас знаток женской души.

Леднев изобразил, что такая оценка его больше устраивает.

– Он так описывает преступников, будто сам сидел, – сказала Нэля американке.

– Ага, в женской зоне, – Леднев, отправил в рот коньяк, вкусно зажевал бутербродом с копченой колбасой.

– Там, говорят, чего только не бывает. И как только ты уцелел, – поддела Нэля.

– Я лесбиян, – пошутил Леднев. – Разве ты этого не почувствовала? – последний вопрос он задал по-русски.

Год назад после вечеринки в редакции он проводил Нелю сначала до станции метро, потом до автобусной остановки, а потом и до квартиры. Но эта была первая и последняя их постель. Служебный роман – что может быть банальнее? Хотя настоящая причина была, конечно, другая. Искра не пробежала. Не искрилась кровать, хоть убей. Каждому типу мужчины соответствует определенный женский тип, действующий возбуждающе. Нет, Нэля не его тип.

– Н-да, там надо быть очень осторожным, – заметил Михаил, переходя к бутерброду с сыром.

В глазах американки промелькнуло беспокойство.

– Считаешь, туда опасно соваться? – спросила Нэля.

– А зачем вам это надо? – спросил Михаил. – Все, что можно было сказать о женской преступности, я уже сказал. Тема закрыта.

Нэля и Мэри переглянулись.

– Нужен не текст, а фотографии. Мэри – фотомастер. Она издает большие фотоальбомы. Ее знает весь мир. Кроме тебя.

– А я тогда зачем? – поинтересовался Михаил.

– Мэри пускают в женскую зону, но только на пару часов. Этого мало. И самого интересного не покажут. А если сама увидит, то не разрешат снимать.

Леднев отставил в сторону пустую чашку.

– Девушки, я-то тут при чем?

Нэля взволнованно сказала:

– Миш, не придуривайся. Ты видел то, чего не видели другие. Значит, тебе разрешали видеть. Если ты сидел в зонах неделями, значит, у тебя там связи. Вот ты их и задействуешь. И получишь за это благородное дело баксов пятьсот.

– Тысячу, – поправила Мэри.

Леднев закурил сигарету и задумался. Что и говорить, предложение заманчивое. Хотя осуществить его будет не так просто, как кажется этим сорокалетним девушкам. Тысячей долларов американка не отделается. Надо дать и в ГУИНе, и в областном управлении внутренних дел, и в самой колонии. А самое главное: он-то что будет делать? Ходить и договариваться насчет взяток? Дорогу прокладывать?

Михаил первый раз внимательно посмотрел Мэри в глаза:
– А что, для вашего фотоальбома никакого текста не нужно?

Ответила Нэля:

– Ну, как ты не поймешь? Мэри все выражает в фотографиях. Вот, взгляни.

Американка вынула из своей просторной сумки большой фотоальбом. Он был посвящен наемникам Иностранного легиона. Почти сплошь – выразительные крупные планы. Особенно любопытны страницы с изображением быта, досуга, пирушек. Среди легионеров явно процветал гомосексуализм. Некоторые выряджались в женские платья, густо накладывали косметику и снимались в довольно непотребных позах. И ни одной подписи. Действительно, все ясно без слов.

– Интересно, – сказал Леднев.

Американка слегка зарделась. Ей было приятно.

– Ну, что? Работаем? – напирала Нэля.

Леднев покачал головой.

– Мэри будет снимать, а я?

Нэля смотрела на него с осуждением и надеждой одновременно. Взгляд у американки стал тяжелым.

– Окау, плачу полторы тысячи, – сказала она.

Нэля закатила глаза:

– Полторы тысячи! За такие деньги надо полгода корячиться. Ну, да, ты у нас еще и гордый? Давай, откажись!

– Есть у нас одна на всю страну женская колонии особого

режима, – сказал Леднев. – Там сидят неоднократницы, – последнее слово он произнес по-русски.

Мэри сразу сообразила, что ее шансы получить редчайшие снимки резко возрастают. Она засыпала Михаила вопросами:

– Где находится эта колония? Вы там бывали? Нас туда пустят? Там действительно больше эксклюзива?

Леднев уклонился от ответа:

– Я должен заказать еще коньяку. Вам тоже принести?

Нэля вскочила.

– Сиди уж, садист.

«Черт возьми, а ведь я еще не спал ни с одной американкой, – подумал Михаил, когда Нэля ушла в буфет. – Они, наверно, и пахнут как-то иначе. Или это их негритянки иначе пахнут? А может, эта Мэри такая же феминистка с понтом, как Нэля? До чего тяжело с этими умными, деловыми, независимыми бабами.

Нэля быстро вернулась с графинчиком коньяка. Леднев налил в рюмки, и сказал:

– Все другие женские зоны по сравнению с этой – детский сад.

– Значит, тебе самому будет интересно! – воскликнула Нэля.

– Но я не уверен, что туда вообще пустят.

– Что для этого нужно? – быстро спросила американка.

– Подарки.

– Какие? Сигареты, спиртное, косметика. Что еще?

– Что-нибудь для бани.

Нэля скривилась:

– Веник, что ли?

Глаза у Мэри по-деловому сузились.

– А деньги?

– Деньги не помешают.

– Сколько?

Михаил тяжело вздохнул. Он чувствовал себя последней тварью.

– Тысячи хватит? Для начала? – спросила американка.

– Вы же такие законопослушные, – поддел ее Леднев.

– У себя дома, – быстро ответила Мэри.

Ответ Михаилу не понравился. Но отступать было поздно.

Глава 3

Насчет совместной поездки с американкой Леднев договорился довольно легко. Повезло, что шла реорганизация. Места лишения свободы МВД спихнуло в министерство юстиции, а там еще толком не приняли.

Генерал, новый начальник УФСИНа, слыл либералом. Он лично принял Мэри и Михаила, при них позвонил начальнику колонии подполковнику Корешкову и велел не чинить гостям никаких препятствий.

«Хозяин» на другом конце провода был, похоже, не в восторге от такого распоряжения. Генерал выслушал и сказал: «Так надо». И прибавил: «Ну, придумай что-нибудь».

Мэри была приемом довольна. А на Леднева разговор генерала с начальником колонии навевал нехорошее предчувствие. Не могут менты так просто раскрыть свои учреждения нараспашку. А если обещают с три короба, жди подвоха.

Ехали поездом, в вагоне эсвэ. Путешествие с женщиной в одном купе всегда выглядит двусмысленно. Попробуй потом кому-то доказать, что ничего не было. Но подобные тонкости Мэри не смущали. Вагон эсвэ был для нее не более, чем русской экзотикой, на которой она собиралась сделать неплохие деньги. А ради денег можно перетерпеть и некоторые неудобства.

Они ехали туда, где люди страдали за совершенные пре-

ступления. А пока видели по обеим сторонам дороги, как страдают обычные простые люди, ничего не укравшие, никого не убившие. Без водопровода, газа, отопления и тепло-го туалета – разве жизнь?

Мэри фотографировала обшарпанные железнодорожные станции, покосившие заборы, провалившиеся крыши, деревенских мужиков и баб, больше в ватниках, чем в нормальной одежде. «Ее интересует одна чернуха», – злился Леднев.

Хуже было то, что Мэри оказалась совсем не общительной женщиной. Ее не интересовала личная жизнь Михаила. Женат он или не женат. Есть у него дети или нет. И оставляла без внимания его робкие попытки что-то узнать о ней.

Тогда Леднев заговорил о ее работе. Спросил, что она хотела показать в своем альбоме о легионерах. Мэри ответила вопросом: а что он понял? Михаил пожал плечами. Он понял только то, что легионеры никчемные люди, сделавшие убийство своей профессией. Но он об этом и раньше знал.

– Они порочны, – сказал Леднев. – Поэтому у них такие отталкивающие лица, даже у самых, казалось бы, красивых. Тебе нравится снимать порок?

– Напротив, мне нравится красота, – сказала Мэри.

– Но в легионерах нет красоты.

– Как это нет? Тебе не кажется, что ты можешь чего-то не видеть?

– Почему тебя заинтересовала именно эта колония? – спросил Михаил. – Концентрацией порока?

Мэри промолчала, не попыталась даже отделаться общей фразой. Это было, по меньшей мере, невежливо. Стало ясно, что работать в колонии им будет непросто.

Леднев разговорил американку нечаянно. Отметил, как быстро она одевается. Мэри понравилась эта похвала. Она сказала, что это у нее от отца, офицера полиции. А еще она хорошо стреляет, хотя охотой не занимается, и легко переносит голод и физическую боль.

То, чем она гордилась, было странно. Но что еще удивительней, на вторые сутки она перестала скрывать от Леднева свои прелести. То ли от презрения к нему, как мужчине, то ли чувствуя, что ей просто грех стесняться своего красивого тела.

– Ты взяла с собой купальник? – спросил Михаил.

– Я ничего не забываю, – ответила американка. – Мы пойдем в баню, да?

Последний вопрос она произнесла по-русски с сильным акцентом.

– Это русская традиция, особенно в северных наших областях, – пояснил Леднев.

– О, я знаю! – снова по-русски воскликнула Мэри.

Она полезла в сумочку, достала старую пожелтевшую фотографию, витиевато обрезанную по краям. Так обрезали снимки раньше, полвека назад.

– Что бы ты сказал об этой женщине?

Это была, несомненно, мать Мэри, почти одно лицо, толь-

ко без челки. Тот же прямой взгляд. Та же линия губ. Женщина с твердым характером. Но говорить об этом не стоит. Можно обидеть.

– Я бы сказал, что эта фотография сделана в СССР. Видишь, как обрезана. И платье в горошек. И белый кружевной воротник.

– Раньше во всем мире фотографии обрезали примерно одинаково, – возразила Мэри. – И платья носили одинаковых расцветок и одного фасона. И прически.

Леднев пожал плечами:

– Тогда я так скажу: это твоя мать, она тоже любила затыкать мужчин за пояс, и ты унаследовала ее характер.

Глава 4

Валька Брысина ворвалась в кабинет к капитану Ставской без стука, шмякнулась на стул без разрешения. Коротконогая, пухлая, большие груди. Деревенские мужики таких любят. И заголосила, теребя в руках телеграмму.

Сидевшая за письменным столом Ставская оторвалась от бумаг. Брысина ей не нравилась. Некрасивая, грубая, истеричная. Заставить бы ее выйти, а потом зайти, как положено. Но тут особый случай. Кажется, мать у Вальки все же померла.

Ставская пробежала глазами текст телеграммы. «Мамка скончалась. Отпросись похороны. Варвара». Подумала: этого мне еще не хватало.

Только что вышло временное разрешение – в исключительных случаях предоставлять заключенным краткосрочные побывки. Так сказать, в порядке гуманности. Только как бы Ставской этот эксперимент боком не вышел.

Она вспомнила, что говорилось в приговоре Брысиной. Накануне свадьбы Валька убила отчима, потом кастрировала его и сама отнесла отрезанное хозяйство в милицию, будучи при этом в невменяемом состоянии. Когда допрашивали, отвечала, что ничего не помнит. Всю вину взяла на себя мать Вальки, но в прокуратуре ей не поверили. Следователь пригласил гипнотизера. Вальке оживили память, она рассказала

все, как было. Ее показания, в отличие от тех, которые дала мать, были куда более правдоподобными. А спустя месяц, окончательно придя в себя, она эти показания подтвердила.

– Да не сбегу я! – вскричала Валька.

– Нам разрешены поездки только по железной дороге. А у тебя дело срочное. Надо лететь. Не дадут денег на самолет, понимаешь?

– Я с баб соберу, – отвечала Брысина.

Пошли к начальнику колонии. Там Валька упала на колени и начала умолять во весь голос. А Ставская сидела, гадая, чем закончится для нее эта сцена. Корешков выслушал арестантку с благодушным выражением лица. Потом велел ей выйти и сказал отряднице:

– Сама заварила кашу, сама и расхлебывай.

– То есть? – не поняла Ставская. – Какую кашу я заварила?

– А зачем привела? Могла бы сразу отказать. На кой черт нам эти заморочки! Вези ее теперь сама.

– Николай Кириллович, вы серьезно? – возмутилась Ставская. – А концерт? Половина номеров – из моего отряда. А если сбежит? Или чего натворит? Тут контролер должен ехать.

– Брысина – девка со сдвигом, – согласился Корешков. – Но если ехать, то только тебе.

– Значит, это как бы мое личное дело? Хотите, чтобы провалилась?

– Ну, ты ж у нас самая гуманная, самая душевная, – начальник колонии не скрывал иронии. – Тебе и лезть в эту петлю.

– Думаете, петля? – совсем по-бабьи спросила Ставская. Корешков развел руками.

– Все от тебя зависит. Тут, как говорится, пан или пропал. Кстати, телеграмма не заверена врачом. Вдруг ...

– Какой вдруг? – сказала Ставская. – Там деревушка – десять дворов, даже фельдшера нет. А мать у нее давно больна. Я читала письма. Хотя...ничего нельзя исключать. Не жалко вам потерять меня?

Подполковник посмотрел сонно, равнодушно.

– Томочка, ты же знаешь: я очень тебя жалел, но ты этого не оценила.

Глава 5

Деньги собрали быстро. Арестантки из отряда Ставской написали заявления. Мол, просят вычесть из их заработка пятьдесят рублей. Теперь на самолет хватало в самый раз. Но Валька сказала, что от Владимира до ее деревни автобусы не ходят, придется брать такси. Туда – обратно почти 300 километров. Пантеры переписали заявления, исправили цифру 50 на 100. Но пока то да се, день склонился к вечеру, время, когда в банке выдают деньги, вышло. Выезд пришлось отложить на завтра. Отчасти это было даже кстати.

Ставская придела Вальку во все свое и строго предупредила:

- Не вздумай меня при людях начальницей называть.
- А как же тогда? – вытаращилась Брысина. – Отрядницей?
- Тамарой Борисовной. И не вздумай пить на поминках. Если что не так, уволят меня в момент. А мне нужно дочь ставить на ноги.

Валька ничего не ответила.

Другие начальницы отрядов подходили к Ставской, выражали сочувствие и ужасались перспективе: неужели и им придется вот так ездить, если вдруг у их пантер кто-нибудь помрет?

На другой день банк выдал деньги только к обеду. Но

неприятности продолжались. В аэропорту выяснилось, что все забронированные билеты до Нижнего Новгорода только что проданы.

– Есть же у вас места для стюардесс. Начальница сядет, а я на полу посижу, – сказала Валька.

Кассирша покрутила пальцем у виска.

– Ты что мне, сучка, крутишь? – взвилась Валька. – Ты обязана нас посадить: мы по телеграмме!

Кассирша заорала в ответ:

– Телеграмма не заверена ни врачом, ни местной администрацией. А ну, мотай отсюда, хулиганка!

– Я не хулиганка, я убийца, – мрачно процедила Валька. – А ну, выйди сюда, коряга, я тебе устрою драму.

Тамара Борисовна оттащила ее от кассы. Пошли к начальнику аэровокзала. Тот вошел в положение. Распорядился посадить на служебные места.

От Нижнего Новгорода доехали до Владимира без проблем, на рейсовом автобусе. А от Владимира до деревни добирались на такси. Валька через слово называла Ставскую начальницей и сыпала жаргоном. Таксист тарачил глаза: никак не врубался, кого везет. Разразился ливень, дорогу развезло. Старенькая «Волга» засела в грязи. Выручил нечаянно проезжавший тракторист.

Приехали в деревню поздно вечером. На похороны, конечно, опоздали, а поминки к тому времени уже превратились в обычную пьянку. Песню пели подходящую.

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.

Отец твой давно уж в могиле,
Сырою землю зарыт,
А брат твой давно уж в Сибири,
Давно кандалами гремит...

Увидев в дверях избы Вальку, родня оборвала песню.

– Совсем отпустили? – выкрикнула тетка Варвара, грузная женщина с потным лицом и складчатым подбородком.

– Совсем, – отрезала Валька. – А ты, небось, думала, что все теперь твое?

Тетка обняла ее:

– Господь с тобой. Мы только что говорили: заколотим окна, и пусть изба тебя дожидается.

Валька резко отстранилась:

– По-моему, вы только что песни распевали. Рано обрадовались.

Варвара возмутилась:

– Ты что выступаешь, как хрен на деревне? Психи тут будет устраивать. Села бы сначала, выпила за упокой души матери. Сколько горя ты ей на шею навешала!

Вальке страсть как хотелось выпить. Она с надеждой посмотрела на начальницу. Но та всем видом своим показывала непреклонность.

– Так она с надзоркой приехала! – догадался Варварин муж, сам не раз мотавший срок за мелкие кражи и хулиганство.

Валька треснула его по затылку.

– Выбирай выражения! Это моя воспитка, понял?

– Закрой рот! – шикнула на мужа Варвара и засуетилась, накладывая в тарелки кутью и блины. – Садитесь, гости дорогие. Ну, ничего, что опоздали. Завтра с утра на могилку ходим. Попрощаетесь с новопреставленной нашей.

Вальке кусок в горло не лез. Тамара Борисовна тоже не могла есть. В избе было душно, пахло луком, селедкой и самогоном. И вообще неловко было в таких гостях.

Родственники снова затянули песню. А Варварин муж подсел к Ставской и начал спрашивать об особенностях женской зоны. Кого там больше сидит, убийц или воровок. Узнав, что все-таки воровок, отреагировал философски:

– Сколько ни воруй, все равно своего не вернешь.

Варвара послушала эту дискуссию и велела мужу стелить для гостей.

Муж прокряхтел:

– Эх, и любишь ты покомандовать, Варька. Хлебом тебя не корми, только бы еблом пощелкать.

Валька начала раздаривать родне мамкино добро: платки, кофты, шали. Вышли потом в огород. Там царил осенний беспорядок. Больная мать не успела прибрать ботву.

В единственную постель пришлось ложиться вместе. Обе

чувствовали неловкость, и долго не могли уснуть.

– Вы, начальница, дело-то мое читали? – спросила арестантка.

– Это моя обязанность, – отозвалась Ставская.

– Представляю, какое у вас мнение. Садистка, да?

Брысина рассказывала под храп гостей:

– Отчим, папа Саша, начал приставать, когда мне еще девяти лет не было. И каждый раз лез не просто так, а с ножиком. Я ему еще тогда сказала, что это ему даром не пройдет. Щупал в основном. А я лежала, как деревянная и думала: ну, погоди, тварь, ну, погоди!

– Мать-то куда смотрела? – спросила Ставская.

Валька тяжело вздохнула. Неловко говорить о матери плохое. Некрасивая, тихая и безответная женщина, мать рада была, что хоть такому уроду нужна, как Саша, лентяй и пьянчуга. Мать была телятницей и дояркой. Спозаранку – на ферме. Вечером – снова на ферму. А она, Валька, считай, целый день дома, наедине с папой Сашей, с его липкими руками и смрадным запахом изо рта.

– Сначала не говорила мамке, боялась. Отчим ведь не только меня, он и мамку грозился зарезать, если всплывет это безобразие. Потом она сама догадалась. Но у нее тоже страх был. И потом мы ведь все пили. Меня рано приучили к стакану. И пила я по-взрослому. Стала ограничивать себя, только когда Толик, жених мой, из армии пришел. Мне еще восемнадцати не было. Но мы решили свадьбу сыграть. Уже

все было наготовлено...

Валька запнулась и надолго замолчала. Слышно было только, как сглатывала слезы. Заново переживала, как все было в тот вечер. Папа Саша с Толиком закололи кабанчика, мать пожарила потрошков ...

– Выпили и отчим вдруг начал открывать Толику глаза на меня. Мол, я такая сякая, мол, пока он служил, я полдеревни обслужила. Плел, короче, что попало. Подрались они, и Толик ушел. А отчим стал приставать ко мне прямо при мамке. Повалил меня, начал все на мне рвать, порезал ножиком грудь. И тут я просто осатанела. Схватила полено и – по башке ему. Потом еще, еще... Потом отрезала ему причиндалы и говорила с ним, как с живым: «Ты хотел меня поиметь? Все! Больше не сможешь!» Потом врачи сказали, что у меня было временное помешательство.

– А что с Толиком? – спросила воспитательница.

– А он, после того, как меня посадили, за хулиганку загремел. На суде попросил, чтобы ему дали, как и мне, пять лет. Чтобы в одно время освободиться. А прокурор просил для него три года, – Валька помолчала и добавила осторожно. – Начальница, Тамара Борисовна, а давайте заедем к Толику в колонию. Это по пути.

– Не положено нам, – отказала Ставская. – Отклонение от маршрута расценивается, как побег.

– Так я ж не одна.

– Вот мне и припишут, что я тебе побег устроила.

– Я знаю, вы меня не любите, – сказала Валька, глотая слезы. – Вы Каткову любите. Но все равно я вам благодарна.

Гости храпели, Валька тихо плакала, а Ставская думала, как там ее двенадцатилетняя доченька? Одну ведь ее оставила.

Утром Валька билась на могиле в истерике:

– И на кого ж ты меня оставила, сироту несчастную? И чего ж меня не дождалась?

Ставская гадала: это чисто деревенское проявление любви, своего рода ритуал или у арестантки сохранились психические отклонения? На всякий случай использовала момент в воспитательных целях.

– Поклянись на могиле матери, что никогда больше не будешь пить и никогда больше не сядешь.

– Мамочка! – запричитала Валька. – Клянусь! Никогда! Ни грамма! Вот те крест, вот те крест! Освободимся с Толиком, детишек нарожаем, жить будем по-человечески. Если Толик меня дождетя, – добавила упавшим голосом.

Тетка Варвара разложила на газетке соленые огурцы, черный хлеб, кусочки сала. Посыпала птичкам кутью. Варварин муж разлил по стопкам водку, одну стопку накрыл ломтем хлеба.

– Ну, за упокой души, царство ей небесное.

Валька просительно смотрела на воспитательницу.

– Не положено, – отрезала Ставская. Потом спросила. – А какой срок у Толика?

– Три года, – сказала Валька.

Тамара Борисовна еще раз что-то прокрутила в голове и решила:

– Ладно, заедем к нему.

Валька шагнула к отряднице, неловко обняла ее.

Добирались до мужской колонии общего режима на автобусе, потом на попутке. Капитан Ставская показала тамошнему начальству свое служебное удостоверение. Пояснила, что приехали для краткосрочного свидания. Тюремщики смотрели на нее, как на ненормальную. Ну, побывка на похоронах матери – это еще куда ни шло. Хотя тоже черте что. Но давать свидание зэчке с зэком, пусть жениху и невесте, это – туши свет. Но Ставская не отступалась.

– Тебе уже выговора не миновать, – сказали ей. – Отклонение от маршрута – налицо. Хочешь, чтобы и нам перепало?

– Ребята, ну давайте сделаем доброе дело. Что, мы не люди, что ли? – уговаривала Ставская.

У коллег то ли душа проснулась, то ли любопытство разоблало. Пошли навстречу.

Тюремщики наблюдали, как проходило свидание Вальки и Толика. Арестантка и арестант держались за руки и плакали.

– Толичка, пить не будем, понял? Будешь пить не буду с тобой, – говорила Валька.

– Ты не сомневайся, я тебя дождусь, – говорил Толик. –

Найму адвоката, напишем прошение. Может, скинут тебе пару-тройку лет. Тебе бы ребеночка сейчас заделать.

Валька поймала его тайную мысль:

– Я не против. Я тебе большого мальчика рожу. У меня большие дети должны быть. – Она повернулась к тюремщикам. – Ну, дайте нам минут пять, чего вам стоит?

Тюремщики загоготали. Ставская посмотрела пристально на Брысину и вдруг сказала коллегам:

– Ну, давайте выйдем на минуту. Что, мы не люди, что ли? Над ней начали смеяться. Но Ставская стояла на своем:

– Неужели не понимаете? Мы им шанс дадим. Им будет ради кого жить.

Старший контролер перестал смеяться. На лице его отразилась работа мысли и души.

– Ладно, – сказал он остальным, – давайте выйдем, пусть они тут по-быстрому воробышка поймают.

...До вокзала Ставскую и Брысину довели на колонийском газике.

В пути за Тамарой Борисовной приударил сосед по купе, отставной военный. Еще не старый, вдовец, он предложил руку и сердце. Валька давилась от смеха.

– Нельзя мне замуж, – сказала Ставская. – Профессия не позволяет.

– Кто же вы? – допытывался вдовец.

Ставская залилась смехом:

– Если скажу, вы сразу потеряете всякий интерес.

– Ну, все же? – допытывался вдовец.

– Тюремщица я. В колонии работаю.

– Правда, что ли? – опешил сосед. – Надо же, такая женщина... Бросьте это дело. Проживем на мою пенсию.

– Ну, уж нет! – решительно вмешалась Валька.

– А вы тоже тюремщица?

Валька переглянулась с воспитательницей.

– Тоже.

Доехали благополучно. Ставская расслабилась: все самое страшное позади. И пропустила мимо ушей Валькину фразу «Хочу мороженого». А та уже скрылась в толпе пассажиров. Тамара Борисовна заметалась: господи, неужели рванула? Но на всякий случай решила остаться на месте и ждать. Прошло пять минут, десять, пятнадцать. «Сбежала-таки, дрянь такая! Что же теперь делать? Что?»

Но Валька появилась. В руках две пачки мороженого и какой-то сверток.

– Сосиськи охотничьи увидела. Что за люди? Просила без очереди отпустить – ни в какую! И без подарка возвращаться как-то не по-людски. Угощу своих пантер, отблагодарю. Вы уж, Тамара Борисовна, извиняйте, ага?

Это было уже слишком. Ставская сорвалась:

– Во-первых, не сосиськи, а сосиски. Во-вторых, я не Тамара Борисовна. И, в-третьих, что теперь с твоими сосиськами делать? Кто тебя пустит с ними в зону?

– А разве вы... – Валька не договорила.

– Это должностное преступление, понимаешь?!

Брысина скривила толстые губы:

– Подумаешь. Ну, давайте я их выброшу. – Она сделала движение, словно действительно решила выбросить сверток, но рука ее остановилась. – Нет, лучше съем.

– Приятного аппетита, – сказала Ставская. – Вот все вы так. Сначала что-то сделаете, а потом только за голову хватаетесь.

По тону ее было понятно, что пронесет она эти охотничьи сосиски в зону. Не пропадать же продукту. Только сделать это будет непросто. Уж слишком вкусно пахнут.

Глава 6

Заместитель начальника колонии по воспитательной работе майор Жмакова принимала гостей из Москвы в небольшом кабинете, сидя под портретом Дзержинского. Мундир сидел на Вере Дмитриевне как влитой. Но, несмотря на бравый вид, выглядела она довольно женственно. Ей было чуть больше сорока, но казалась она старше. Годы прибавляли золотые коронки. Улыбаясь, она прикрывала их ладонью.

Оглядев Леднева с ног до головы, Жмакова сказала:

– Оформить бы вас контролером. Тогда б вы все поняли до тонкостей.

Американку майор Жмакова первые минуты как бы не замечала. И Мэри решила обратить на себя внимание.

– Контролер – это кто? – спросила она, выслушав перевод Михаила.

– Так у нас называют надзирателей, – пояснил Леднев. – Слово «контролер» не так унижает.

– Кого? – простодушно допытывалась Мэри.

– Страну. А еще запомни: у нас нет заключенных.

– А кто же они?

Леднев замялся, не зная. Как перевести слово «осужденные».

– Да, у нас нет заключенных, – подтвердила Вера Дмитриевна, уловив слово prisoner и показывая кое-какое знание

английского.

– Да-да-да! – с энтузиазмом согласилась американка, извлекая из своего рюкзака косметический набор.

– Это мне? – удивилась Жмакова. Было видно, что подарок ей приятен.

Мэри заискивающе сказала по-английски:

– Поверьте, я умею быть благодарной.

Ледневу показалось, что смысл сказанного Вера Дмитриевна ухватила, но на всякий случай он все же перевел.

– А я умею быть полезной, – весело ответила Жмакова.

Женщины рассмеялись, довольные друг другом. Леднев облегченно вздохнул.

На вахте женщина-контролер потребовала, чтобы Мэри оставила свой рюкзачок. Пояснила, что даже сотрудницы сдают свои сумочки. Режим!

Американка растерялась:

– Но у меня в рюкзаке объективы. Они не войдут ни в один карман.

– Пропусти, – приказала Жмакова.

Они шли по аллее. Слева и справа – локалки. Одноэтажные общежития, огороженные со всех сторон толстыми решетками. Чистый зоопарк.

Догорал сентябрь. Арестантки в черных сарафанах, черных ватниках и белых косынках грелись возле общежитий под скупыми лучами осеннего солнца. У каждой в руке сигарета или самокрутка. Было воскресенье, и сегодня никто не

работал. Из динамика вырывался старый шлягер: «Музыка на-а-ас связала, тайною на-а-ашей стала...»

Жмакова говорила тоном экскурсовода:

– Здесь у нас больше тысячи женщин. Сами себя они называют пантерами. Красивое слово. Сидят в основном дочки генералов, министров и интердевочки. И, конечно, ни за что. А если серьезно, у нас только одна настоящая интердевочка, хорошо говорит по-английски. А остальные – настоящие рецидивистки. Сидят за воровство, мошенничество и убийства. Многие в колониях раскручиваются и отбывают по 15-20 лет.

– Здравствуйте, ягодки мои! – ласково приветствовала арестанток майор Жмакова.

– Ага, ягодки, только волчьи, – ответили ей.

– Птички мои, – еще ласковей произнесла Вера Дмитриевна.

– Ага, кокаду, – послышалось из-за решетки.

– Это у нас так называемые локалки, – поясняла дальше Жмакова. – Таким образом, мы ограничиваем связи осужденных. Без этих локалок найти осужденную, если она вдруг понадобится, очень трудно. А их у нас тут, повторяю, больше тысячи.

Леднев и Мэри рассматривали арестанток. Арестантки с не меньшим интересом разглядывали их, обмениваясь замечаниями и посмеиваясь.

– Можно фотографировать? – нетерпеливо спросила Мэ-

ри.

– Можно, – разрешила Жмакова.

Американка начала лихорадочно клацать затвором камеры. К решетке бросилась старая арестантка, сипло заорала:

– Елы-палы! Какого хрена? Ты меня спросила? Я на тебя в суд подам!

– Она не понимает, – сказал Михаил.

Арестантка сбавила тон:

– Нерусская, что ли?

– Американка.

– Тогда пусть платит баксы. Дорого не возьмем.

Другая арестантка ласково подошла к Ледневу, сказала с придыханием:

– Эх, кабы невидимкой да к тебе в карман. Угостил бы сигареткой, мужчина.

Михаил повернулся к Жмаковой:

– Можно?

Та молча кивнула. Леднев подошел к решетке. К нему тотчас устремилась целая стайка женщин. Через несколько мгновений пачка была пуста. А к нему уже бежали другие арестантки. Мэри залезла в свой рюкзачок и вынула две пачки «Мальборо». Одну дала сердитой арестантке. Та заулыбалась, избоченилась.

– Давай, снимай меня первую.

Мэри снова заклацала затвором камеры. Ее лицо при этом выражало охотничий азарт. Кадры должны были получить-

ся потрясающие. Никогда еще Леднев не видел женщин, над которыми бы так беспощадно поработало время. Впалые щеки, беззубые рты, высохшие тела... При этом никакой патологии. Может, во времена Ломброзо у преступниц были другие лица? Где петлистые уши, западающие подбородки, искривленные или приплюснутые носы, низкие лбы, сильно развитая нижняя челюсть и выдающиеся скулы? А вот той блондинке с высоким лбом и лучистыми глазами хоть сейчас в Государственную думу – депутаткой.

– Кто она? За что сидит? – спросил он.

– Мошенница, – ответила Жмакова. – У всех мошенниц располагающая внешность.

– А эта кто? Что с ней? – спросил Леднев, показывая на женщину с трясущейся головой.

– Как вам сказать? – замялась Жмакова. – Давно это было. Кто-то обидел ее. И она решила отомстить – перерезала себе сухожилие.

– Чтобы отомстить другим, перезала себя? – удивился Леднев.

Жмакова снисходительно посмотрела на него.

– У женщин-преступниц совсем другая психология, чем у преступников-мужчин. Во многом прямо противоположная. Работать с ними гораздо сложнее, скажу я вам. Как по минному полю ходишь. Не знаешь, когда и где рванет.

Добавила после короткой паузы:

– Женщина разрушается быстро, зато живет в неволе дол-

го. Намного дольше, чем мужчина. Маня, подойти сюда! – сказала она сердитой арестантке.

Та подошла к решетке.

– Маня, ты сколько уже сидишь?

– Елы-палы, начальница, а ты будто не знаешь! – обиженно ответила старуха. – Сорок пять лет без выхода.

– Маня у нас рекордсменка, – гордо произнесла Жмакова. – Может быть, даже чемпионка мира. Скоро у Мани конец срока, и пойдет она у нас домой.

– Никуда я не пойду, – сказала старуха. – Снова сделаю преступление. Куда мне идти? В бомжихи? В подвале жить? Нет уж, лучше я здесь доскриплю. Жить – так на воле, умирать – так в доме, а дом мой, начальница, здесь.

Леднев перевел для Мэри:

– Эта старуха говорит, что ей не нужна свобода. Здесь ее дом, где она провела сорок пять лет, здесь она и умрет.

Мэри несколько раз сфотографировала Маню и сказала шепотом:

– Майк, я хочу поснимать эту женщину отдельно и поговорить с ней.

Жмакова отнеслась к этой просьбе спокойно.

– Маня была у нас когда-то первой красавицей на зоне, – сказала она с гордостью.

– Нет, начальница, – возразила Маня, – первой кралей была Машка Стогова. Тезка и братанка моя. – Ты тогда, начальница, елы-палы, еще пешком под стол ходила.

– Майк, я в шоке, – снова прошептала Мэри. – А мне потом не засветят пленки?

– Клади отснятые за пазуху, – посоветовал Леднев

Сказав эти слова, Михаил обнаружил, что рядом с ними стоит какой-то майор. Лет сорока пяти, большой, с хитрыми глазами.

– Это Валерий Сергеевич Гаманец, начальник оперчасти, – представила его Жмакова.

– Иначе говоря, кум, – со смешком назвал себя Гаманец и церемонно поинтересовался. – Каковы первые впечатления?

Мэри скептически скривилась:

– Тюрьма – не курорт, так у нас говорят.

– Мы тоже так говорим, – рассмеялся опер.

Леднев повернулся к Жмаковой:

– По-моему, вы начали интересную тему. В чем же еще отличие женщины преступницы?

– А вы посмотрите, как они следят за вами, – ответил вместо Жмаковой Гаманец. – Как хищные кошки. Улавливают слабину и начинают на ней играть. Помню, однажды осужденная наделала на швейном производстве много брака, и я написал на нее докладную. Я просто обязан был это сделать. Я слова плохого ей при этом не сказал. А она взяла и выпила раствор хлорки. Еле откачали.

– И в то же время могут быть безразличны ко всему, даже к своей судьбе, – добавила Вера Дмитриевна. – Одна участница бунта пока шел суд, спала, и только в «воронке» спро-

сила, сколько же лет ей добавили.

– А можно с кем-нибудь поговорить? – спросил Леднев, когда они пошли к другой локалке.

– Будьте осторожны! – предупредил Гаманец. – Даже к кормушке не следует приближаться слишком близко. Могут чем-нибудь окатить...

Жмакова подозвала трех молодых женщин.

– Скажите что-нибудь о себе, – попросил Леднев. – Как вы впервые попали в колонию? Кого в этом вините? Что думаете о своем будущем?

Одна женщина ответила за всех троих:

– Записывайте. Впервые попали по вине мужчины. Освободились и снова попали по вине мужчины. Выйдем и снова попадем по той же причине. – Добавила вполголоса, с хитрым выражением лица. – Ну, кто еще вам об этом скажет? «Мальборо» еще осталось?

Мэри сунула за решетку пачку сигарет.

Арестантка с достоинством взяла, закурила, с наслаждением затянулась и по-свойски предупредила Леднева:

– Тут у нас год назад сантехник на зону вошел. И потерялся. До сих пор ищут.

Глава 7

Репетиция шла полным ходом. Пел хор, все женщины были в красивых белых платьях. Следом началась казачья пляска, участвовавшие в ней женщины выглядели вылитыми мужиками. Потом к пианино села на редкость симпатичная девушка и в хорошем темпе сыграла Полонез Огинского. Сидевший в седьмом ряду подполковник Корешков похлопал в ладоши и спросил:

– Лариса, а что у тебя на бис?

Девушка сыграла «К Элизе» Бетховена. Начальник колонии слушал с видом знатока.

– Это наша достопримечательность, Лариса Каткова, – сказала Жмакова. – Самая молодая особо опасная рецидивистка страны. ООР ей поставили на личное дело в 21 год. Села за кражу, потом раскрутилась за массовую драку, потом за участие в лагерном бунте. В общем, прошла двойную раскрутку. У нас она уже пять лет. Красивая, правда?

Они сели втроем в заднем ряду. Мэри вынула из рюкзака длинный телеобъектив, приладила его к фотоаппарату и начала снимать.

На сцену вышли Мосина и Агеева. Они спели модный шлягер. Каткова аккомпанировала им с раздраженным видом и дважды сбилась.

Корешков был недоволен:

– Лариса, в чем дело? Давайте повторим этот номер.

Фаина и Лена снова спели хорошо, а Лариса снова сбилась. Со злостью захлопнула крышку пианино.

– Все, больше не могу! Тут посторонние. Я отвлекаюсь.

– Лариса, не капризничай! – прикрикнул Корешков. – Иди сюда. Сядь и успокойся.

– У меня голова разболелась. В конце концов, это дело добровольное, – в голосе Катковой послышались слезы.

– Тебе не дорога честь колонии? – строго спросил начальник колонии.

– Что? – скривилась Лариса. – Чья честь?

Здороваясь с гостями, начальник колонии встал. Он был выше и плотнее Михаила. Простое, мягкое, с правильными чертами лицо. На полных щеках угадывались ямочки. Он выглядел воплощением добродушия.

– Прогон закончен, – объявил Корешков.

Артистки высыпали из-за кулис на сцену и обступили его. Начали просить, чтобы он разрешил им немного потанцевать. Упрашивали совсем как дети:

– Ну, гражданин начальник. Ну, пожалуйста. Ну, хоть полчасика.

Корешков переглянулся с Жмаковой и махнул рукой. Тут же заиграла радиола, полилась томная музыка. Но заключенные почему-то не спешили танцевать.

– Сейчас мы уйдем, они убавят свет и будут танцевать в полумраке свою ламбаду, – шепнула Вера Дмитриевна.

– Можно это поснимать? – азартно спросила Мэри.

– Нет-нет, – запротестовал Корешков. – Женщины будут против.

Каткова неожиданно сказала:

– С чего вы взяли, гражданин начальник? Пусть поснимает. Лично я не против.

– Нет, – отрезал Корешков. – И повернулся к гостям. – Это же нарушение режима. Я уж так, по доброте душевной разрешаю. Все-таки женщины старались. В другой раз плохо будут выступать. Пусть танцуют. А вам я покажу кабинет релаксации. Такого у вас в Америке наверняка нет. – Он окликнул Каткову и сказал ей приказным тоном. – Лариса, ты идешь с нами.

– Зачем? – возмутилась Каткова. – Чего я там не видела?

– Ты идешь с нами, – с улыбкой процедил подполковник, показывая Катковой глазами, что ей не стоит вести себя вызывающе.

В кабинете релаксации Корешков объяснил, что здесь проходят курсы психотерапии не только заключенные, но и сотрудники.

– Это мое самое любимое место в колонии. Давайте расслабимся.

С этими словами Николай Кириллович первым погрузился в кресло, надел наушники и закрыл глаза. Его примеру последовали Жмакова и Гаманец. Каткова сделала то же самое, только с демонстративным отвращением. На стене за-

светился экран, появились слайды с изображениями природы, из наушников полилась мелодия Сен Санса «Лебедь», и послышался голос психолога:

– Заняли удобную позу. Успокоились. Дыхание ровное. Все тело расслабилось. Все посторонние мысли ушли. Управляйте своим самочувствием. Я спокойна, я расслаблена. Я – птица. Я парю над землей. Рядом облака. Я опускаюсь все ниже и ниже. Плавно приземляюсь. Лес. Тишина. Поют птицы. Журчит ручей. Моросит мелкий дождь. Сажу под деревом и думаю о своей судьбе. Обдумываю свое прошлое. Прошлое особенно похоже на дождливую погоду. Дождь льет не переставая. Все вокруг серо и мрачно. Сырости не видно конца. На душе зябко. Эта неудобная жизнь на свободе. Вечная неустроенность и неопределенность. Никакой цели, никаких перспектив. Жизнь, как у зверя. И предчувствие нового срока...

Корешков, Жмакова и Гаманец сидели с закрытыми глазами и слушали очень серьезно. А на губах Катковой блуждала язвительная усмешка.

– Я ненавижу свое прошлое, – слышался голос психолога. – Оно развратило меня. Оно растоптало мою личность. Я хочу избавиться от него. Я хочу изменить свою жизнь. Я смогу сделать это. Мое будущее начинается здесь. Все зависит от меня самой! Я прислушиваюсь к мнению педагогов. Они желают мне добра.

Каткова сдернула с ушей наушники и бросила их на пол.

– Все! Больше не могу!

– Вот такие они у нас невыдержанные, – сказала Жмакова.

– Меня тошнит от вашей релаксации, – сказала Каткова. –

Я не птица.

– Ну да, ты сейчас вся там, на танцах, – с усмешкой произнес Корешков.

– Да, я вся там! – с вызовом ответила Каткова.

– Ладно, иди, – махнул рукой начальник колонии.

Каткова решительно поднялась из кресла. В дверях обернулась и неожиданно сделала ручкой, словно и не заключенная вовсе. Глядела при этом на Леднева, сфотографировала его глазами.

– Это не самый испорченный экземпляр, – сказал Корешков, когда Каткова вышла. – Мы ничего скрывать от вас не будем. На нас столько уже грязи вылито, одним ушатом больше, одним меньше – уже без разницы. А вот люди пусть знают, с каким материалом приходится иметь дело. Только должен предупредить. Не берите с собой в зону ценные вещи и деньги. Клептомания у женщин развита сильнее, чем у мужчин. Не дарите ничего осужденным. Вас могут попросить что-то пронести в зону или, наоборот, вынести. Имейте в виду, это противозаконно.

Подполковник со значением посмотрел на гостей, желая убедиться, все ли они усвоили, потом спросил:

– Что вы хотели бы увидеть, с кем поговорить? Давайте составим план.

Леднев перевел, и Мэри стала перечислять, что она хотела бы снять. Прием новых осужденных, освобождение отбывших свой срок, свидания с родственниками. Ну и, естественно, повседневную жизнь от подъема до отбоя.

– Вас будут ежедневно привозить в колонию утром и увозить вечером, – сказал подполковник. – Вас будет сопровождать сотрудники, но все равно будьте с осужденными осторожны. Ничего нельзя исключать. Абсолютно ничего! А теперь давайте попьем чаю.

Корешков жестом пригласил в соседнюю комнату, где был накрыт стол. Чай, моченая брусника, клюква и варенье из голубики. Настроение у всех быстро поднялось, как после выпитого.

Жмакова начала разливать по чашкам чай, а подполковник принялся расспрашивать Мэри об американских тюрьмах.

– У нас бы эту заключенную наказали, – сказала Мэри, имея в виду Каткову. – У нас персонал смотрит на заключенных гораздо официальное и строже.

Корешков усмехнулся каким-то своим мыслям:

– А мы или все прячем, или показываем все без разбора.

Кажется, он не одобрял решения вышестоящего начальства пустить сюда американку. Он вообще немного нервничал, поглядывал на часы, переглядывался со Жмаковой и Гаманцом. Ставская и Брысина должны были приехать утром, это крайний срок, а сейчас уже вечер.

Открылась дверь, на пороге стоял надзиратель.

– Товарищ подполковник, в клубе драка.

Ледневу показалось, что Корешкова это сообщение не удивило.

– Каткова?

– Да, с Мосиной, – подтвердил надзиратель. – Потаскали друг друга за патлы.

– Потанцевали, называется, – с сарказмом произнес Корешков. – Мосину в изолятор – до утра. А Каткову – сюда.

Надзиратель кивнул и тихонько прикрыл за собой дверь.

– Драки у нас, к сожалению, довольно часты, – сказала Жмакова. – В мужских колониях дерутся гораздо реже.

Корешков снова посмотрел на часы.

– Объявлять побег? – спросил Гаманец.

– Не надо торопиться, – ответил подполковник, прихлебывая чай.

Зазвенел внутренний телефон. Корешков снял трубку.

– Приехали? – в голосе подполковника прозвучало облегчение. – Ну, давай сюда, а то мы тут все жданы съели.

Через несколько минут в комнату вошли Ставская и Брысина.

– Ездили к ее гражданскому мужу, – коротко объяснила Ставская.

– От маршрута отклонились. Время перебрали. Пиши объяснительную, – сказал Корешков.

– Гражданин начальник, – воскликнула Брысина, – лучше

меня накажите!

Корешков сказал с шутливым возмущением:

– Вот так у нас всегда. Тамара Борисовна – человек, а остальные – изверги. Иди, Брысина.

Валька озадаченно помялась и вышла.

В сопровождении надзирателя появилась Каткова, под глазом фингал, лицо поцарапано.

– Мосина требует московского гостя, – сказал надзиратель. – Говорит, разговор есть. В случае отказа, грозит вскрыться.

– Осмотрите Мосину, как следует, – распорядился Гамаец.

Надзиратель кивнул и вышел.

– Ну, что, Лариса, потанцевала? – начал Корешков. – Лишу-ка я тебя ларька еще на месяц. Но если хорошо сыграешь на концерте, взыскание будет отменено.

Каткова скривилась:

– Не знаю, смогу ли я когда-нибудь отплатить вам за вашу доброту.

– Лариса, не паясничай, – одернула ее Ставская.

– Тамара Борисовна, – обратилась к ней Каткова. – Я действительно не нуждаюсь в побрякках. Заслужила – сажайте. И, между прочим, я тоже хочу поговорить с психологом, – прибавила она, глядя в глаза Ледневу.

В дверях снова возник надзиратель:

– Вскрылась все-таки Мосина.

Мосиной наложили швы, но не сказали, что дадут побеседовать с Ледневым. Оставили в санчасти одну, и там у нее случился истерический припадок. Она сорвала швы и чуть не истекла кровью.

С ней разрешили поговорить не больше трех минут.

Фаина лежала на больничной койке под капельницей, бледная, с синевой под глазами. В ее красоте было что-то неживое, высушенное. Она приоткрыла глаза и прошептала:

– Сделайте доброе дело, помогите мне. Вам это ничего не стоит.

– Что я должен сделать? – спросил Михаил.

– Нам здесь не дадут говорить. Встретьтесь с моей матерью, она вам все расскажет. Только вы можете меня спасти.

Мосина закрыла глаза. Ею снова занялась фельдшер.

Глава 8

Вечером Леднев и Мэри ужинали в гостиничном ресторане. Готовили здесь на удивление хорошо. Но у американки была своя система питания. Она вынула из сумки большой помидор и крохотные электронные весы. Взвесила овощ, протерла салфеткой и начала есть, отрезая кусочек за кусочком. Потом подозвала метрдотеля и заказала себе на каждый вечер отварные куриные гребешки.

Женщине-метрдотелю было любопытно узнать, какой толк от этих гребешков.

– Я не обязана объяснять, – сердито сказала Ледневу Мэри.

– Тогда тебе не будут готовить, – сказал Михаил.

– Это косметическое средство.

– Ты будешь их есть или натирать ими лицо?

– Конечно, есть, – в сердцах сказала Мэри.

«Не помогут тебе никакие гребешки, – думал Леднев, поглядывая на американку. – Ну, подтянется у тебя кожа. А глаза не станут теплее. У тебя ж глаза снайпера».

– Ты почувствовал, как пахнут эти женщины? – спросила Мэри.

Михаилу опять стало обидно за зэчек.

– Что едим, тем и пахнем.

– Почему им не разрешают пользоваться косметикой? –

спросила американка. – Одежда для женщины – часть ее красоты. Женщина считает себя красивой, если хорошо одета.

Леднев промолчал, у него не было возражений.

– Заключенные нас тоже сейчас обсуждают, – не унималась американка. – Представляю, о чем они говорят. Обмениваются впечатлениями о тебе. Две уже напросились на свидание. Одна – с риском для жизни.

– Думаю, тебе они тоже перемоют косточки, – огрызнулся Михаил. – Завтра я отвезу тебя в колонию и ненадолго отлучусь. Часа на два.

Американка перестала жевать. Ее тонкие брови полезли вверх.

– Майк, мы так не договаривались. – Мэри помолчала, что-то соображая, и спросила. – Может быть, тебе нужен аванс?

Леднев покраснел.

– Мне не нужен аванс. Я вообще не возьму с тебя ни цента.

– Загадочной должна быть женщина, но не мужчина, – сказала Мэри.

Леднев усмехнулся.

– Ты не читала Лермонтова. Ты вообще читала кого-нибудь из русских писателей?

Американка наморщила лоб. Ей хотелось назвать Достоевского. Но она его не читала и вообще боялась попасть впросак. Поэтому она на всякий случай пропустила вопрос мимо ушей, закурила «Мальборо», глубоко затянулась и ска-

зала, выдыхая струю дыма:

– А ты заметил, у Ставской с начальником колонии что-то есть. Но не только с ней. Эта Каткова – заключенная, а он – тюремщик. Как он может?

– С чего ты взяла? – насторожился Михаил.

Американка ядовито усмехнулась:

– У вас, по-моему, законы, нормы и правила нарушают все. Такой народ.

Опять она сует свой нос, куда не следует! Сама не может вести себя в чужом доме прилично. Леднев едва сдерживал возмущение.

Глава 9

Серафима, мать Фаины Мосиной жила на окраине города, в старой обшарпанной хрущевке. Когда Михаил поднялся на пятый этаж, она уже стояла на лестничной площадке. Женщина лет сорока девяти. По виду – учительница младших классов. Лицом – Фаина, только старше лет на двадцать.

Провела на кухоньку, где уже был накрыт маленький столик, на котором стояли чашки и баночка с вареньем. Она его ждала. Дочка уже сообщила. Лагерная почта работала безотказно.

– А вы правда из Москвы?

Михаил показал удостоверение внештатного корреспондента журнала. Мосина рассматривала его тщательно, проверяла на подлинность. Было время оглядеться. Бросалась в глаза опрятность и бедность.

– Фаина жила с вами? – спросил Леднев.

– Она до сих пор не замужем, – ответила Мосина, возвращая удостоверение.

– Что так? – спросил Михаил.

Он знал: проявишь деликатность – останешься без информации. Без какой-то детали. А психологический анализ – это детали и мысли вокруг деталей.

Мосина нервно перебрала пальцами.

– Я даже не знаю, как с вами говорить. Боюсь, как бы Фае

не навредить. Ей и так досталось в жизни из-за меня.

Леднев произнес мягко:

– Скажите прямо, в чем ваша беда. Если смогу – помогу. Не смогу – все, что вы скажете, останется между нами.

Женщина посмотрела внимательно, сказала нерешительно:

– Фая велела ничего не скрывать. Значит, ей так надо. Но, по-моему, она очень рискует. И я вместе с ней. Понимаете, – Мосина замялась, – я – тайная агентка уголовного розыска. Я подписку давала о неразглашении. Меня могут привлечь. Вы меня не сдадите?

Леднев знал: раскрыть фамилию осведомителя или самой раскрыться можно только по специальному приказу министра внутренних дел. Но если агентка – это тем более интересно! С такими экземплярами он еще не сталкивался.

– Рассказывайте, – сказал он.

...Серафиме Мосиной повезло с мужем. Непьющий, работающий, не бабник. Зарабатывал, правда, немного. А детей они настрогали четверых. Но голодом не сидели. Муж работал шофером на мелькомбинате. Мука была, считай, бесплатная. Серафима каждый день стряпала, стряпней и перебивались.

Но муж неожиданно умер. Сгорел за два месяца от гепатита С. Вот когда Серафима пожалела, что не получила никакого образования. Чтобы одеть детей, стала предлагать свои услуги женщинам, которые вяжут, и продавала на рынке ша-

ли, носки. Ее задержали – не положено торговать без патента. Но привлекать к уголовной ответственности не стали. В милиции пригляделись к Серафиме. Женщина неграмотная, но соображает быстро. Хитрая, изворотливая и в то же время располагающая к себе. Почему не использовать в оперативных целях?

Заняться Серафимой начальство поручило молодому оперу уголовного розыска Валере Гаманцу. Он парень симпатичный, она ему не откажет.

Гаманец провел с задержанной задушевную беседу, выпустил ее под подписку о невыезде, а вечером нагрянул прямо домой с бутылкой водки и кульком пряников. Сперва количество детей привело младшего лейтенанта в оторопь. Но уж больно хороша была Серафима. К тому же сама она относилась к детям без особого материнского трепета. Отправила их гулять и не пускала в дом до позднего вечера. Пока не отвела душу на ладном милиционере.

Несмотря на то, что родила троих сынов и одну дочку, она была очень хороша. К ней и на рынке приставали, но она всех потихоньку отшивала. Не хотела, чтобы за просто так пользовались ее красивым телом. А этот лейтенантик пришел и завладел в один момент. Что значит представитель власти. Перед властью Серафима, как большинство женщин, была слаба на передок.

– Ну, чего тебе бедствовать? – сказал Гаманец, когда убедился, что она действительно ни в чем ему не откажет. – Да-

вай в нашу контору. Я дам рекомендацию. Начальство ко мне прислушивается. Направим тебя на ответственный участок. На фронт борьбы со спекуляцией.

– И что я буду делать? – полюбопытствовала Серафима.

Гаманец расхохотался:

– Симочка, ну что ты придуриваешься? Соратницей будешь. Ты же так много знаешь.

– А я думала, на работу возьмете, – разочарованно произнесла Серафима.

Она, конечно, немного по привычке придуривалась.

Гаманец жарко задышал ей в ухо:

– Глупышка, это и есть самая почетная и ответственная работа. Не только зарплату, премиальные будешь получать. А разве у тебя есть другие перспективы? Только одна – загреметь за решетку. А детки?

– Но это ж стыдно, – вяло сопротивлялась Серафима.

– Засунь свой стыд знаешь, куда? – вскипел Гаманец. – Кому ты нужна с четырьмя детьми? Только нашей родной милиции.

«А тебе?» – едва не спросила Серафима. Она даже не знала, свободен ее ухажер или женат. По натуре она была женщиной гордой, но не знала, что со своей гордостью делать.

– Завтра придешь, и мы подпишем один документик, – сказал, довольный вербовкой Гаманец. – Подпишешь и торгуй хоть краденым, хоть некраденым. Никто тебе слова не скажет. Будешь, как наш сотрудник, на особом положении.

И Серафима покорно пришла и покорно подписала. И поздравил ее с новой работой сам начальник уголовного розыска. Потом его подчиненные вышли, и начальник попил с Серафимой чаю с подушечками наедине. И еще насыпал ей в кулек, для деток. А на прощанье предупредил, что в некоторых случаях сам будет встречаться с ней на конспиративной квартире...

– Я потом только узнала, что у них все агентки в двойном использовании, – сказала Серафима.

– Что было дальше? – спросил Михаил.

– А что дальше? Начала работать. Только о многом, что удавалось узнать, я не говорила: жалко было сдавать людей. Ведь у каждого спекулянта тоже дети. Гаманец на меня орал. Говорил, плохо работаю, зарплаты лишал. Дети мои сидели впроголодь. Грозился даже посадить. Я потом только поняла, что он специально меня готовил. Я нужнее была не на воле, а в следственном изоляторе. А как-то раз на конспиративную квартиру приходит сам начальник угрозыска и говорит: так и так, Сима, поймали мы убийцу, а доказать ее вину не можем, поработала бы ты с ней. Это как же, говорю, я с ней поработаю, она ведь у вас сидит. А мы, говорит, подсадим тебя к ней, а ты ее вызовешь на откровенность. Глаза у тебя, смотри, какие. Я сам готов тебе исповедаться. Я говорю: а вдруг меня в тюрьме кто-нибудь узнает? Начальник как расхохочется: нет, Сима, ты у нас особо ценный кадр, мы тебя побережем.

Дали Симе командировочные, и поехала она в другой город. Там встретили, заставили назубок выучить легенду, поставили задачу и посадили в камеру к той самой убийце. Но она не стала лезть к ней в душу, что-то выведывать. Видит, женщина мучается. Говорит ей: покаялась бы. Та задумалась, плачет. И Сима молчит, не навязывается. На другой день убийца сама спрашивает: а может правда, признаться? Это, отвечает Сима, тебе решать. Убийца: а как бы ты на моем месте сделала? В общем, написала она чистосердечное признание. Начальство было довольны. Премию Симе выписали. А Она уже не рада была никаким деньгам. Дети ведь одни остались. А ей говорят: может, еще задержишься? Тут есть одна крупная воровка: надо бы и с ней поработать. Сима отказалась. Тогда ей говорят: ну, в этом случае, премии тебе не будет. Пришлось согласиться.

– Сколько же было у вас таких командировок? – спросил Леднев.

– В среднем одна в месяц.

– И сколько лет это все продолжалось?

– Восемнадцать лет.

– Это сколько же вы за эти годы преступников раскололи? – спросил Михаил, множа в уме восемнадцать на двенадцать.

– Больше двухсот.

– Двести шестнадцать, – уточнил Леднев.

– Но ведь была еще работа помимо командировок, на рын-

ке. Я знала всех скупщиков краденого, всех карманников.

При слове «карманники» на лицо Серафимы набежала тень, и она заплакала.

– Зачем вы мне все это рассказываете? – спросил Леднев.

– Через эту проклятую работу я Фаечку упустила. Она была самая младшая, я боялась дома ее оставлять, с собой на рынок брала. Там она и познакомилась с мальчишками. Веселые такие, озорные. Я даже не догадывалась, что они щипачи. А милиция все знала, все видела. Но у Гаманца, как я потом поняла, насчет Фаи были свои планы.

Гаманец к тому времени стал уже капитаном. Специализировался на борьбе с карманными кражами. Этот участок работы всегда считался в милиции одним из самых трудных. Схватить щипача за руку почти невозможно, его всегда прикрывает сообщник. А не ловишь вора с поличным, не сажаешь за решетку – считай, работаешь вхолостую, зря деньги получаешь.

Капитан был не из тех, кто мог терпеливо выслушивать нарекания. Ревностный служака, он привык быть на хорошем счету и своевременно получать премии и звездочки. Увидев Фаю Мосину в компании карманников, он весело подумал: если у него на связи мама, то почему бы не завербовать и дочку?

А дочка была хороша. Когда Гаманец смотрел на нее, у него поднималось давление. Но он не торопил события. Не приставал: боялся спугнуть птичку раньше времени. Уж

очень самолюбивая. Но больше всего боялся Гаманец, как бы Серафима не проговорила дочери. Постоянно страшал, напоминал о подписке. Но Серафима и без угроз скрывала от детей свою тайну.

Во время разговора Серафима не отходила от окна. Поглядывала из-за занавески. Можно было подумать, что у нее мания преследования. Но Михаил снова ошибался в выводах.

– Вы пришли не один, – сказала Мосина. – Вас сюда вел один человек, а когда выйдете, вас поведет другой. Я знаю их систему.

Ледневу нужно было уходить. Его ждала Мэри. Он отсутствовал уже два часа. Но теперь он боялся, что ему не дадут продолжить разговор с Фаиной в другой раз. Запретят ей общаться с журналистом, и все дела.

– Ничего они с вами не сделают, – сказал Леднев. – Не то время.

Серафима тихо заплакала. Сказала сквозь слезы:

– Не знаю, что Фаечка задумала, но лучше бы вы уехали

Глава 10

В колонии Леднева ждала новость: Лена Агеева набросилась на Каткову с кулаками. Драку быстро разняли. Лена водворена в изолятор и сидит теперь по соседству со своей подругой Мосиной.

Сообщившая эту новость капитан Ставская просила не выдавать ее.

– Как? Мосина разве не в санчасти? – удивился Михаил.

– Ей наложили швы, подержали ночь под капельницей и перевели в общежитие. А утром она вышла на работу в швейный цех. Это было ее добровольное желание.

Леднев только головой покачал.

– Хотите совет? – сказала Ставская. – Сделайте вид, что потеряли интерес к Мосиной.

– Так ведь она требует встречи со мной.

– Я устрою вам встречу, – пообещала Ставская. – А вы занялись бы пока Катковой. Она рвется к вам.

За дверью кабинета стояла тишина. Отряд работал на швейной фабрике. Мэри сейчас была там под присмотром Гаманца.

Они прошли по общежитию. Две огромные комнаты на двух этажах. В каждой жило около семидесяти женщин. Между рядами двухъярусных коек – тумбочки. Все, как в мужской колонии. С одним существенным отличием. Не

видно книг. Что само по себе удивительно.

– Чем же занимаются женщины в свободное время? – спросил Леднев.

– Что-нибудь или кого-нибудь обсуждают. Удовольствия себе доставляют: чифир, теофедрин... А вы думаете, тут кто-то над собой работает? Для чтения нужно воображение.

– Считаете, у здешних дам его нет?

– Ну почему же? Сколько угодно. Только это какое-то другое воображение. Для чтения не годится.

– Неужели ваши осужденные вообще ничего не читают? – спросил Михаил, по опыту зная, что на наивный вопрос можно получить самый интересный ответ.

– Странно, что это вас так удивляет, – отвечала Ставская. – Вам знакомы такие слова? Духовность женщины телесна, а тело дьявольски духовно. Вдумайтесь, и все станет ясно. Конечно, они читают. Но только то, что созвучно их телесной духовности. Особенно читают Ахматову, Цветаеву. Или выхватывают то, что созвучно их преступной жизни. Часто слышала: хороших предчувствий не бывает. А это, оказалось, слова Ахмадулиной.

– Почему нас приставили именно к вашему отряду? – поинтересовался Леднев.

– Для меня самой это странно, – сказала Тамара Борисовна. – Может, надеются, что наговорю лишнего. Это я могу.

Женщина она была яркая. Большие карие глаза, брови взлет, тонкая талия, полная грудь. Портила ее только, как

и других сотрудниц колонии, незамысловатая прическа, грубоватый макияж и золотые коронки. Все жители этих мест не отличались здоровыми зубами.

Заметив, что ее рассматривают, она быстро это пресекла:

– Не работа у вас, а одно удовольствие. Приехали, походили, посмотрели, что-то потом написали и еще деньги получили. Вдобавок привезли непонятно кого, фотографировать наш позор. А тут у людей несчастье. Несчастье каждый день, и долгие годы.

Михаил хорошо знал, что в колониях не любят журналистов, но не думал, что до такой степени. Однако обижаться было глупо и не ко времени. У него не выходил из головы разговор с Серафимой.

– Какого вы мнения о Мосиной?

Тамара Борисовна усмехнулась:

– Вот уж кого бы я меньше всего жалела. Учтите, здесь женщины могут зацепить вас очень крепко, иногда ценой жизни. Я ж говорю, у них тут особое воображение.

– Что у нее с Катковой?

– Каждая считает себя лучше другой. Борьба за лидерство бывает страшнее, чем у мужчин.

Ответ был очень обтекаемый. Чувствовалось, что Ставская чего-то не договаривает, и что ей вообще неприятна эта тема.

– А чего ради Мосина вскрыла себе вены?

– Зря вы это приняли на свой счет. Не надо переживать.

Вы здесь не при чем, уверяю вас.

– А кто при чем? Агеева? Каткова? Мосина вскрыла себе вены после того, как Каткова вернулась из кабинета релаксации, так? Что там, на танцах, произошло?

Ставская сказала, не поднимая глаз:

– Я это еще не выясняла.

– А как выясняете? У вас своя агентура?

Тамара Борисовна рассмеялась:

– Агенты тут у всех, начиная от начальника колонии до контролера. Кроме меня. Я просто говорю, что именно мне нужно знать, и от желающих поделиться секретами отбою нет.

Михаил спросил прямо:

– Но о Катковой вы, по-моему, как-то особенно переживаете?

– А это – моя мечта, – просто отвечала Ставская, – чтобы Лариса освободилась раньше звонка. Отбыла уже семь лет, а впереди еще три. Она не выдержит, сорвется и получит очередной довесок.

Я по образованию учитель русского языка и литературы. Пришла когда-то сюда, потому что осталась без мужа, надо было на что-то жить. Учителям и при советской власти негусто платили. А сейчас еще страшнее вернуться в школу. Но я уйду. Дождусь, когда Каткова освободится, и тут же уйду. Ни одного лишнего дня здесь не буду, ни одного часа!

Посмотрите ее личное дело. Сейчас она сидит за участие в

лагерном бунте. Числится чуть ли не главной зачинщицей. А это не так. Одной из главных была Мосина. Но им добавили одинаково – по шесть лет каждой. Только Мосиной – за дело, а Катковой – за дурацкое поведение во время следствия.

– Но я не адвокат, я психолог, – сказал Леднев.

– Вы можете написать. Публикация поможет ей освободиться быстрее, чем ходатайство адвоката.

– А других вам не жалко?

– Мне всех жалко, но Каткову – особенно.

– Потому, что самая красивая? – допытывался Леднев

– Знаете, красоту особенно жалко, – снова просто объяснила Ставская.

Леднев немало повидал тюремщиц. Но такая ему еще не встречалась. Как она вообще могла сюда попасть? И как ее только держат?

– Знаете, – сказала Тамара Борисовна, – я однажды прочла у Льва Толстого: «Есть только один способ положить конец злу – делать добро злым людям». Я тогда поразились: как все просто! А когда попробовала, то поняла, как это по себе бьет. Очень больно...

Разговор только набирал ту полноту откровенности, которой обычно добивался Леднев. Но Гаманец будто чувствовал это на расстоянии. Дверь распахнулась без стука. Из-за плеча майора выглядывала Мэри. Опер был неестественно весел. Кажется, общение с американкой действовало на него возбуждающе. А Мэри, напротив, бросала на Михаила хо-

лодные взгляды. Гаманец не давал ей снимать то, что она хотела. Делал вид, что не понимает ее, хотя некоторые пожелания она выражала вполне красноречивыми жестами.

Спустя несколько минут они обедали в специальной комнате рядом с общей столовой. Здесь обычно обслуживались самые старшие чины колонии. Гаманец вышел, чтобы сказать что-то поварам-арестанткам. Мэри воспользовалась моментом.

– Майк, ты нарушаешь наш договор, – сказала она строго.

Леднев спросил простодушно:

– Разве мы заключали какой-то договор?

– Ты обещал, что дашь мне возможность делать снимки.

Это и есть договор. Что произошло, Майк? – американка смотрела в упор, у нее играли желваки.

Если бы Леднев сказал ей правду, она бы устроила ему скандал прямо сейчас, при Гаманце.

– Давай перенесем это разговор на вечер, – предложил он.

– Нет, ответь! – стояла на своем Мэри.

С Ледневым нельзя было разговаривать в подобном тоне.

– Маша, – сказал он укоризненно. – Ну, как ты с мужчиной разговариваешь?

Взгляд Мэри стал испепеляющим.

– Я не Маша, – прошипела она, – Я – Мэри.

Еще мгновение, и они бы поссорились. Но появился Гаманец. В руках у него была миска с черничными варениками. Тесто тонкое, ягоды много. То, что надо.

Через несколько минут тарелка была пуста.

– Добавки? – спросил майор. – Еще?

Слово «еще» Мэри знала.

– Еще! – азартно кивнула она.

Гаманец сказал Ледневу:

– Не надо бы ей особенно наедаться. Сегодня вечером у нас сауна.

Глава 11

В спецчасти Леднев попросил дело Лены Агеевой и прочел в приговоре: «Отбывая наказание в воспитательно-трудовой колонии для несовершеннолетних, имея цель добиться перевода в другое воспитательно-трудовое учреждение, Агеева и другая воспитанница, Воропаева, по предварительному сговору, накинули на шею воспитаннице Брысиной ремень от швейной машины и за концы затянули его. Брысина стала кричать, однако Агеева и Воропаева продолжали затягивать ремень. После потери Брысиной сознания, полагая, что она мертва, оставили ее одну в комнате. Однако свой преступный умысел до конца не довели, так как Брысиной была оказана медицинская помощь...»

А в приговоре, по которому Агеева получила первый срок и угодила в малолетку, говорилось, что она являлась организатором уличной девчоночьей шайки, занимавшейся разбоем не только в своем родном городе, но даже в Москве.

По просьбе Леднева Корешков распорядился выпустить Агееву. Причем, не на беседу, а вообще. Подполковнику нравилось делать широкие жесты.

Вблизи Лена выглядела, как бездомный ребенок. Тонкие кисти рук, круги под глазами, затравленный взгляд. Вот только эти татуировки на руках...

– Я еще на воле испортичилась. Можно сигарету? Портач-

ка меня одно время защищала, – туманно объяснила Лена.

О себе она рассказывала без запинки. Будто ей уже приходилось это делать не раз. Когда закончила семь классов, родителям дали квартиру в другом микрорайоне. Первое, что услышала от одноклассниц: готовься, чувиха, к прописке. Подумала: шутка. Но соседка по парте, девчонка с большими печальными глазами, объяснила, что на самом деле тут не до смеха. Все девчонки ходят в «толпы», так называются уличные компашки, а там пацаны могут пристать в любой момент. И попробуй только откажи. Расценят как оскорбление. Лена слушала с ужасом.

– Что же делать? – спросила она свою новую подругу.

Та закурила сигарету и показала наколку на руке:

– Видала? Как только начинают приставать, я сразу говорю про одного автора. Мол, я с ним гуляю, и если кто меня тронет, тому он голову открутит. Сразу отстают.

– А кто это – автор? – спросила Лена.

– Ну, ты как вчера родилась. Авторитет. Учись, подружка, вести базар.

Сигареты и портачки не укрылись от глаз педагогов. Вызвали на педсовет. Учителя разошлись не на шутку, обзывали девчонок путанами. Вызвали родителей, начали их прорабатывать: родить родили, а воспитывать не умеете. Матери потащили дочерей к врачам. А потом с гордым и оскорбленным видом принесли в школу справки, подтверждавшие, что девчонки девственницы. Учителя попали в трудное положение.

ние. Надо было признаваться, что поспешили с выводами. Но как-нибудь тихонько. А они сделали это перед всем классом. И молва о том, что две подружки все еще «честные», быстро дошла до уличной «толпы». Пацаны почувствовали себя обманутыми. Обозлились и девчонки: как это так? Чего ради эти две оказались на особом положении?

Однажды они сидели у подружки, слушали музыку. Родителей не было. Ввалилась «толпа». Пацаны уложили подружку в постель, девчонки держали её руки и ноги... А потом начали фотографировать. Сказали, что это наказание за обман. Лене повезло. В суматохе она успела выскользнуть за дверь.

С тех пор жизнь подруги превратилась в кошмар. Ее фотографию показали в других «толпах» и превратили в долбежку. В любое время и в любом месте к ней могли пристать пацаны и она обязана была идти с ними. Малейшее сопротивление подавлялось жестокими побоями. Били в основном ногами. Через месяц ей пришлось идти к венерологу... А Лена не высовывала носа из квартиры и все чаще задумывалась: а зачем ей девичья честь?

– То есть сексуальное насилие сейчас стало нормой? – спросил Леднев, пытаясь сформулировать свой вывод.

– Как два пальца об асфальт, – подтвердила Лена, закуривая новую сигарету.

Она так и произнесла слово асфальт – асвальт.

– Как же тебе удавалось уцелеть? – спросил Михаил.

– Я окончила музыкалку и решила уехать, от греха подальше. Хотела работать в детском саду, песенки с детишками разучивать. Поехала в Канащ, поступила в педучилище. Но там оказалось еще страшнее. Сельские, когда их не пускали в нашу общагу, просто вышибали двери. Вахтеры тряслись от страха. Если б вы только знали, сколько в этом училище девчонок было изнасиловано! Однажды и меня попытались. Полезли... Кое-как отбилась. Опять-таки отцом угрожала. Потом влюбилась в одного. Симпатичный такой. Пришла с ним к его друзьям. И они все вместе на меня полезли. Бросилась к окну, завопила на весь поселок, что выброшусь. Милиция мимо ехала, повязали этих семерых...

– Я поняла, – продолжала Лена, – что они выйдут и разделяются со мной по полной программе. И уехала в Цивильск, поступила в культпросвет училище. Но там все было то же самое. Даже хуже. Я уже не знала, что делать. Вернулась в свой город и почти сразу же отдалась одному автору. Думала: зато другие не будут трогать. Но не тут-то было. Этот автор отдал меня тридцатилетним кооператорам. Деньги с них взял. Продал, короче. И я сломалась. Нет, я сломалась позже. А тогда написала вместе с девчонками письмо министру внутренних дел. Копию послали в газету «Молодой коммунист». Газета письмо напечатала, а министр ничего не ответил. И мы с девчонками сколотили свою «толпу».

– Погоди, что вы написали?

– Точно не помню, но примерно так. Сколько мы должны

терпеть? Сколько можно дрожать за свою честь? Им, насильникам, отсидеть – раз плюнуть, а нам они всю жизнь портят. Неужели милиция не может покончить с этим? Если не примете мер, мы будем создавать свои группы и мстить пацанам.

– И вы сколотили «толпу». Это преступная группа?

– Примерно так.

– Значит, правильно сказано в приговоре – ты была главной? – спросил Леднев.

Лена посмотрела на него с усмешкой:

– Разве я похожа? Да, письмо министру я написала. А в остальном была, как все. Только тут надо кое-что уточнить. Наша «толпа» образовалась не только для защиты от пацанов. Понимаете, денег – ни копейки, а одеваться хочется. Вы даже не представляете, какое это искушение! Это страсть. А страсти противиться сложно. Сначала пошла мода обмениваться одеждой среди своих. А потом стали приставать к незнакомым девчонкам. Понравилось пальто или сапоги: снимай, дай поносить! Оказалось, все просто. Подошла, сняла, надела на себя и пошла дальше. Не одна, конечно – «толпой». Кантелями качались. Ладони обматывали эластичными бинтами, чтобы костяшки не сбить. Или брали палки. Надвигали на глаза вязаные шапочки, сразу лицо меняется до неузнаваемости.

Нас прозвали «метелками». Мы не только людей раздевали. Били пацанов и даже взрослых мужиков. Дралась с «метелками» из других районов. А потом стали ездить в Моск-

ву, там люди лучше одеваются. Снимали две квартиры возле Казанского вокзала. Вот такие пирожки с котятами. Я еще закурю? Хорошо тут, тепло, красиво.

– Чего ради ты набросилась на Каткову?

Леднев специально задал вопрос внезапно.

Лена посмотрела настороженно:

– Ну, вы прямо как следователь. Фаина – моя подруга, даже больше, чем подруга. Когда мне срок добавили, мне жить не хотелось. А она меня поддержала.

– Как?

– Морально, – отвечала, не моргнув глазом, Агеева. – Она мне как мать. А вы что подумали?

Глава 12

Сауна была рядом с колонией, в живописном сосновом бору. Построили ее эки из соседней мужской колонии. Сработали на совесть. Снаружи баня выглядела, как русский терем. Если Корешков хотел удивить Мэри, то цели своей он достиг. Американка начал работать фотокамерой, едва вышла из машины. Подполковник цвел.

Банщица отчиталась перед начальством: сауна натоплена, стол накрыт, горячие закуски на плите. И с любопытством взглянула на заморскую гостью. Всякого она насмотрелась, но чтобы одна женщина предавалась банной утехе с тремя мужчинами, к тому же иностранка, и к тому же вроде бы не какая-нибудь... Такого она здесь еще не видела.

– Перед сауной у нас обычно банкет и маскарад, – сказал Леднев Мэри. – Надень купальник и завернись в простыню. И в таком виде – за стол.

– Окау, – не моргнув глазом, согласилась американка.

Трудно сказать, чем бы она ни пожертвовала, только бы отснять на пленку русский колорит.

Но, увидев мужчин, завернутых в простыни, как патриции в тоги, не смогла скрыть удивления и воскликнула:

– Бог мой, мы перенеслись в Древний Рим! Только, чур, я буду весталкой.

– Ну, если только ты еще не была замужем, – заметил Ми-

хаил.

Мэри ничего на это не ответила. Леднев в который уже раз подумал, что эта женщина не склонна к юмору в свой адрес.

Корешков поднял рюмку и выразил надежду, что пребывание Мэри в колонии не будет омрачено ни в ближайшие дни, ни в будущем, когда она выпустит свой фотоальбом.

– Это тебе намек, – сказал Михаил. – Заключение и тюремщики должны выглядеть на фотографиях достойно.

Американка заулыбалась:

– О, да, конечно, я понимаю.

– В бане мы пьем только по одной рюмке, но – до дна, – предупредил подполковник.

Мэри сделала осторожный глоток, ощутила вкус и выпила оставшуюся в рюмке водку одним духом.

– Есть в Мэри, что-то боевое, надежное, – сказал Корешков. – Я бы пошел с ней в разведку.

Было непонятно, то ли он посмеивается, то ли говорит серьезно. Поэтому Леднев не стал переводить.

Главным деликатесом были подрумяненные куриные окорочка. Но Мэри к ним не притрагивалась.

– Это ножки вашего Буша, – весело заметил Гаманец.

Американка сказала, что вообще не ест мяса. Закусывала моченой брусникой и подсахаренной клюквой.

– Зубы у нее, как в Голливуде, – отметил Корешков.

– Своих столько не бывает, – со смешком добавил опер.

Мэри сказала Ледневу:

– Интересно, кого еще сюда приглашают.

Михаил перевел. Первым ответил Корешков:

– Жен своих иногда привозим. Перед праздниками собираемся. Сауна у нас – как клуб. А вы думаете, зэчки тут нас ублажают? Вам кажется, что тут кипят содомные страсти? Это не так. Это просто невозможно.

Мэри удивленно подняла тонкие брови:

– Почему невозможно?

Корешков замялся, и вместе него ответил Гаманец:

– Потому что они животные.

Он не хотел высказаться так резко. У него просто вырвалось.

Леднев не знал, что делать. Перевести дословно – означало обидеть всех женщин, включая Мэри. Но та, кажется, сама поняла, что майор сказал что-то оскорбительное в адрес всех женщин. Смотрела на него неприязненно.

Повисло неловкое молчание. Мэри поменяла тему. Спросила, почему русские тюремщики носят такую же форму, как военные. Разве они имеют какое-то отношение к армии? Ей это не понятно. Во французских тюрьмах, например, персонал облачен в белые халаты. Тюрьма больше похожа на больницу.

– Это правильно, – заметил Корешков. – Многих осужденных нужно лечить.

Но Мэри даже на секунду не отвлеклась на него. Она в упор смотрела на Гаманца, ждала его ответа.

– Не я это придумал, – отозвался опер. – Но считаю, что это правильно. Военная форма – это власть.

– Власть? – переспросила Мэри. – О, да, вы – власть! И чем же вы, тюремная власть, искореняете зло, заключенное в преступной женщине?

– Справедливостью, – ответил Корешков.

– А что есть, по вашему мнению, справедливость?

– Трудно сказать, – подполковник замялся. – Наверное, это когда нет несправедливости.

– Это пропаганда и демагогия, – запальчиво воскликнула Мэри, обращаясь к Ледневу. – У них тут все основано на несправедливости и унижении. Они – рабовладельцы. Когда у тюремщика столько власти, он просто не может не чувствовать себя рабовладельцем.

– Давай сменим тему, – предложил Михаил. – Или завтра тебя не пустят сюда.

– Окау, – согласилась американка. – Тогда вы говорите, а я буду есть эту ягоду. Как, говоришь, она называется? Клуква? Брусника? Очень вкусно. И, наверное, очень полезно.

– Удивительный народ эти америкосы, – с деланной добродушной улыбкой сказал Корешков. – Считают, что перед ними все должны стелиться. Ее сюда пустили, ей тут разрешают снимать все подряд, а она еще чем-то недовольна.

– Просто не любит мужиков, презирает, я бы сказал, – прибавил Гаманец, широко при этом улыбаясь. – Не замужем, наверное.

– Между прочим, – заметил Леднев, чтобы снять напряжение, – на Западе нет колоний, как у нас. Там в основном тюрьмы. Нет воспитателей. И решеток там побольше.

– Вот-во! Переведи ей! – подхватил Гаманец.

Леднев перевел и прибавил:

– Мэри, ты хоть сделай вид, что тебе не противно. Иначе будет очень трудно дальше работать.

Но американка даже не подумала, чтобы как-то сгладить ситуацию.

– Не понимаю, – раздраженно заметила она, – почему у вас столько мужчин в женской колонии. Представьте, что творилось бы в мужской колонии, если бы там большинство персонала составляли женщины.

– Выпьем за нашу гостью еще раз, – воскликнул Корешков, наливая в рюмки. – Я ж говорю: есть в ней что-то боевое.

– Я тоже в восторге от Мэри, – неожиданно сказал Гаманец. – У нее украли духи, а она молчит.

Выслушав перевод, американка рассмеялась, только смех ее был не очень натуральным.

– С чего вы взяли? У меня ничего не украли.

Корешков мрачновато глянул на Гаманца. Как он мог разглашать такую информацию, не доложив предварительно ему, не согласовав с ним?!

– И чья это работа?

– Устанавливаем.

– Вот, когда все выяснишь, – сказал подполковник, – то-

гда и объявляй. А если Америка говорит, что у нее ничего не украли, значит, так и есть. Попробуй, укради у нее что-нибудь!

Настроение у начальника колонии заметно упало. Но показывать этого он не хотел. Он позвал всех в парную, уговорил Мэри забраться на верхнюю полку и начал очень аккуратно работать веничком.

Гаманец в это время охаживал веником Леднева. А Михаил думал: зачем это оперу понадобилось говорить о краже именно сейчас. Почему не подождал, когда все выяснится? Хотя чего тут голову особенно ломать? Майору нужно, чтобы гости поскорее слиняли. Только и всего. Кто знает, может, он сам эту кражу и организовал. Считай, весь день терся возле Мэри. Кто бы мог забраться в рюкзачок Мэри в его присутствии, если бы он в нужный момент не отвернулся?

– Как же ты прозевал? – спросил его Корешков.

– А черт его знает! – с досадой отозвался опер. – По ловкости рук – это работа Мосиной. А мотив... У Агеевой день рождения, двадцать лет.

– Мосина подходила к Мэри?

– Подходила. Попросила показать рюкзачок. Мол, тоже любит писки моды. Ну а остальное для нее – дело техники. Артистка.

– Она – артистка, а ты для чего?

Гаманец вздохнул:

– Расслабился рядом с Америкой. Надо бы еще спросить,

кошелек-то у нее цел?

Леднев обратился к Мэри:

– Кошелек у тебя цел?

– Ничего у меня не украли, – нервно отвечала женщина. – К чему клонит это майор? Чего он добивается? Но в любом случае мне бы не хотелось, чтобы из-за меня кто-то пострадал.

Американка вышла из парилки, громко хлопнув дверью.

– Слушай, – едва сдерживаясь, сказал Корешков своему подчиненному, – Что-то я не врублюсь, чего ты добиваешься? Ну, на кой хрен затеял этот разговор?

– У меня даже мысли не было, что она откажется, – начал оправдываться Гаманец. – Хотел как лучше. Если духи пропали, их нужно найти. Преступление должно быть раскрыто. В чем я не прав?

От добродушия Корешкова не осталось и следа.

– Как называется у нас начальник колонии? Хозяин! Что ж ты поперек хозяина лезешь, куда тебя не суют?

Оставшаяся часть вечера прошла спокойно. Корешков старался загладить шероховатости. Мало ли какие связи у этого психолога в ГУИНе. Мэри уловила смену настроения и готовность подполковника чем-то угодить. Сказала, что видела в колонии беременную женщину, которая дохаживает последние дни. Нельзя ли сфотографировать роды?

Корешков и Гаманец переглянулись. Речь шла о особо опасной рецидивистке, татуированной практически с головы

до ног.

– Да, это был бы кадр! – сказал подполковник. – Ладно, сделаем. Только придется съездить в соседнюю женскую колонию, где и роддом, и дом матери и ребенка. Я договорюсь.

Американка оттаяла. Но так и не призналась, что духи у нее каким-то образом исчезли. Леднев своими глазами видел, из какого кармашка рюкзака торчал флакончик. Теперь этот кармашек был пуст.

Глава 13

В гостиницу вернулись около десяти вечера. Мэри пожаловалась, что у нее от парилки повысилось давление. Сейчас она примет таблетку, но было бы неплохо, если бы на всякий случай Леднев побыл немного рядом.

Американка легла на диван, подложив под голову две подушки.

– Теперь я понимаю, почему в России так часто умирают от сердечных болезней. Это все ваша баня.

Она немного помолчала, взглядываясь в лицо Леднева, и сказала:

– Теперь я понимаю, откуда взялось в вашем языке слово «мужик». У нас мужланов тоже хватает. Но их не столько.

Ледневу хотелось ответить так, как она того и хотела – откровенно. Но он боялся, что это-то как раз ее и обидит.

– Если у вас так много мужчин, почему такие женщины, как ты, не замужем? – спросил он.

– Разве психоаналитики задают вопросы в лоб? – спросила Мэри.

– Главное – не соблюдение правил, а результат. Если ты ответишь так, как есть, значит, я задал вполне уместный вопрос.

Мэри переменяла позу, легла еще выше.

– У тебя не поднимется давление от нашего разговора? –

заботливо спросил Леднев.

– Я в порядке, – ответила Мэри. – Мне нравится роль пациента. И мне нравится все в отношениях с женщиной. Но только – до постели. Я ненавижу то, что бывает после постели. Даже самые лучшие мужчины не понимают женщин.

Американка остановилась. Она боялась заходить в своей откровенности далеко. Опыт подсказывал Михаилу, что в таких случаях лучше чуть-чуть приоткрыться.

– Я часто жалею, – сказал он, – что мне не дано почувствовать то, что чувствует женщина.

Мэри посмотрела на Леднева снисходительно.

– Важно не только то, что чувствует женщина. Важно еще, как она чувствует. Женский оргазм проходит по всему телу, с головы до пят. Женщина, если уж сексуальна, то с ног до головы. У меня подруга испытывает сильное возбуждение только оттого, как мужчина закладывает одну ногу на другую.

– Ты сексуальна?

– Странно, что ты об этом спрашиваешь.

– Но согласись, в самом главном мужчины и женщины одинаковы – они любят в любви только себя.

Мэри покачала головой:

– Некоторым хочется любить мужчину больше, чем себя. Но где он, этот мужчина? Его нет. Я согласна смотреть кому-нибудь в рот. Но покажи мне такого человека. Я такого не знаю.

– Тебе жаль себя? – спросил Леднев.

– Конечно!

Это в ней говорит женское начало, подумал Леднев. Но ей активно не нравятся отношения, которые возникают после постели. То есть, когда мужчина пытается поставить себя выше ее. И в этом проявляется ее чисто мужское начало. В ней вообще развит мужской элемент. Отсюда ее талантливость. Но этот элемент, пожалуй, не отражается на ее женской природе.

– Я догадываюсь, что мои снимки будут не так любопытны, как твои мысли об этих женщинах, – задумчиво проговорила Мэри. – Нет ничего интересней мыслей. Думаешь, я этого не понимаю? Умение рассуждать – чисто мужская черта.

Михаила после этих слов охватило необъяснимое волнение.

– А ты знаешь, – спросил он, – комплимент это ведь все равно, что поцелуй.

– Майк, – отвечала Мэри. – Ты правильно решил не брать с меня денег. Я лучше приглашу тебя к себе в Штаты. Но давай сначала закончим нашу работу. А потом я буду хорошей пациенткой, а ты – хорошим психоаналитиком, и я в тебя влюблюсь. Но учти, у тебя появился соперник. Взгляни.

Американка достала из рюкзака клочок бумаги, на котором было написано I love you. Нет, писал не соперник, по черк явно немужской. Но в английском языке нет родов. Зна-

чит, Леднев просто неправильно понял Мэри. Она, конечно же, имела в виду соперницу.

– Я должен тебя предупредить... – начал Леднев.

– Не надо! – прервала его Мэри. Не надо меня предупреждать, Майк. У меня все в порядке и все в норме. Ты просто кое на чем зациклен.

– Это ты меня неправильно понимаешь, – сказал Михаил. – Я хочу сказать, что ты не должна оставлять отснятые кассеты в номере. Их могут засветить.

– Я об это постоянно думаю, – призналась американка. – Но что делать? Пересылать почтой? Это очень ненадежно.

– Почта здесь у ментов под полным контролем.

– Что же делать, Майк? Я могу сработать вхолостую.

У Михаила была идея. Хотя тоже в известной степени рискованная...

Глава 14

Утром за Ледневым и Мэри прислали газик. На вахте их пропустили, как своих. Не стали даже документы смотреть. И рюкзачка как бы не заметили. Дежурный по колонии проводил в отряд Ставской.

Тамара Борисовна была у себя в кабинете. Пила чай с Катковой, Мосиной и Агеевой. Обсуждали участие в конкурсе красоты и некоторые неясности. Программой предусматривалось дефиле в купальниках. Ну, правильно. Как без соревнования, чья фигура лучше. Только где взять купальники?

– У меня есть, – сказала Мэри.

И все тотчас посмотрели на Мосину. Фигурой она была похожа на Мэри.

– Я в дефиле участвовать не буду, – неожиданно отказалась Каткова.

– Купим тебе купальник, какой захочешь, – попыталась успокоить ее Ставская. – И не только тебе, всем участницам. Колония выделяет на это деньги.

– Я вообще не хочу участвовать, – заявила Каткова.

Мосина и Агеева сидели с отсутствующим видом. Они знали, с чего это вдруг раскапризничалась Каткова. На бедре у нее огромный татуированный паук. Отличительный знак наркоманки. Как с такой меткой выходить на сцену? Хотя насекомое можно чем-нибудь заклеить. Нет, паук не причи-

на.

Но Леднев ничего этого не понимал. Он думал, разглядывая зэчек: «Кто же все-таки спер духи?» Потянул воздух носом. Нет, ни одна из женщин аромата духов не источала. А может, они ни при чем? Почему нужно думать, что украл кто-то из этих троих? И вообще не его это дело – искать воровку. А вот кто написал любовную записку, он бы установил. Интересно, где можно посмотреть почерки? Наверно, все там же: в личных делах.

Ставская кое-как утихомирила Каткову. И чтобы не возникло других капризов, стала убеждать женщин, что участие в конкурсе дает им редкий шанс изменить судьбу. Среди московских гостей будет член Верховного суда, знаменитый адвокат. Она обратит их внимание. Может, удастся снизить сроки наказания. Чего не попробовать? Но сначала нужно хорошо выступить, показать себя нормальными женщинами, способными к нормальной жизни на свободе.

– Кто как споет, кто как на чем-нибудь сыграет – это не так важно. А вот если покажете, с какой нежностью пеленаете ребенка, это может растрогать московских гостей, – внушала Ставская.

Женщины растерянно переглянулись.

– Вы что, девушки, никогда кукол не пеленали?

– Забыли уже, – тихо отозвалась Мосина.

– Я вас научу, – пообещала Тамара Борисовна. – А теперь давайте обсудим, какие будем разыгрывать социодрамы. Те-

мы предлагаются такие. Разговор с кадровичкой при устройстве на работу. Встреча с бывшими подельницами, которые вытягивают вас в новое преступление. И встреча с вашим последним мужчиной на воле.

– А с теми, кто тебя ловил и арестовывал, встречаться не будем? – спросила Мосина. – Это мне как-то ближе.

Ставская сказала, что темы социодрам строго не установлены. Можно разыгрывать по своему усмотрению, лишь бы с этим согласилось жюри. Но она не думает, что возникнут возражения.

– Главное, себе не сделай хуже, – предупредила Фаину.

Лена Агеева сидела с отсутствующим лицом. Кашляла, прикладывая платок ко рту. Потом сказала, что она не против участия в этом конкурсе. Только плохо себя чувствует. Может, назначить ей дублершу?

– Кого ты предлагаешь? – подумав, спросила Тамара Борисовна.

– Брысину. Кстати, она забеременела. Ей не помешает кое-чему поучиться.

– Откуда у тебя такие сведения? – Ставская была удивлена и обижена: почему она узнает об этом от других?

– Она сама мне сегодня сказала. Вы даже не представляете, как она вам благодарна.

Ставская вышла из кабинета и позвала Брысину. Спросила шепотом:

– Ты не ошибаешься?

– У меня никогда такой задержки не было, – не сбавляя голоса, ответила Брысина.

Тамара Борисовна ласково прикоснулась к плечу молодой женщины. У той брызнули слезы.

– Лена хочет, чтобы ты участвовала в конкурсе. Ты как? – спросила Ставская.

– Ой, начальница, я не смогу, – взмолилась Брысина. – У меня фигура некрасивая.

– Зато поешь, пляшешь, ребеночка хорошо запеленаешь. Давай соглашайся, и будем готовиться.

Брысина подумала немного и азартно махнула рукой:

– А давайте схулиганим!

Ледневу все было интересно и все его удивляло. Как могут так легко общаться Агеева и Брысина, которую она чуть не задушила? Как удастся сдерживать свои эмоции давним врагам Мосиной и Катковой? Он даже перестал переводить Мэри. Но американку, как ни странно, это не раздражало.

Когда Ставская ненадолго вышла из кабинета, Каткова что-то шепнула Мэри. Та ответила, и между ними произошел короткий разговор. Леднев никогда раньше не видел, чтобы лицо американки приобретало такое внимательное выражение. Мосина и Агеева наблюдали за этой мимолетной сценой с заметным интересом. Это их развлекало.

– Откуда английский знаешь? – спросил чуть позже Леднев у Катковой.

– В спецшколе училась, – коротко пояснила девушка.

В кабинет без стука, вошел Гаманец. Он подошел к Ставской и что-то сказал ей на ухо. Потом открыл дверь и позвал двух надзорок. Те отработанными движениями обыскали Мосину, Агееву и Каткову. Но ничего не нашли.

– Оставайтесь на своих местах, – приказал майор.

Вместе с надзорками он ошмонал постели и тумбочки трех женщин. Но и там не нашел того, что искал. Не было даже запаха духов. Гаманец рвал и метал.

Глава 15

Ледневу нужно было посидеть в спецчасти, почитать дела. Переводить для Мэри вполне могла и Каткова. Гаманец не возражал. Майор не подумал, что московский психолог и Ставская могут сговориться за его спиной. Посидев в спецчасти около часа, Михаил вернулся в кабинет Тамары Борисовны, где его ждала Фаина Мосина.

Леднев сказал, что был вечера у матери. Фаина молча кивнула: она уже знала. Лагерный телеграф работал безотказно.

– После вашего ухода приходили менты. Интересовались разговором. Мама сказала, что вам просто интересны судьбы осужденных. Но ей, конечно, не поверили. Погрозили и ушли. Ничего ей не сделают, не то время.

– А тебе могут сделать? – спросил Михаил.

– Сгноят в изоляторе. Там очень холодно. А теплые вещи не дают. Пальцы ног гниют.

– Давай я не буду задавать тебе вопросов, – предложил Леднев. – Ты сама будешь говорить, что считаешь нужным. Только вначале сразу объясни, чего ты хочешь?

– Хочу освободиться от кума нашего. Он ведь и меня впустил.

...Королевой карманников, с которыми связалась Фаина, была девушка с романтической кличкой Консуэла. Прозвали ее так за сходство с испанкой. Роскошные черные волосы,

брови взлет, сильная точеная фигура. Консуэла стала возить Фаю на притирки – для отвлечения внимания ротозеев от их кошельков. Напару у девушек получалось особенно забавно. Как ни жаль потерпевших, но это были как бы не совсем кражи. Это граничило с искусством.

Фая гордилась своей подругой. Она ее просто боготворила. Но Консуэлу за ее неуловимость ненавидела вся милиция. И больше других, по понятным причинам, капитан Гаманец. Потому как вся милиция над ним посмеивалась: девушку поймать не может!

Вся надежда была на Фаю. Гаманец преподнес ей подарок, изъятую у спекулянтки роскошную сумочку. А потом завел разговор о том, о сем. И как бы невзначай сказал, что боится за нее. Как бы она не сломала себе жизнь. А закончил тем, что предложил брать пример с матери.

Фая к тому времени, конечно, уже догадывалась, что ее мать связывают с милиционером не только постельные отношения. И все равно была ошарашена.

Фая бросилась к матери:

– Это правда?

– А как бы я вас вырастила, доченька? – спокойно спросила Серафима.

Фая заметалась по комнате:

– Менты поганые! Ублюдки! Как я их ненавижу!

– За что ты так? Они не сделали нам ничего плохого, – так же спокойно сказала Серафима.

– Мама, ты что, совсем больная? – изумилась Фаина.

– Доченька, не спеши с выводами, ты еще плохо знаешь жизнь, – отвечала Серафима. – В преступном мире грязи больше, чем в милиции.

Фая, не веря ушам, смотрела на мать. Что она несет? Девушка еще не бывала в милиции, но знала из рассказов Консуэлы и других ребят, что подлее ментов людей нет, потому что никто, кроме них, не лишает людей самого дорогого – свободы. И никто так не унижает людей, как менты. А мать, похоже, даже не понимала, что ее всю жизнь использовали.

– Ненавижу тебя! – сказала ей Фая. – Как ты не понимаешь? Ты ж теперь мою жизнь пускаешь под откос.

Девушка предчувствовала, что Гаманец просто так от нее не отвяжется.

Так и случилось. Опер пригрозил, что, если она не согласится стать его «доверенным лицом», информация о работе ее матери на милицию дойдет до Консуэлы.

– Ты не сделаешь это! – резко сказала Фая.

– Ты меня просто вынуждаешь, – лениво проговорил Гаманец. – Консуэла уводит тебя в преступный мир. Этого не будет, я не позволю.

– Отвяжись от меня! Мне не нужна твоя забота, – вскричала Фая.

– Не могу, – тягуче отвечал Гаманец. – Это поручение начальства. Ты – дочь нашей сотрудницы. Мы просто обязаны тебе помочь.

Фая порывалась рассказать Консуэле про «наседку» мать. Но всякий раз говорила себе: ничего это не даст. Трудно было ожидать, что королева карманников все поймет, и их отношения останутся прежними. Скорее всего, Консуэла отвернется. А еще вернее, злоупотребит откровенностью подруги. Преступный мир в отношении стукачей беспощаден. В общем, как Фая ни ломала голову, выхода из положения не находила. И она махнула рукой: а будь что будет!

Отчасти это «авось» совпало с принятым в милиции решением. Гаманцу запретили жесткую вербовку. Пусть девочка немного повзрослеет, оботрется в среде карманников, приобретет авторитет. Но намерение посадить за решетку Консуэлу оставалось в силе. Из-за ее ловких пальцев и завораживающей внешности статистика краж в городе становилась угрожающей. Гаманец должен был исхитриться и таким образом взять на кармане Консуэлу, чтобы при этом осталась в стороне ее ассистентка. Чтобы королева карманников не успела передать Фаяе только что украденный кошелек. Он должен был Консуэлу упрятать за решетку, а Фаину сохранить для своих оперативных нужд.

На этот раз капитану повезло. Он схватил воровку за руку и держал мертвой хваткой. Она царапала ему свободной рукой лицо и рвала ему волосы, а он все равно держал, пока не подспели другие опера.

У карманников сроки небольшие. Консуэле дали два года. Фая писала ей письма, слала посылки и бандероли. Теперь

она промышляла карманами сама. Безо всякого прикрытия. Теперь она не верила никому. Только в областном центре, где милиция знала ее в лицо, Фая воровала редко. Предпочитала ездить в другие города. Но география ее походов стала известна.

Ее взяли с поличным. Сообщили об этом Гаманцу. Капитан приехал в изолятор временного содержания. Разыграл сочувствие, обещал помочь. Надо только подписать одну бумагу.

– Никогда в жизни! – вскричала Фая.

Это была чисто нервная реакция. Девушка была в шоке от неволи.

– Ты мне тут театр не устраивай, – процедил Гаманец. – Или подписываешь и выходишь на свободу. Или будешь париться здесь года три как минимум.

Париться Фая очень не хотелось.

– И что? – с надеждой спросила она Гаманца, – Я сейчас подпишу, а когда выпустят?

– Через час, ну через два, максимум. Как только доложу начальству.

И Фая подмахнула бумагу, где было написано, что ей присваивается псевдоним «Сафо». Но через два часа ее перевезли в следственный изолятор и посадили в одну камеру с Консуэлой. А еще через час вызвали на допрос, и Гаманец, пряча глаза, сказал, что вышла накладка. Протокол задержания, оказывается, уже оформлен. Обратно отыграть невоз-

можно. Придется Фае посидеть до суда. А суд ее освободит. Это он гарантирует.

– Поработай пока с Консуэлой – попросил Гаманец, – это тебе зачтется.

Его интересовали нераскрытые преступления: кражи, разбойные нападения. Консуэла много чего знала.

Фая поработала на совесть. С ее помощью милиция раскрыла несколько важных «висяков». Но этот успех сыграл с ней злую шутку. В милиции посчитали, что гораздо целесообразнее использовать ее в изоляторе, а потом в колониях. Суд припаял ей два года.

Мосина выслушала приговор спокойно и без удивления. Она быстро привыкла к неволе и вранью Гаманца.

Леднев слушал со смешанным чувством. Ему жалко было эту запутавшуюся красивую женщину. Едва ли бы выпала ей такая судьба, если бы не мать с ее постоянными командировками и работой на рынке, среди барыг и карманников. Михаил готов был хоть чем-то ей помочь. Но даже не представлял, каким образом он может это сделать.

– Тебя держит на крючке не один Гаманец. Я правильно понимаю?

Мосина кивнула. И рассказала, как попала первый раз в колонию. На другой день ее вызвал местный кум и сходу начал интересоваться, в чем она нуждается. Ее здесь уже ждали.

А потом, когда освободилась через год по досрочке, а Га-

манец в это время был в какой-то командировке, ее тут же навестил другой опер и напомнил, что она – соратница.

– Я хочу, чтобы вы обо мне написали. Может, после этого от меня и от мамы отстанут, – сказала Фая.

– Тебя привлекут за разглашение, – сказал Леднев.

– Пусть привлекают, – равнодушно отозвалась Фая. – Мне уже все равно. Я устала. Я ведь вам еще не все рассказала.

Мосина понимала, что она получит моральное право порвать с милицией только в одном случае. Если прекратит воровать. А она хотела начать жизнь заново.

– Зона, как радиация, убивает в человеке все живое.

Освобождаясь после отбытия предыдущего срока, Фая купила в колонии швейную машину с оверлоком. Шила платья и продавала их на рынке. Радовалась каждому трудовому рублю. В милиции знали, что Мосина завязала. И все же настаивали, чтобы она поставляла информацию.

– Как я могу что-то о них знать? – возражала Фая. – Я с ними не общаюсь.

– А ты общайся, – посоветовали ей.

– Вы хоть понимаете, что творите? Вы сами меня толкаете! – вскричала женщина.

– Будет тебе изображать из себя святую, – ухмылялись менты. – Работай, контракт твой бессрочный, а не то пожалеешь.

Но Мосина не сдавалась. И тогда ей стали подставлять потерпевших.

– Возле меня стали тереться женщины с сумочками. Менты были уверены, что я страдаю карманной тягой. А я только посмеивалась и делала замечания. Предупреждала: смотрите, у вас сейчас кошелек из сумочки выпадет. Но ментам эти фокусы не надоедали. Они решили посадить меня во что бы то ни стало. Сколько у вас сейчас в бумажнике? – неожиданно спросила Фая.

Михаил пожал плечами. Он точно не знал.

– Ну, приблизительно?

Леднев назвал сумму.

– А теперь пересчитайте.

Разница была в двести рублей.

– Вот и я не могла точно сказать, сколько у меня денег, – сказала Мосина. – Подставили «потерпевшую», задержали, подложили мне в сумку кошелек, привели «свидетелей», а первый допрос провели при своих «понятых». Вот за что и сижу сейчас.

«Если это действительно так, – подумал Леднев, – то черт знает что». Но у него на языке вертелся вопрос, никак не связанный с предметом разговора. А он по опыту знал, что это даже хорошо, когда вопрос застаёт человека врасплох.

– А духи американки, – спросил он неожиданно, – случаем, не твоя работа?

На лице Мосиной появилась загадочная улыбка.

– Вам тоже интересно, не страдаю ли я карманной тягой? – тихо проговорила она. – Ну и на что вы рассчитываете? Что

я вам признаюсь? Я не полная дура. Я по одной половине хожу, а на другую поглядываю. Нет, не моя это работа. Вот и вы ищите другую женщину. Кто вы по званию?

Вот номер! Мосина заподозрила, что Леднев никакой не психолог. Ну, правильно. А что она должна была подумать после вопроса о духах?

Нужно было вернуть доверие этой женщины.

– Фая, по званию я старший лейтенант запаса, – отвечал Леднев. – Можешь не сомневаться. А если уж подозревать до конца, то давай присвоим какое-нибудь звание и Мэри.

– Пристроиться к этой курице нетрудно, – усмехнулась Фая.

– Только для того, чтобы выведать что-то у Мосиной?

– Ладно, проехали, – подумав, махнула рукой Фая. – Давайте сменим пластинку. Вы хоть догадываетесь, что скоро вас начнут дурить?

Нет, ничего такого Леднев не предчувствовал.

– Тогда приготовьтесь. Это скоро начнется и неизвестно чем кончится.

«Может, правильно советовала Серафима? Мне лучше уехать?» – подумал Михаил.

– Как у вас в семье? Порядок?

– Скучный порядок, – уточнил Леднев.

– Тогда тем более.

– Что «тем более»?

– Да ладно – проехали. Угостили бы хорошей сигаретой.

Прикурила от поднесенной Михаилом зажигалки, сладко зягнулась. Села на стуле поудобнее. Расслабленно сказала:

– Хорошая сигарета. Сейчас бы чашечку кофе. Вас, кажется, Михаилом зовут? Я знаю, Михаил, вы ничем мне не поможете. Я знаю даже больше – чем это все кончится для меня. Я просто хочу, чтобы вы знали, что такое бывает, и не только со мной. Мы – рабыни не только своих страстей. Мы еще и рабыни ментов. От нас страдают потерпевшие. Но время от времени мы сами становимся потерпевшими. Только страдаем гораздо сильнее. Что теряют наши потерпевшие? Кошельки. А мы – здоровье, радость материнства и даже жизнь.

– Что помешало тебе выйти замуж? – спросил Леднев.

– Меня пытались изнасиловать по пьяни свои же ребята: с кем воровала. Я разбила окно и скинулась со второго этажа. Врачи собирали потом кости по кусочкам. Выжила, а отвращение к мужикам осталось. Меня потом и Гаманец не мог взять, долго облизывался, сучий потрох. А вот если вы психолог, то должны знать, что еще во мне изменилось после этого случая.

– У тебя появилась мечта красиво умереть?

Фая покачала головой:

– У меня совсем другие мысли. Мне пока рано уходить. Я еще нужна.

– Лена Агеева считает, что ты для нее – как мать, – вспомнил Леднев.

Мосина закурила новую сигарету и согласилась:

– Да, у нас очень глубокие отношения.

– И поэтому ты ненавидишь Каткову?

Фая посмотрела на Михаила не без удивления. Ее взгляд говорил: а ты, парень, не так прост, как я думала.

Леднев взглянул на часы. В любую минуту мог придти Гаманец. Другого случая поговорить с Мосиной могло уже не представиться. А они ни к чему определенному так и не пришли.

Фая поняла, что нужно заканчивать разговор. Погасила сигарету и тихо сказала:

– Ладно, скажу вам по секрету. Совет требуется. Четырнадцать лет я в рабстве у ментов. Но за это время меня ни разу не раскололи. Я сама раскроюсь, прилюдно. Как, думаете, подействует? Оставят меня в покое?

– Ты с ума сошла! Тебе свои же зэчки не простят.

– Это меня меньше всего волнует.

Леднев не знал, что посоветовать. Он понимал только, что должен помочь этой женщине, несмотря на всю ее порочность. И невзирая на возможные последствия для себя самого. А в том, что ему будут мешать, можно было не сомневаться. Но прежде, чем принять окончательное решение, ему нужно было еще раз поговорить с Леной Агеевой.

Глава 16

Ставская ввела ее в кабинет, а сама вышла. Лена сидела нахохлившись, в телогрейке, ее знобило. Взглядом попросила разрешения взять из пачки сигарету. Закурила. Смотрела ясными глазками. Покашливала.

– Нельзя тебе курить, – сказал Михаил.

Агеева махнула рукой:

– А теперь уже все равно.

Родители поставили на ней крест. Не приезжали уже второй год. Посылок не слали. И даже писем не писали. Считали пропащей.

– Мне понравилось, как ты поступила в отношении Брысиной, – сказал Леднев. – Ты ее чуть не задушила, а теперь вы в одном отряде, и она на тебя, похоже, зла не держит.

– Держит, просто не показывает виду. Привезла с похорон сосисок – меня первую угостила. Но все равно вижу – не простила. Но прежнего зла уже не держит.

– Зачем вы набросились на нее с этой... Воропаевой?

– Мы играли. У нас игра была такая – в удавочку.

...Лена Агеева попала в образцовую зону для малолеток. Муштровали там почище, чем в армии. Два часа в день строевым шагом под песню «Дан приказ ему на запад». Воспитатели требовали печатать шаг. Бетонное покрытие плаца дрожало. Лена в сапогах на три размера больше падала с ног.

Пятки были стерты в кровь.

– Я вообще выглядела, как огородное пугало. Только мне самой было не до смеха. Хотелось забиться в какую-нибудь щель. Но на зоне невозможно остаться одной ни на минуту. Шили мы полосатые робы для особо опасных рецидивистов. А после работы – учеба в школе. Там не дай бог получить двойку или замечание. Ты провинилась, а баллы снимаются со всего отряда. Систему такую придумали. Ты виновата, а отвечают все. Чаще всего били по больному – лишали телевизора. Воспитка накажет всех, а все начинают тебя наказывать. Плевали в лицо, били, обзывали всячески.

Хотелось забиться. Вместе с подружкой Воропаевой ловили момент, когда в зону въезжала грузовая машина, открывали крышку бензобака, макали туда тряпку, а потом нюхали до одурения. Иногда удавалось раздобыть ацетоновую краску. А чаще всего играли в удавочку. По очереди душили друг дружку полотенцем, зажимали сонную артерию, отключались на время, считали это кайфом.

Воспитатели не могли уследить за всеми. Поэтому в качестве надзирателей использовали активисток. Тех, у кого потребность выслужиться была в крови. Кому не терпелось освободиться по досрочке. Среди таких выделялась Валька Брысина. Страсть как хотелось девке поскорее вернуться в свою деревню. Боялась, что Толик не дождетя, женится на другой.

– Нам с Таней Воропаевой было уже почти восемнадцать.

Скоро отправка на взрослую зону. А нам так все надоело. Хотелось, чтобы еще скорее этот дурдом кончился. В качестве терпилы мы выбрали Брысину. Навалились на нее и стали душить полотенцем. Сил не рассчитали. Она сильная, вырвалась и начала нас хреначить своими кулаками. Ну, мы тоже озверели. Придавили ее по-настоящему. Потом, когда она обмякла, опомнились и сами позвали на помощь. Это нам потом зачли на суде. Дали по два года, меня опять посчитали организатором и отправили сюда, как особо опасную. А Воропаеву – на обычную взрослую зону.

– Где ты заболела туберкулезом? – спросил Леднев.

Лена задумалась, надо ли говорить всю правду.

– Если честно, еще на свободе, – рассудительно отвечала она. – Родители у меня пьющие. Дома иногда куска хлеба не было. Ну а на зоне болезнь стала прогрессировать. На малолетке в карцере холодно, еда – пайка с водой. И тут не раз пришлось сидеть в изоляторе. По молодости болезнь быстро развивается.

– Есть же специальная колония, с тубдиспансером. Почему тебя не отправят?

– У меня тэбэцэ не в открытой форме. Я не опасная. И я сама не хочу никуда ехать.

– Что тебя здесь держит? При желании ты могла бы добиться перевода в колонию, где есть тубдиспансер.

Михаил задал этот вопрос как бы между прочим, безо всякого выражения. А Лена почему-то отреагировала резко:

– Это мои проблемы.

Леднев давно уже пригляделся к наколкам Лены. Одна особенно его заинтересовала. Это было женское имя – Таня. Он бывал в женской малолетке и знал, что бы это могло означать. Но ему хотелось, чтобы Агеева сама пояснила. Ему нужно было убедиться, способна ли она говорить правду, когда разговор касается такой щекотливой темы.

– Так звали мою влюблешку Воропаеву, – спокойно сказала Лена. На малолетке у многих наколоты женские имена. Там разбиваются на парочки. Вместе ходят в кино, пишут друг другу любовные записки, целуются по углам. Пацаны, ну, девчонки, которые исполняют роль парней, стараются изменить походку, носят красные гребешки. А девчонки бантики завязывают. Таких там называют страдалки-влюблешки.

– А те, кто страдает, выкальвают имя, – дополнил Михаил.

У него теперь уже не было сомнений, какую роль играла сама Агеева. И он мог теперь плавно перейти к другому интересующему его вопросу.

– Как ты познакомилась с Мосиной?

– На этапе. Мы ехали в вагонзаке, в одном купе. Мне было очень плохо. И она меня поддержала морально.

– Что значит морально?

Вопрос был вопиюще бестактный. Больше того – непрофессиональный. Леднев отлично это понимал. Но у него не

было времени. Он работал в цейтноте. Ответит откровенно – хорошо. Не ответит – он сделает свой вывод по реакции Агеевой.

– Вам это для работы надо? – деловито спросила Лена.

– Мне нужно все понимать, – ответил Михаил.

– Ну, в общем-то, это тут ни для кого не секрет. Почему наш отряд постоянно перевыполняет план? Потому что все разбились по стабильным парам. Большинство – взаимщицы. Мало кому хочется полностью переходить в мужской пол. А тогда в поезде... Я лежала рядом с Фаей и не могла уснуть. И страшно было, и хотелось хоть как-то забыться. И вдруг чувствую, она вся горит и все ближе ко мне, все ближе. Потом осыпала меня ласками. И я отдалась, подседа на ласбие. Фаея преподнесла мне постель лучше любого мужчины. И после этого стала мне необходимой. Мы ведь здесь ограничены в ласке. Хочется расслабления.

«Ну и надо учесть, что у тебя туберкулез», – подумал Леднев. Он знал, что эта болезнь резко усиливает сексуальное влечение.

В кабинет неожиданно вошла Ставская. Она была взволнована, даже встревожена. Причем настолько, что даже не пыталась этого скрыть.

– Вы уже поговорили? – спросила она, показывая этим вопросом, что разговор больше продолжаться не может.

Агеева выскользнула за дверь.

– Вас ждет Каткова, – сказала Ставская. – Она в релакса-

ции. Ее уже привели. Я с начальником договорилась. Выслушайте ее, наберитесь терпения. Она может закапризничать – не обращайтесь внимания.

На выходе из отряда Леднев столкнулся в дверях с Корешковым и Гаманцом. Те направлялись к Ставской, и лица у них были против обыкновения напряженными и мрачными.

– Вас ждут в релаксации, – коротко бросил начальник колонии. И приказал стоявшему у входа надзирателю. – Проводи товарища психолога.

Леднев шел заинтригованный. Разбирало любопытство, что все-таки произошло. Отчего эти двое такие настеганные. И что так взволновало Ставскую.

А Ставская в это время металась по кабинету. Не знала, куда девать флакончик с духами. В ее распоряжении считанные секунды. Корешков и Гаманец, она увидела их в окно, уже входят в общежитие отряда.

...Накануне к ней зашла Каткова. Сказала, что американка подарила ей духи. А она с дуру польстилась, взяла. Сопровождавшая их надзорка ничего не видела. Но запах – его не скроешь. Ей могут приписать все что угодно. Вплоть до того, что это она украла.

– Чего ради она тебе подарила? – возмутилась Тамара Борисовна.

Каткова молчала.

Ставская чувствовала, что тут что-то не так. Но наводить следствие было некогда. Нужно либо фиксировать наруше-

ние режима, либо выручать.

А сейчас она сама попадала в дикое положение. Почти наверняка кто-то из зэчек стукнул, что Каткова приносила ей эти злосчастные духи.

Тамара Борисовна положила флакон себе в сумку и тут же вынула. Если найдут там, это будет прямая улика против нее самой. Кажется, ей пришла неплохая мысль. Она положила коробочку с духами в банку растворимого кофе. И поставила банку на столик, где стояли чашки, кипятильник, сахарница, вазочка с печеньем. Вынула косметичку и стала подкрашивать губы. За этим безмятежным занятием ее и застали начальник колонии и опер.

– Томочка, давай не будем унижать друг друга, – без предисловий перешел к делу Корешков. – Выдай духи по-хорошему.

Лицо Ставской пошло пятнами.

– Какие духи? – возмутилась она. – Вы что, с ума посходили?

– Ключ! – потребовал Корешков. – Ключ от двери, быстро!

Ставская положила ключ на письменный стол. Начальник колонии закрыл дверь. Гаманец приступил к обыску. Проверил косметичку, обшарил карманы сумки, выдвинул ящики стола, осмотрел книжный шкаф. Ощупал висевшее на вешалке пальто. Безрезультатно. Теперь вся надежда была на личный досмотр. Ставская встала, подняла руки, глядя на

мужчин уничтожающим взглядом. Разрешала осмотреть себя.

– Нет у нее ничего, – сказал Гаманец, не притрагиваясь к женщине. – Вчера, наверно, унесла.

– Ну, вы уроды, – с презрением сказала Ставская. – Какие же вы уроды!

Гаманец отозвался с ненавистью:

– Это ты уродка. Покрываешь осужденных. Тебя судить надо за соучастие в краже. Если духи пропали и их нигде нет, то они могут быть только у тебя. Но ничего. Мы тебя раскрутим. Это вопрос времени. Лучшей покайся, выдай похорошему.

Ставская заплакала.

– Если хотите от меня избавиться, сказали бы прямо.

– Томочка, не надо брать на жалость, – мрачно отозвался начальник колонии. – Это, конечно, мелочь, бабские дела. Но мы не можем не реагировать.

Ставская решительно села за стол и стала что-то писать на чистом листке бумаги. Корешков видел, что это заявление об уходе, и только сейчас вспомнил про конкурс. Без Ставской они это мероприятие провалят.

– Ладно, забыли, – сказал он, поднимаясь со стула и направляясь к двери. – Если напрасно потревожили, извини. Самая знаешь, служба такая, собачья.

Рука Ставской замерла. Действительно, не стоит торопиться. Не время ей уходить. Надо еще потерпеть. Может,

быть не очень долго.

Глава 17

Надзиратель подвел Леднева к зданию, где размещалась релаксация, и остался у входа. Достал из кармана шинели сигареты. Михаил вошел в коридор и остановился в нерешительности. Он не запомнил, в какие двери его вводили позавчера. Открыл одну из них и оказался в крохотной и совершенно пустой комнатке со странным продолговатым окном. Он подошел к этому окну и увидел Люду Каткову. Девушка сидела в кресле, глядя в маленькое зеркальце и кокетливо поправляя волосы. Она была прямо перед окном и должна была увидеть Леднева. Но она смотрела прямо на него и в то же время мимо. Михаилу стало ясно: эта комната для специальных наблюдений.

Пораженный этим нечаянным открытием, он выскочил за дверь. Коридор был пуст. Его никто не видел. Теперь он мог спокойно войти в релаксацию. Каткова встретила его рассеянным и безразличным взглядом. Леднев взглянул на то место, где было окно, и увидел странную картину. Какая-то мозаика светло-зеленого цвета. Как же ему повезло. Теперь он мог контролировать каждое свое слово, каждое движение. Но Каткова... Она-то ни о чем не подозревала. Как же дать ей знать, что она будет откровенничать не только с ним? Написать на листке бумаги? Но увидят в окно. Интересно, кто конкретно наблюдает? И что это? Обычный контроль? Или

он лично кому-то здесь интересен? А может, он тут ни при чем? А кому-то интересно, как поведет себя Каткова?

Леднев никак не мог начать разговор. Не находил нужных слов. Боялся, что скажет что-нибудь не то.

– Может, угостите сигареткой?

Каткова задала вопрос тем тоном, каким обычно спрашивают женщины, когда хотят зацепить мужчину.

Михаил протянул пачку, щелкнул зажигалкой.

– В прошлый раз тебе здесь не нравилось.

– Ну, так мы сейчас совсем другим занимаемся, – отвечал девушка, пуская струйку дыма.

Вблизи ее лицо было немного другим. Подбородок тяжеловат, и челюсти развиты слишком сильно. Этим недостатком, как заметил Леднев, страдали многие осужденные женщины, каких ему приходилось наблюдать.

Ему почему-то вспомнилось то, что ему говорили о Ставской. Будто она получает от родителей Катковой посылки, а потом тайком, по частям, проносит в зону.

– Родители любят тебя, – сказал он утвердительно. – А ты?

Лариса удивленно приподняла брови. Кажется, этого вопроса она ожидала меньше всего.

– Я тоже очень их люблю, – сказала она, широко улыбаясь и показывая неплохие зубы. – Вы хотите сказать, что если преступница любит своих родителей, то она еще не конченная, так?

– Ты не считаешь себя безнадежной? – спросил Леднев.

– Конечно, нет.

– Но ты наркоманка.

– Ну и что?

– Наркоманы не властны над собой. Эта болезнь, как правило, неизлечима.

– У вас устаревшие сведения, – отвечала Каткова. – Излечиваются семь процентов наркоманов. И я попала в этом число. Уже семь лет стальная царица надо мной не властна.

– Ты имеешь в виду шприц?

– Он самый. Я уже забыла все ощущения от ханки.

– Что это такое? – не понял Леднев.

– Так у нас в Средней Азии называют героин. Я вообще все уже забыла, – с грустью в голосе продолжала Каткова. – Иногда мне кажется, что я никогда не жила на свободе.

Если ей хотелось тронуть Леднева, то ей это удалось. А ведь ничего, казалось бы, такого не сказала. Но интонация... Выражение глаз... Ни Агеевой, ни тем более Мосиной не удалось так быстро расположить к себе, как этой Катковой.

Рукава ее рубашки были закатаны, и Михаил неожиданно увидел на запястьях отчетливые поперечные шрамы.

– Что это? – спросил он, догадываясь, что девушка специально показала ему эти шрамы, чтобы он спросил о них.

– Вскрывать приходилось, – коротко пояснила она.

– Я смотрю, это тут у вас почти хобби, – усмехнулся Михаил.

Глаза у Катковой потухли. Она опустила ресницы и тоже

усмехнулась:

– Ага, хобби. Попробуйте, может, понравится.

Обиделась. Ледневу хотелось как-то ее смягчить. Но он тут же подумал, что девушка, возможно, только этого и ждет. В чем он действительно чувствовал сейчас вину, так в том, что не прочел еще ни дело Катковой, ни приговоров. Не успел. Хотя кто знает, может, знание прошлого осужденной как раз и мешает взглянуть на нее непредвзято.

– Что-то не похожи вы на психолога, – сказала, покривив губы, Лариса. – Тонкости вам не хватает.

– Это со мной бывает, – согласился Леднев. – Говорю одно, а думаю о другом. Улетаю куда-то.

Каткова ехидно рассмеялась:

– Ну, зачем же так раздваиваться? Вы тут, на земле, кому-то нужны.

– Спрашиваю тебя про твои шрамы, а думаю, не ты ли, в самом деле, стащила духи. И из-за чего ты подралась с Мосиной. И чего ради на тебя набросилась Агеева.

– Ах, вам меня жалко, – после секундной оторопи сделала вывод Лариса. – Знаете, что мне надоело в этом зверинце? Запах. А хорошие духи – это запах воли. Успокойтесь – не я их увела. А может, их вообще никто не уводил? Об этом не подумали?

Выражение лица Катковой не оставляло сомнений, что вопрос этот она задала не для отвода глаз. Тут было о чем подумать перед сном. А сейчас особо размышлять было неко-

гда.

– Над чем вы работаете? – спросила вдруг Каткова. – Что вас больше всего интересует?

– Чего общего у преступной женщины и той, которая никогда не попадет за решетку?

Лариса пожала плечами:

– Ну, зачем же выделять женщин? Может, всех учтем? У тех, кто сидит, и тех, кто не сидит, много чего общего. Украсть – это низко. А обыскивать ни с того ни с сего? Я не крада никаких духов. А меня обыскали. Ну и кто низок?

«Сидишь в дерьме – не чирикай», – вспомнилось Ледневу. Он спросил:

– Ты всегда стараешься быть на высоте?

Но Каткова была, кажется, не из тех, кто легко клюет на комплименты. Она усмехнулась:

– Вот именно, что стараюсь, но не всегда получается. Хочется себя пожалеть, оправдать, а кого-то обвинить. Тут жизнь постоянно устраивает проверки на низость. Особо полетать не получается. Выжить как-то надо, себя сохранить.

– Почему ты отказалась от участия в дефиле?

Девушка расхохоталась. Смех у нее был с хрипотцой. Сказывалось, что часто курила. Отсмеявшись, она о чем-то подумала, и снова расхохоталась. Потом задрала юбку до самого бедра. Там красовался большой татуированный паук, окруженный сетью паутины.

– Зачем ты это сделала? – удивился Леднев.

– Дура была страшная. Ну и от отчаяния. Я чего только с собой не делала. Даже медный купорос пила. Жить не хотелось, понимаете? Ничего вы не понимаете! Что вы вообще знаете о зоновской жизни?

«А ведь она права», – подумал Леднев. Все, что он до сих пор увидел и понял в других женских колониях, казалось ему таким поверхностным, таким несерьезным.

– Хорошо работает! – отметила Жмакова.

Она стояла перед тайным окном, наблюдая за Ледневым и Катковой. Рядом с ней стоял Гаманец.

– Капитально зацепила, – согласился майор.

– С первого дня начала бить клинья, – сказала Жмакова, закуривая сигарету. – Остороженько так, ненавязчиво. Тонкая сучка. А теперь клиент готов. Психолог хренов.

Гаманец усмехнулся:

– А чего удивляться? Она и хозяйина нашего зацепила. Крыша дымится, когда видит ее.

– Шишка у него дымится, а не крыша, – поправила Жмакова.

– Ну и давай создадим им условия, – предложил майор. – Пусть в баньку свозит. Думаю, сучка не откажется.

Для Гаманца не было секретом, что Жмакова спит и во сне видит себя на месте Корешкова. Он поможет ей. А там, глядишь, и она поможет ему вернуться в уголовный розыск.

Выперли его оттуда не только за приписки к процентам раскрываемости и другие злоупотребления служебным по-

ложением. А за патологическую лень и практически полное отсутствие оперативных способностей. Опера ноги кормят, а бегать Гаманец не любил даже в молодости. А сейчас уже здоровье не позволяло. Преступления ему удавалось раскрывать главным образом за счет агентуры. Но в годы перестройки милиция быстро растеряла ореол могущества. Агенты стали один за другим выходить из игры. И приструнить их уже не было никаких сил. Больше двадцати пяти лет продержался в органах бесталанный Валерий Сергеевич Гаманец. В былое время вышел бы уже на пенсию и плевал бы в потолок. Но какая теперь пенсия? Один раз в супермаркет сходить. Ему бы успокоиться. Чего плохого в колонии? Работа не бей лежачего. Но у него и здесь хромала отчетность. Не было информации о нераскрытых преступлениях. А это – главный показатель профессиональной работы. В затылок уже дышал молодой заместитель. «Заменят меня здесь, – с тоской и страхом думал Гаманец. – Как пить дать заменят». А в уголовном розыске, откуда один за другим бежали опытные и результативные розыскники, как раз освобождалось одно место за другим.

– Валера, – сказала ему Жмакова, – а тут нет еще одного окна? Откуда на нас сейчас кто-нибудь смотрит?

Этот вопрос она задала не из простой подозрительности. Кабинет оперчасти был спланирован тоже очень хитро. Зайти в него можно было через библиотеку. Дверь находилась среди стеллажей. Любая осужденная, выбирая себе книгу,

могла в удобный момент скользнуть в эту дверь. А выскользнуть после беседы с опером – в дверь, выходящую в красный уголок. Все-таки Гаманец не был полным бездарем. Чтобы придумать такую планировку, надо не только мозги иметь, но и дьявольскую хитрость. Все осужденные знали про эти двери. И первое время старались держаться от них подальше. А потом привыкли. Куда денешься. Не перестанешь же вовсе ходить в красный уголок или в библиотеку. И, начав туда ходить, перестали и подозревать друг друга.

– Нет здесь, Вера, второго окна, – успокоил Жмакову Гаманец. – Но Николай Кириллович сейчас придет. Просто странно, что он задерживается. Ну, так что прикажешь?

– Поступай, как знаешь, – уклончиво отвечала Жмакова. – Только ведь для этого случая видеокамера нужна. И учти – в бане пар...

– Что-нибудь сообразим, – отвечал с усмешкой опер.

В таких тонкостях он был большой выдумщик. Но другого потайного окна он не придумал.

– Где купорос-то могла взять? – с сомнением спросил Леднев.

Каткова посмотрела на него снисходительно.

– Никогда не спрашивайте: «у кого?», «кто?», «где?», если хотите, чтобы с вами были откровенны.

– Хорошо. Откуда в зоне мог взяться купорос?

– Это было в тюрьме. А в зону нашу в Ташаузе, это в Узбекистане, при желании можно было завести слона.

– Давай, Лариса, мы к этому еще подойдем. А сейчас давай по порядку, – попросил Михаил. – Начни с того времени, когда все в жизни было хорошо. И вдруг...

Каткова выслушала вопрос с улыбкой. Мечтательно прикрыла глаза ресницами. Ей нетрудно было вспомнить это «вдруг». Эта часть ее прошлого стояла у нее перед глазами.

Она работает в кафе официанткой. Еще несовершеннолетняя, ей нет и шестнадцати лет. Но ее берут за внешность. К тому же она выглядит, как все брюнетки, старше своего возраста. А кафе это облюбовал «Штык» – Игорь Штыков. Приходит со своей бригадой. Все в костюмах «adidas». Не пьют, не курят. Разговаривают без мата. Заказывают в основном овощные блюда и фрукты. Изредка – рыбу. Диету держат. В разборках у кого почки были отбиты, у кого – печень, у кого селезенка.

Официантки называют «Штыка» пробитым. То есть боевой, опытный, авторитетный. В стране бардак, а он – власть. Гоняет на своем джипе, будто один на дороге. Едет на красный свет – гаишники чуть ли не честь отдают. А если кто-то не знает в лицо и машет жезлом, «Штык» сует через стекло столик баксов и мчится дальше.

Куда спешил? К нему обращались за помощью. У кого-то угоняли машину, и он поднимал на ноги всю вою братву. В лепешку расшибался, но угнанная тачка через сутки уже стояла под окном потерпевшего. У кого-то возникали другие проблемы. Он брался решать любые вопросы. Репутацию

свою оправдывал – доверие к своей власти. Как бы поздно ни приходил домой, в нужную минуту просыпался, в нем словно будильник срабатывал, и снова мчался решать чьи-то вопросы. Или на очередную разборку, с которой мог не вернуться. Он чем-то напоминал Ларисе военного. А у нее отец служил когда-то в авиации.

Рассказывая, Каткова курила одну сигарету за другой.

– Когда я родила, он пришел ко мне в роддом со своими ребятами. Сели на траве, открыли шампанское и стали отмечать. А потом были крестины. Опять было человек сорок. Все с подарками. Мне перстень преподнесли. Сыну повесили над кроватью золотой крест. Открыли на его имя валютный счет, чтобы ни в чем не нуждался, если с его отцом что-нибудь случится. Своих детей они любят больше родителей, жен, любовниц.

А в сыновьях видят будущих соратников. И соответственно их воспитывают. Когда сыну исполнилось три года, они ели за столом, а я им прислуживала. Мне нельзя было есть вместе с ними.

Игорю и его ребятам жены были нужны, как красивые вещи. Чтобы показывать: вот, мол, чем владеем. Чтобы дети были красивыми. И чтобы кто-то встречал дома, подавал вкусный борщ. Все они были из простых семей и любили простую еду.

А я не привыкла, чтобы со мной так обращались. Устроила Игорю скандал. Думала, он что-то поймет. А он сорвался,

прямо при сыне. Я стояла возле зеркала, красила губы, а он бил меня по ребрам своими кулачищами. Ребенок плакал, а я молчала, хотя Игорь сломал мне ребро. Это его особенно возмутило. Он закрыл меня в подвале особняка и требовал, чтобы я попросила прощения. Я сидела молча. Тогда он вывез меня за город и бросил на лесной дороге. По натуре, мне кажется, он не был жестоким. Но он считал себя сильным. А как можно быть сильным без жестокости? Никак нельзя.

Я чувствовала, что теряю ребенка. Кто из него мог вырасти? Такой же зверь. А Игорь чувствовал, что теряет меня. И предложил однажды уколоться. Я попробовала, понравилось. Ну, дальше пошло – поехало. Когда Игорь понял, что натворил, было уже поздно. Я подседа на иглу капитально. Ему самому теперь приходилось сыном заниматься. Летел однажды по гололеду и врезался в опору моста. Как раз той стороной, где мальчик сидел... А через месяц и сам на тот свет улетел. Застрелили его прямо возле дома. А дом подожгли. Так я осталась ни с чем. Все пропало: деньги, драгоценности, документы, вещи...

– За что ты сюда попала? – спросил Леднев.

– Грабеж. Ворвалась с другими наркоманками в богатый дом. Следствие было короткое, и суд короткий. А срок дали длинный – пять лет. Меня это оглушило. Я вообще после смерти сына жила, как в тумане, на нервах. Я не преувеличиваю, на зоне было все, что душа пожелает: водка, анаша, ханка. Азиатская колония, чего вы хотите? Трезвой я редко

когда была. И вот однажды – этап из Перми. Триста новеньких. А нас в Ташаузе было больше тысячи. Но такое же количество наших уходило на этап в Пермь. Тасовали в то время контингенты, мода была такая, денег не жалели.

– Все равно вас было в два раза больше, – сказала Леднев.

– Да, но этапницы друг за дружку держались. Боялись, что мы, местные, начнем гнуть их в дугу. Менты наговорили, стравливали. Ну, мы и пошли стенка на стенку. До смерти никого не побили. Но все равно был суд. Поставили мне на деле красную полосу и отправили в Пермь. Так я узнала, что такое этап. Когда конвой материт ни за что – ладно. Но могут ни за что и под зад сапогом дать. В туалет идешь – солдат за тобой. Дверь рвет на себя, заглядывает, что ты там делаешь. Предложения всякие... Начинаешь грубить – могут сутки на оправку не выводить. Слушайте, может, я не то рассказываю? Вам это надо?

– Надо, – сказал Михаил. – Меня как раз интересует, что происходит с человеком после того, как он получает срок.

Каткова повертела в пальцах сигарету и сказала:

– Эх, кофе бы сейчас. Тут, по-моему, есть.

Леднев оглядел комнату. Действительно, у дальней стены на столике стояла банка растворимого кофе, кипяtilьник, чашки, сахар. Через минуту чашка с облаком ароматного пара была у Ларисы в руках. И девушка продолжала:

– Я вам так скажу. Суд помещает человека в неволю. Думай над тем, что натворил и исправляйся. Но на самом де-

ле все не так. В неволе, как в матрешке, еще очень много неволи. Неволя устроена так, чтобы человек не просто сидел и думал, а чтобы мучился. Попала я на пересыльной тюрьме в камеру, где положено содержать шесть заключенных. А нас туда затолкали шестьдесят. Мы, как рыбы, ртом ловили воздух, потому что его не было. Ведь все курят... Мы с Файкой... – Каткова запнулась на этом имени. – Ну, короче, начали с одной осужденной стучать в двери. Требовали, чтобы открыли окно. Оно ведь обычно наглухо задраено. Кормушка открылась – мы думали, нас выслушают. А нам прыснули в лицо «черемухой».

Вы знаете, что это такое? Откуда вам знать? Слезы текут ручьем. Кажется, что слепнешь, и никогда уже видеть не будешь. Я, конечно, ругалась со страшной силой. И тогда надзорки решили меня проучить. Вывели меня из камеры, связали и велели зэку из хозобслуги остричь наголо. Зэк отказался. И тогда надзорки сами взялись за ножницы. Я заорала благим матом. В камере меня слышали, и... Ну, короче, одна женщина меня поддержала. Вскрыла себе вены.

– А почему ты прямо не хочешь сказать, что это была Мосина? – спросил Леднев.

Лицо Катковой приняло мстительное выражение. Но это длилось не больше секунды. Она мгновенно взяла себя в руки. Проговорила с улыбкой:

– Просто мы сейчас на ножах... Ладно, если вы в курсах, буду рассказывать все, как есть.

– Еще кофе? – предложил Михаил.

– Не откажусь, – Каткова смотрела теперь чуть настороженно. И говорила иначе, взвешивая каждое слово. – После этого случая нас с Мосиной отправили не в Пермскую, а в другую колонию. Всю дорогу над нами смеялись зэки-мужики, «коблухами» обзывали, крысятницами.

– Значит, Мосину тоже постригли наголо? – уточнил Леднев.

– Да, ей тоже досталось, – подтвердила Каткова. – А когда нас привезли в Корсунскую зону, это в Казахстане, на нас ополчился весь отряд. Тоже приняли за крысятниц. За тех, кто из тумбочек ворует. Сто пятьдесят пантер окружили нас и стали бить чем попало. Мы с Мосиной разбили окно, взяли куски стекла. Только тогда нас оставили в покое. Даже зауважали. С нас даже моду взяли: многие молодые тоже остриглись наголо. И тут уж администрация забеспокоилась. Стали нас обвинять: мол, коалицию создаем. Начали ко всему придирааться. В основном к одежде. Особенно отличался новый начальник режима Рэкс. Кликуха такая. Ходил все время с ножницами. То юбку располосует сверху донизу. Слишком длинной ему покажется, или слишком короткой. То карманы отрежет. То еще как-нибудь унизит. Сам на зону наркоту приносил, расплачивался со своей агентурой.

А как-то устроил повальный шмон. Я спала в общежитии после ночной смены. Просыпаюсь: мама родная, надзиратели с солдатами бросают в машины вышитые пододеяльники

– вышивать запрещалось, теплые кофты – их вязали из рейтузов, сверхнормативные гамаши – была дозволена только одна пара на два года, лишние платья – больше, чем положено – нельзя иметь.

Я бросилась на швейку. В этой колонии пройти на фабрику можно было через дырку в заборе. Сказала бабам, что творится в жилой зоне. Потом мне приписали призыв к бунту.

Лариса замолчала. Ей трудно было говорить. То, что произошло дальше, стояло у нее перед глазами. Около тысячи осужденных женщин собрались у ворот, отделявших рабочую зону от общежитий, и стали их раскачивать. И металлические ворота не выдержали напора. Толпа растеклась по зоне. Каждая женщина хотела увидеть, что именно у нее изъяли. А потом ручейки недовольных пантер снова слились в клокочущую толпу.

Начальник колонии вышел навстречу толпе и начал что-то говорить. Но его никто не слушал. Рэкс тоже вышел и стоял рядом с начальником. Но в какой-то момент нервы у режимника сдали. Он испугался и побежал к вахте. А гражданки в белых косынках бросились за ним. Его не догнали, он успел выскочить за зону. Но толпа была уже раскалена. Кто-то начал требовать у надзирателей ключи от штрафного изолятора. А именно с этого начинаются все бунты заключенных. Они стремятся освободить самых авторитетных. Тех, кто может возглавить бунт.

– В чем тебя и Мосину потом обвинили? – спросил Леднев.

– В подстрекательстве, хотя в ходе суда это не доказано. В том, что мы якобы всем заправляли, но и это не доказано. Просто мы были новенькие, с едва отросшими волосами, бросались в глаза, выглядели панками. На нас администрации легче было свалить вину, чем на своих. Ну а потом... я призналась, что была активной участницей. Ко мне потом даже прокурор подошел и спрашивает: зачем тебе этот груз? А мне просто плохо было в Коксуне. Мне было все равно, сколько мне добавят. Главное, чтобы поскорее отправили на другую зону. Я просто не ожидала, что мне столько добавят. Когда сказали – семь лет, я поняла: все, это конец. Больше жить я не могу, не хочу и не буду.

Я вела себя буйно – меня посадили в карцер следственного изолятора. А там прорвало канализацию... Стояла зима – жуткий холод. Мне надо было как-то оттуда выбраться. И я объявила голодовку. Надзорка выслушала меня и закрыла кормушку. Слышу, говорит другой надзорке: «Пусть подышает, сука». Что мне еще оставалось? Достала из гольфа кусочек зеркала и вскрыла себе вены сразу на обеих руках. Порезы были глубокие. Мне наложили шесть внешних и четыре внутренних шва. Но как только медики отошли от меня, я сорвала швы. Я говорю серьезно – я не хотела жить.

Катковой снова наложили швы. Врач настаивал, чтобы ее подняли в санчасть. Но менты велели оставить в карцере.

Поднять – означало уступить ее требованиям. Ее руки опухли и почернели. Когда Мосина узнала об этом, она прошла весь путь своей подруги. Объявила голодовку, а когда ей сказали, что ее требование поднять Каткову не принято, тоже вскрыла себе вены на обеих руках. После этого все обитатели следственного изолятора принялись барабанить в двери. Назревал бунт. И только тогда перепуганные менты уступили – перевели Каткову и Мосину в общую камеру. Именно там Лариса выпила 40 граммов медного купороса. Спасти ее удалось только чудом.

Подполковник Корешков запаздывал на наблюдательный пункт по непредвиденной причине. Американка куда-то пропала. Сопровождавшая ее сотрудница ненадолго отвлеклась, и Мэри исчезла, будто сквозь землю провалилась. Сотрудница обязана была немедленно доложить начальнику. Что она и сделала. Корешков поднял на ноги весь персонал.

Американка была в это время в дальнем углу общежития, завешанном одеялами. Здесь жила Маня и ее подруга, у которой завтра истекал срок. Подруга устроила по этому поводу маленький гудеж. Вырвала пассатижами золотую коронку, чтобы купить у бырыги хорошего чаю и теофедрину.

Мэри тоже решили угостить чифиром. Но она отказалась. Даже один глоток мог плохо отразиться на ее хрупком организме и цвете лица. Маня и ее подруга принялись настаивать. От выпитой водки их хлебосольство стало переходить все границы.

– Как дела, америка? – говорила Маня. – Райт? Полный райт? Ёлы-палы, я за тебя рада. Только учти, ты тоже Маня! Так что пей и не выеживайся! А то обижусь. И запомни: мы можем последнее украсть и последнее отдать. А вы? Вы не такие!

Чем ближе подходил у старой зэчки срок освобождения, тем чаще она задумывалась, как бы раскрутиться. Годился любой способ. Почему бы не получить довесок за американку? Слава будет сопровождать Маню до последних ее дней.

– Ты не очень-то расходишь, – предупредила Маню интердевочка, – Дипломатического скандала хочешь?

– А ты вали отсюда, – оттолкнула ее Маня.

Она обняла Мэри и внимательно всмотрелась в ее лицо.

– Слушай, америка, – воскликнула она неожиданно, – а я тебя где-то видела! – Маня повернулась к освобождающейся подруге. – Я точно где-то эту овцу видела! Елы-палы, проплюсь – вспомню.

Мэри со страхом, смотрела Мане в глаза. Забыла даже спросить у интердевочки, что ей говорят.

А Маня в это время, кажется, что-то вспомнила:

– Она на Машку Стогову, царство ей небесное, похожа! – воскликнула она. – Или это мне спьяну мерещится?

Мэри украдкой показала Мане маленькую фотографию. И приложила палец к губам.

Старая зэчка обомлела.

– Елы-палы! – выдохнула она.

... Ветеран неволи Маня вместе с подругой была отправлена в изолятор. А Мэри с Корешковым направились в релаксацию. У входа они расстались. Американку проводили в комнату, где беседовали Леднев и Каткова, а начальник колонии занял свое место у секретного окна.

Ледневу оставалось спросить Каткову про Агееву. Где они пересеклись? Какие их связывали раньше отношения? Это был пробел в его предположениях. Но появившаяся неожиданно Мэри прервала разговор. Она начала фотографировать Ларису, предлагая ей принять ту или иную позу. При этом смотрела на нее с нескрываемой нежностью. Это просто невозможно было не заметить. Леднев начал беспокоиться. Если э т о видит он, то э т о могут сейчас видеть и менты. Потом американка совсем разошлась – попросила Михаила ненадолго выйти. Пояснила, что хотела бы снять Ларису не совсем одетой.

– Неужели ты не понимаешь, что о тебе подумают? – спросил Леднев.

– Так ведь никого нет.

– Но в любую минуту могут войти.

О том, что на них сейчас смотрят, он сказать не мог. Помнил, что Жмакова худо-бедно понимает английскую речь.

– Окей, – согласилась Мэри. – Тогда отвернись.

Ледневу пришлось подчиниться.

Жмакова, Корешков и Гаманец молча наблюдали за работой американки. Прелести Катковой лишили их дара речи.

Они не ожидали, что она так красива, если с нее снять эковскую одежду. Майор искоса следил за выражением лица начальника колонии. Нет, он не ошибся в своих предположениях. Каткова занимала в сердце подполковника легко определяемое место.

Конечно, можно было предположить, что Николай Кириллович просто испытывает чувство гордости, что во вверенном ему учреждении содержится такая краля. Это вполне соответствует психологии тюремщика, считающего арестанта чуть ли не своей собственностью. Но нет. Тут было что-то еще.

– Что с кассетами? – спросил подполковник.

– Все под контролем, – ответил Гаманец.

– Сколько она уже отсняла?

– Сорок две штуки. Шлепает, не считая. Халява, сэр.

– Еще какая халява, – согласился Корешков. – Ты посмотри, что она вытворяет! – неожиданно вырвалось у него.

Поправляя кофточку Ларисы, Мэри задержала руку на ее обнаженной груди. Наверное, хотела, чтобы сосок попал в нужный ракурс. Тюремщикам это показалось странным.

– Ай да янки, – хрипло вымолвил подполковник.

Мэри сказала Ледневу, что съемка закончена. Психолог понимал, что время уходит, и спросил про Агееву. Каткова сказала, что встретились они на пересылке. В подробности вдаваться не стала. А Леднев не настаивал. Ему надоело чувствовать на себе чьи-то взгляды. А в том, что за ними наблю-

дают, он не сомневался.

– Ну, что? – сказала Жмакова. – Кажется, психолог решил помочь Катковой.

– С чего ты взяла? – спросил Корешков.

Жмакова пожала плечами. Недоумевала, как этого другие не поняли.

Она сняла трубку внутреннего телефона и приказала кому-то:

– Заберите Каткову.

Мэри должна была отснять подготовку женщин к конкурсу красоты. После обеда они с Ледневым отправились к Ставской. Репетиция шла прямо в ее кабинете. Каткова плясала чечетку. Увидев в дверях гостей, она без смущения продолжала выбивать дробь. У нее это получалось, как у заправского танцора. Тамара Борисовна была явно не в настроении, но это не мешало ей смотреть на Ларису с восхищением.

– Хорошо, – похвалила она. – За этот номер я спокойна. За другие номера – тоже. А вот социодрамы... Давайте текст.

– Какой текст? – сказала Мосина. – У нас импровизация. Мы интермедию готовим.

– Без текста вас не выпустят на сцену.

– Ну и не надо, – сказала Агеева.

Сегодня она выглядела совсем плохо. Кашляла чаще обычного. Было непонятно, как же будет петь.

Тамара Борисовна оглядела конкурсанток:

– Что? Ни у кого нет текста?

– Мы не писатели-сатирики, – сказала Каткова. – У нас мозги по ходу дела работают.

– Я сегодня по мозгам из-за тебя уже получила, – сказала ей Ставская. – Хочешь, чтобы меня после конкурса уволили?

– Ну что вы, начальница, – Катковой стало неловко: она поняла, что у Тамары Борисовны серьезные неприятности.

– Идите, пишите текст.

Зэчки вышли. Удивительно, но от их прежней вражды не осталось и следа. Неужели помирились? Или договорились держать себя в руках?

Тамара Борисовна предложила кофе. Мэри и Леднев не отказались. От кофе пахло духами. Но никто не удивлялся.

– У Катковой есть неснятые взыскания? – спросил Михаил.

– И не одно, – Ставская вздохнула. – Страсть как любим показывать свой характер. – Она даже не замечала, что так обычно говорят матери – о себе и о своем ребенке. – Вы хотите сказать, что может потребоваться хорошая характеристика? Я об этом уже думала. Я уговорю Корешкова, он подпишет. Она вам все рассказала? Там есть за что зацепиться?

– Для обвинительного приговора требуются веские доказательства. Для оправдательного приговора достаточно сомнений, – сказал Леднев.

Тамара Борисовна покачала головой:

– Не про нашу систему это сказано.

– Попытка не пытка, – бесстрастно сказал Михаил.

На самом деле история Ларисы Катковой тронула его. Он чувствовал, что готов ради этой девушки в лепешку расшибиться. Пусть хотя бы год ей скинут, а лучше все три, что остались.

Но он знал также, что психолог не должен входить в чье-то положение, пока не получит объективных результатов. Пребывание в колонии подходило к концу, а он главный свой интерес так до сих пор и не удовлетворил.

– Тамара Борисовна, – обратился он вкрадчиво, – скажите, если не секрет, сколько в вашем отряде истеричек.

– Каждая вторая, – не задумываясь, отвечала Ставская, окидывая Леднева недоумевающим взглядом.

– А за счет чего отряду удастся постоянно перевыполнять план?

– Ах, вот вы о чем! – отрядница поняла, наконец, к чему он ведет. – Я тоже когда-то относилась к этому вопросу с отвращением. А зэчки надо мной посмеивались: вам не понять, вы не любите. Теперь я в этих тонкостях разбираюсь. Самая страшная тягота неволи, Михаил Владимирович, – половая изоляция. По корану, если муж не посетил жену в течение двух месяцев, она имеет право подать на развод. А тут женщины не имеют мужчин годами. Они хоть и преступницы, но у них тоже есть гормоны. Я уж не говорю о том, что преступники – тоже люди. Им и любить кого-то хочется, и чтобы их кто-то любил. На свободе женщина чувствует себя полноценной, когда она замужем. То же самое здесь, когда у нее

есть половинка, семья. Понятно, что это суррогат семьи. Но сколько это слово ни закавычивай, смысл не поменяется. Я ни от кого и не скрываю: большая часть моего отряда разбилась на такие семьи. Я этого не поощряю, но и не преследую. Считаю это бессмысленным садизмом.

– Но женщина так устроена... – сказал Леднев. – Она склонна разрушать чужое семейное гнездо.

Ставская и не думала это отрицать:

– Естественно! – воскликнула она. – Большинство пар – взаимщицы. Надеюсь, вам не надо объяснять, что это такое. Но немало и таких «семей», где есть ярко выраженные «мужчины». Они ведут себя, как настоящие мужики. Паразитируют, меняют партнерш, поколачивают «жен». А некоторые «жены» готовы даже на преступление пойти, только бы ублажить «мужей». Воруют на фабрике материал, меняют его на чай или теофедрин. На почве гомосекса немало невротических расстройств и преступлений. Но нельзя с этим бороться теми методами, которые нам предписывают сверху.

– Значит, Мосина иногда надоедает Агеевой? – спросил Михаил.

Ставская удивилась:

– Надо же! Как вы заметили? Глядя на вас, я вообще удивляюсь, как вы можете разбираться в женщинах.

Вечером за ужином Мэри была молчалива. Совсем плохо ела.

– Я тебе проиграю, – сказала она надтреснутым голосом. –

Мои снимки не отразят всего. И никто на моем месте этого бы не сделал. Ни один мужчина. Это невозможно.

«Она все время соревнуется с мужчинами, подумал Леднев. – Что ж, это правильно. Иначе не станешь первой среди женщин».

– Лариса сказала, что ты хочешь ее освободить. Это правда? – спросила Мэри.

– Шансов маловато, но я попытаюсь.

– Но у тебя есть семья.

Ах, вот, что у нее на уме. С какого потолка эти подозрения? Он и эта Каткова... Что между ними может быть общего? Как у Мэри вообще зародилась эта мысль? Неужели это ревность? Бог мой, неужели?! А почему нет? Если предположить это, тогда многое непонятное становится вполне объяснимым.

– Ты не так меня понял, – поспешила добавить Мэри. – Я хотела сказать, что мы привыкли быть прагматичными. И когда человек что-то делает для другого человека, совершенно ему незнакомого, это выглядит странно, даже подозрительно. Кажется, что это только видимость благородства.

Ледневу эти слова понравились еще меньше. «Надо же, каким тварями они нас считают», – подумалось ему.

– Ты сейчас о каких людях говоришь? – решил уточнить на всякий случай. – Об американцах? О русских?

– Нам гораздо проще проявлять заботу о ком-то. Мы меньше заняты своими проблемами.

Помолчав, Мэри сказала:

– Завтра меня повезут в другую колонию.

Михаил вспомнил: она будет снимать роды рецидивистки. Что ж, можно не сомневаться, это будут потрясающие кадры. В особенности для тех, кто разбирается в тонкостях жизни женщин-заклученных. Зэчка, которая провела большую часть жизни за решеткой, осталась женщиной, сохранила стремление стать матерью, нашла себе мужика, умудрилась ему отдаться. Это ли не удивительно?

– Ты поедешь? – спросила Мэри.

Нет, Ледневу нужно было еще раз перечитать дела Мосиной и Агеевой. И изучить, именно изучить, дело Катковой, сделать необходимые выписки. На это дня не хватит.

– Извини, я буду очень занят, – сказал Михаил.

Он был уверен, что Мэри снова обидится. Но она ответила неожиданно мягко, с улыбкой:

– Я понимаю.

Глава 18

На другой день Леднев, зашел первым делом в спецчасть. Но личных дел там ему не дали. Сослались, что нет на то распоряжения.

Это было более, чем странно. Помнится, Корешков распорядился, что психолог может читать любой дело в любое время.

– Значит, что-то не так сделали, – сказала начальница спецчасти.

Леднев пошел к Ставской. Кто еще мог объяснить ему, что происходит? Но у Тамары Борисовны было то же предположение.

– У нас тут кругом флажки, где-то вы заступили за линию.

Корешкова на месте не было: уехал с Мэри. День пропал зря. Ставская сказала, что она помнит дела своих подопечных до мелочей. Что интересует конкретно?

Леднев сказал, что он хотел бы своими глазами прочесть текст приговора Катковой. Тамара Борисовна вынула из письменного стола несколько листков убористого машинописного текста.

– Вот копия, читайте. Можете даже взять насовсем.

– А можно, я задам несколько неудобных вопросов? – спросил Леднев.

Тамара Борисовна посмотрела на него с понимающей

улыбкой. И ответила в тон:

– А хотите, я скажу, что вас интересует?

– Хочу! – азартно поддержал Михаил.

– Во-первых, не завела ли я шуры-муры с Катковой, так? Так! Во-вторых, нет ли чего у Катковой с Николаем Кирилловичем, так? Так! И, в-третьих, в чем корень конфликта между Катковой и Мосиной.

Леднев развел руками:

– Все правильно.

Тамара Борисовна поднялась из-за стола, прошла по кабинету. Юбка цвета хаки в обтяжку. Ножки стройные.

– Знаете, – сказала, поймав взгляд Михаила, – Раньше нам разрешалось входить в зону в гражданской одежде. И я видела: женщины смотрят на меня с завистью. Нет, не так говорю. Когда нам запретили ходить в гражданском, я заметила, что женщины стали лучше на меня смотреть. Так вот, Михаил, как вас по батюшке?

– Владимирович.

– Так вот, Михаил Владимирович, семьдесят процентов женщин у нас страдают грибковыми заболеваниями. Так говорят наши врачи. Но на самом деле, процент, думаю, гораздо выше. Теперь давайте прибавим сюда, что все мы здесь, сотрудники, друг за другом присматриваем. А за нами и друг за другом присматривают осужденные. Тут ни один секрет долго не держится. Ни один! Так что для тайной любви тут никаких условий. Никаких!

– Зачем тогда вы закрываетесь с Катковой? – спросил Леднев.

– Сидим, чай пьем. Кормлю ее чем-нибудь вкусненьким. Представьте, что дверь будет открыта и ворвется Брысина. На другой день вся зона будет знать. А еще могу сказать, что мне просто интересно беседовать с Ларисой. Ни с кем мне здесь так не интересно, как с ней. За последние два года она очень изменилась. Стала мягче, перестала нарываться на нарушения режима. Это тоже приятно, когда видишь, что спасаешь человека.

– Как же это вам удастся?

В глазах у Ставской заблестели слезы:

– Когда ее ловят на чем-то, я просто не выдерживаю и плачу.

– И все?

– Нет, не все. Знаете, как женщины жалеют друг друга?

Они гладят, ласкают.

– Разве можно в этих ласках удержаться, не зайти далеко? – в лоб спросил Леднев.

– Можно, – твердо сказала Ставская.

– Это вы про себя говорите. А Мосина, Агеева и Каткова?

Они могут?

Ставская задумалась, глядя Михаилу прямо в глаза. И неожиданно спросила:

– Вас никогда не насиловали?

Леднев неловко рассмеялся и покачал головой: что за

нелепый вопрос? Но Тамаре Борисовне было не до смеха.

– Вы же психолог. Вы не заметили ничего общего у этих трех женщин? Мосина и Агеева были зверски изнасилованы. И не одним мужчиной, а целой группой. Они этого не скрывают. А Каткова скрывает. «Штык» ее изнасиловал и только потом женился, когда она забеременела. А потом всячески издевался, опять-таки в постели.

«Она во всем верит Катковой, – подумал Леднев. – Или передо мной разыгрывает спектакль, будто верит». Его в который раз охватило чувство, что он ничего не успевает сделать. Ни выслушать, ни понять. А время летит. Это только для зэчек время тянется медленно. Если вдуматься, нет для них худшего врага, чем время.

Мэри вернулась к обеду. Она была еще задумчивей, чем накануне вечером. Ей снова подали вареники с черникой. Но на этот раз она ела без аппетита. Не интересовалась, чем в ее отсутствие занимался Михаил. И не торопилась еще что-нибудь снимать. Похоже, роды рецидивистки произвели на нее сильное впечатление.

– Ты опять в шоке? – спросил Михаил.

– Кроме родов, я снимала свидание, – сказала Мэри. – Это была интересная сцена. К женщине приехал муж. А она в это время была на свидании со своей родственницей. Она была записана в ее личном деле, как тетья. А оказалось, они просто раньше вместе сидели.

– Как ты это поняла? – спросил Леднев.

– Мистер Корешков объяснил. Я сфотографировала и мужа, и тетю, и эту заключенную. Это будут интересные снимки. А еще сфотографировала, как эту женщину обыскивали после свидания. Ее завели в комнату, где стояло гинекологическое кресло. Там стояла надзирательница – рука в перчатке, все стерильно... Ты понял?

Леднев понимающе кивнул.

– Это тоже будет интересный снимок.

Мэри давала понять, что в ее работе тоже есть успехи. Хотя это почему не особенно ее радовало.

– А что же роды? – поинтересовался Леднев.

Американка улыбнулась, она ожидала этого вопроса.

– Родилась девочка. Рост полтора фута, вес восемь фунтов. Во мне было столько же. Сегодня вечером мы выпьем за нее, ладно?

Михаил не узнавал Мэри. В ее лице не было прежней жесткости и странной смеси простоты и высокомерия. Он сказал ей, о чем сейчас думает.

Мэри сказала с мягкой улыбкой:

– Среди американок тоже встречаются русские бабы. И среди американок тоже встречаются страдалки.

Леднев только головой покачал. Кажется, Мэри делала успехи в русском языке.

Вечером Корешков устроил, как он выразился, мини-банкет. Тюремщики рады любому случаю гульнуть. Но тут был особый случай. Подполковнику хотелось оставить о себе хо-

рошее воспоминание. Он строго-настрого велел быть Ставской. И ни на минуту не отпускал ее от себя. Демонстрировал дружелюбие. Мало ли с кем общается этот психолог, работающий в газете, и эта американка. Николай Кириллович, несмотря на чин и должность, был провинциал. А все провинциалы всегда с гостями настороже.

Стол был накрыт все там же, в релаксации. Играла музыка, какой-то джаз. Угодить гостям – так угодить. Снова клюква и брусника, настойки из северных ягод. И под такую выпивку – сибирские пельмени с лосятиной.

Мэри пила и закусывала, не отставая от хозяев. А те удивлялись, с чего она такая веселая, если ей устроили от ворот поворот раньше срока?

– Я вас не узнаю, – сказал ей Корешков.

И все сотрудники к нему присоединились: Жмакова, Гаманец, Ставская: они тоже не узнают. Мэри глянула на Леднева, спрашивала взглядом: и ты тоже? Михаил мелочно не отвечал. Что-то прокручивал в голове, какие-то смутные догадки.

Выпили сначала за Мэри и дружбу России с Америкой, потом – за Леднева и в его лице за всех коллег. Хозяева не без оснований тоже считали себя психологами. Потом Михаил поднял тост за гостеприимных хозяев и поблагодарил за радушный прием. И настал, наконец, черед Мэри сказать тост.

Американка встала, соблюдая местный обычай:

– Все, что я видела в эти дни – для меня, как сон, – губы ее неожиданно дрогнули, она готова была разреветься. – Я кажусь себе кошкой, которая гоняется за своим хвостом. Даже не знаю, чем это кончится. То ли мне надоест гоняться, то ли я вырву себе хвост. Но все равно я вам благодарна. Вы дали мне возможность досмотреть этот сон до конца. Наверно, я уеду с чувством, что сама тут сидела.

Когда Леднев перевел, все еще какое-то время смотрели на него с недоумением. То ли он не так понял американку, то ли она выразилась слишком туманно. В какой-то момент Михаил сам усомнился, все ли правильно он понимает. Нет, похоже, он ни в чем не ошибся.

Все были уже разогреты спиртным, и разом загалдели. Леднев едва успевал переводить для Мэри ответные пожелания.

– Если хотите досмотреть свой сон, приезжайте через две недели, – сказала вдруг Ставская.

Корешков, Жмакова и Гаманец обомлели.

– Николай Кириллович, – сказала Ставская, – пригласите наших гостей на конкурс красоты. Чего вам стоит?

С лица подполковника все еще не сходило удивление. Но он справился с этим чувством и сказал бодро:

– А что? Это идея! И у Тамары Борисовны будет стимул, и красоток наших. Тут только одна заковыка. Не мне решать, можно ли нашим гостям приехать сюда еще раз.

Корешков смотрел на Леднева: вот, мол, если психолог

договорится в Москве с кем надо. Но улыбка у начальника колонии была при этом такая вымученная. И Жмакова с Гаманцом смотрели с такой тоской. Господи, читалось в их глазах, неужели это еще не конец?

Подполковник начал что-то говорить Мэри на своем ужасном английском. Она внимательно вслушивалась в его речь. Она отключилась от других звуков, это было видно по ее сосредоточенному лицу. «Пора», – сказал себе Леднев. В эту минуту он болтал со Ставской о рецепте приготовления настойки из брусники.

– А вчера утром я убил свою бабушку, – сказал он негромко.

Естественно, все обратили внимание на эти слова. И это было понятно само по себе. Но чего ради так удивилась Мэри? Брови вскинула вверх, так удивилась. Неужели стала понимать по-русски?

– Так шутил президент Рузвельт, когда хотел привлечь к себе внимание большого застолья, – пояснил Леднев. – Я, собственно, что хотел сказать. Если уважаемые хозяева настаивают, мы приедем.

Потом обратился к Мэри на английском:

– Ты выдала себя, дорогая.

Американка ответила, не задумываясь:

– Было бы странно с моей стороны ехать в Россию, не изучив хотя бы сотни слов. Я выучила больше, Майк, потому что готовилась к этой поездке несколько лет. Ну и что из

этого следует?

Леднев ничего на это не сказал. Ясно, что Мэри никакая не шпионка. Хотя ясно также, что приехала она в эти места не только ради очередного фотоальбома. А вот для чего? Это предстояло допетрить.

Корешков налил еще в рюмки и сказал Ледневу, тонко улыбаясь:

– У нас такие гости не так уж часты. Поэтому интересно посмотреть на себя их глазами. С чем уезжаете, с какими выводами?

«Все ясно, – подумал Михаил, – За пленки он спокоен. Его тревожит, что я напишу».

– У меня не выводы, у меня вопросы, – сказал он. – Вопрос первый: нужно ли до такой степени ограничивать человеку свободу? И вопрос второй: может ли вообще человек держать за решеткой другого человека?

Гаманец нехорошо усмехнулся. Корешков задумчиво поводил вилкой по пустой тарелке:

– И что вы предлагаете?

– Ничего.

– Вы делаете одну очень важную ошибку, – вкрадчиво сказал Корешков. – Вы считаете преступника таким же человеком, как вы, равняете себя с ними. Разве это правильно? Разве это справедливо?

Леднев задумался. Если он начнет сейчас говорить все, что думает, они наверняка крупно поспорят, может, даже по-

ссорятся. К чему это, если придется еще раз приехать? Нет, лучше расстаться по-доброму.

Он предложил перенести этот разговор. Сослался на то, что еще не привел в порядок все свои впечатления и мысли. Корешков не возражал.

Глава 19

Очерк Леднева о самой красивой и самой молодой особо опасной рецидивистке России был скоро опубликован. Номер газеты с сопроводительным письмом главного редактора отправлен в Верховный Суд. Михаил хотел, чтобы решение по делу Катковой было принято до конкурса красоты. Воображение рисовало ему картину чуда. Лариса занимает первое место, в качестве приза ей преподносится решение Верховного Суда, и она прямо со сцены уходит на волю. Работают телекамеры (подключить телевизионщиков – не проблема), и на другой день об этом узнает вся страна и весь мир.

Председатель Верховного Суда поручил дело Катковой своему заму. Но тот сказал прямо, что если даже чрезмерно строгий срок можно сократить до отбытого, в две недели они все равно не уложатся. Бюрократические формальности займут гораздо больше времени.

Этой неприятной новостью Леднев поделился с Мэри. Американка пришла в негодование. Она уже знала детали дела, и у нее в голове не укладывалось, как можно держать невинного человека не то, чтобы лишние недели, а даже день, час, минуту. Она подключила посольство, организацию «Международная амнистия», наняла американского адвоката с хорошим знанием русского языка. Машина правосудия заработала быстрее.

Каждый вечер Ледневу звонила Ставская, рассказывала, как идет подготовка к конкурсу. Голос ее звенел от волнения. Михаил напомнил, что требуется хорошая характеристика. Тамара Борисовна горько зарыдала. Корешков не поддается ни на какие уговоры. Ссылается на то, что решение, подписать или не подписать положительную характеристику, он не может принять в одиночку. Жмакова и Гаманец немедленно доложат об этом по инстанции. У него могут быть серьезные неприятности. Все-таки, как ни крути, это подлог. Чего ради он должен подставлять свою голову?

Леднев сказал Мэри, что хорошей характеристики они могут не дожидаться. Адвокату следует строить другую линию защиты, основанную на том, что все нарушения режима Каткова совершила, будучи фактически ни в чем не виновным человеком, осужденной за участие в бунте необоснованно, с нарушением закона.

За день до конкурса на Агееву пришла разрядка. Девушка подлежала немедленной отправке в женскую колонию, где была больница для чахоточных. Гаманец слов на ветер не бросал.

Ставская бросилась к Корешкову. Но подполковник только руками развел. Он не имел права изменить срок отправки ни на один день.

– Мы сорвем конкурс, – сказала Тамара Борисовна. – Вы не хуже меня знаете, как Мосина относится к Агеевой. Она, как минимум, откажется от участия. Как максимум, наложит

на себя руки. Представляете, завтра приезжают гости, а у нас труп.

– Тома, не нагнетай, – отмахнулся Корешков.

– Я вас предупредила, Николай Кириллович. Отправить можно и после конкурса. Хотя отсрочка уже ничего не изменит, – добавила Ставская упавшим голосом. – Настроение уже испорчено, это конец.

– Ну что за неврастения?! – вскипел подполковник, хотя до его сознания уже доходило, что Ставская права. Настроение испорчено у всех участниц конкурса. Не только у эчек из отряда Ставской. Уж он-то знал психологию своих пантер. – Что ты предлагаешь?

– Нужно позвонить куда следует, добиться отмены этапа и объявить об этом всей колонии.

– Не поверят. Подумают, что это наша ментовская хитрость.

– Согласна, но другого выхода нет, Николай Кириллович.

Глава 20

Жюри конкурса, руководящие работники УФСИНа, журналисты, телевизионщики заполнили чуть ли не весь вагон. Ехали весело. Поселились на одном этаже гостиницы. Город всем понравился. Современные дома. Много сосен. На горизонте сопки, переходящие в горы. Выпал первый снег. Морозец был легкий.

В колонию добирались «Икарусом». Контролеры на вахте в документах особенно не ковырялись. Клуб был уже заполнен до отказа. Свободен только партер, окруженный по всему периметру надзирателями в форме. Большую часть стульев уже занимали сотрудники колонии. Члены жюри сели так, где положено, прямо перед сценой, на небольшом возвышении.

Среди них было несколько узнаваемых лиц: знаменитый режиссер, популярный актер, известный политик, депутат Государственной Думы, зам председателя верховного Суда. Тот самый, который занимался делом Катковой.

Корешков, Жмакова и Гаманец встретили Леднева сухо. Они прочли его очерк о Катковой и были очень разочарованы. Как он мог поверить ее рассказу? А еще психолог. Почему не поговорил о ней с ними? Они бы подсказали, в чем конкретно заключается ее вранье относительно себя и других. Каткова выглядела жертвой тюремщиков. Каждый до-

читавший очерк до конца, приходил к мысли, что эту молодую красивую женщину нужно освободить немедленно. Корешков, Жмакова и Гаманец были другого мнения.

Открывая конкурс, известный кавээнщик предоставил слово начальнику УФСИНа. Генерал был сегодня не в форме, а в обычном костюме.

– Сегодняшнее мероприятие, – сказал он, – можно без преувеличения назвать событием. Наша исправительная система, как и вся наша страна, открывается миру. Весь мир может видеть, что мы не просто держим осужденных в строгой изоляции, но и даем им шанс вернуться в общество нормальными людьми. Даже тот факт, что мы, члены жюри, находимся в одном зале с осужденными, и нас не разделяет решетка, говорит о том, что все мы – граждане одной страны, и между нами нет непреодолимых различий.

Генерал говорил без бумажки, но чувствовалось, что он просто произносит выученный наизусть текст. Поэтому в зале слышался шум.

– Короче, начальник, пора начинать, – пробасила Маня, сидевшая в самом близком к партеру ряду.

Генерал был опытный тюремщик. Он мгновенно сообразил, что каждое лишнее его слово отразится на авторитете возглавляемого им УФСИНа. И он объявил конкурс открытым.

На сцене появились участницы. На них были обычные зэковские платья синего цвета и белые косынки. Они выстрои-

лись на авансцене. Их было немного, двенадцать. Всего дюжина красоток и симпатюшек набралась в колонии численностью в 1090 женщин.

Каткова села за пианино, начала аккомпанировать, а женщины запели песню из кинофильма «Первая перчатка»:

Милый друг, наконец-то мы вместе,

Ты плыви, наша лодка, плыви,

Сердцу хочется ласковой песни

И хорошей, большой любви.

Пели женщины старательно. Но как-то без вдохновения. Будто повинность исполняли. И улыбки были какие-то вымученные. Допев песню, они скрылись за кулисами.

Ведущий объявил о начале первого раздела конкурса – соревнования в эрудиции, находчивости и чувстве юмора.

– А можно, я назову все статьи уголовного кодекса? – попросила Агеева.

– А почему нет? – воскликнул после секундного замешательства кавээнщик. – Мы вообще решили не придерживаться строго регламента. Пусть каждая участница проявит себя по своему усмотрению.

Лена Агеева перечислила без запинки первые десять статей уголовного кодекса. Ее остановил Популярный актер:

– А за что ты здесь, если не секрет, такая маленькая?

– Яблоки в саду воровала.

Популярный актер посмотрел с удивлением:

– А нам сказали, что тут опасные.

– А я два раза в один сад лазала, – без улыбки пояснила Лена.

Жюри зааплодировало, единогласно отметив дополнительным баллом чувство юмора.

Лена подняла руку, как школьница на уроке:

– А можно спросить?

– Конечно, – разрешил кавээнщик.

– У меня вопрос к гражданам начальникам. Я два года назад, когда еще на воле была, письмо написала. Министру внутренних дел. Когда он мне ответит?

– Какое письмо? – спросил кавээнщик, растерянно поглядев на генерала в штатском костюме. – О чем письмо?

– Я писала, как на воле пацаны девчонок портят каждый божий день, честных в общих превращают, заражают болезнями всякими. Когда это кончится? Я здесь уже четыре года, а этому конца нет.

Кавээнщик засуетился:

– Давайте, девушки, о серьезных вещах потом, после конкурса. А сейчас – о чем-нибудь другом. Как говорится, потехе час.

– Это у нас вся жизнь потеха, – строго отвечала Лена Агеева.

И жюри снова зааплодировало, набрасывая балл.

На сцену вышли Мосина и Каткова. Фая – в судейской мантии, Лариса – в чем была. А Лена Агеева объявила номер:

– Суд над осужденной. Интермедия.

Мосина сел за стол, нацепила на нос очки и начала разбирать бумаги. Объявила:

– Слушается дело осужденной Катковой Ларисы. Злостно нарушает режим содержания. Шесть рапортов за косыночки. Не хочет носить белую косынку. Шесть рапортов за чулочки. В смысле за гамаша, носить которые не разрешается.

– А мужские кальсоны можно? – спросила Лариса, потупив глаза.

– Кальсоны – пожалуйста, – сказала судья – Мосина. – Зачитываю запись воспитателя Катковой, – продолжала она. – Рекомендовано воспитывать у себя честность.

Корешков беспокойно заерзал, тяжело задышал. Этой интермедии не было на генеральной репетиции. Жмакова сидела с багровым лицом. Эта она была до Ставской воспитателем Катковой. Это ее записи воспроизводила сейчас Мосина.

– В чем моя нечестность, гражданин судья? – нервно спросила Лариса.

– Спокойно, осужденная Каткова! Не надо так возбуждаться. Как написано, так и зачитываю. Вот тут дальше говорится. Над самовоспитанием не работает. Почему не работаете, Каткова? Молчите? Ага, вот тут написано, почему. Жизнь на свободе для нее в тягость. Живет одним днем, не имея никакой цели. Почему бесцельно живете, Каткова?

– А хрен его знает, гражданин судья, – вздыхая, отвечала

Каткова.

– Хорошо. Теперь о главном, – продолжала судья – Мосина. – Вы обвиняетесь в том, что ударили осужденную Брысину, активную общественницу за то, что она сделала вам замечание. Вы ужинали не в столовой, а в жилой секции, ели колбасу. Так?

– Что так? – растерянно переспросила Лариса. – Что ударила? Или что ела колбасу?

– Не придуривайтесь, Каткова!

– Да, ела. Да, ударила. Дала пощечину, чтобы не выслуживалась, не мешала жить, – признала Лариса. – Ну и что? Ад за это устраивать?

– Про какой ад говорите? – спросила судья – Мосина.

Генерал – начальник УФСИНа стал перешептываться с кавээнщиком. Убеждал его, что интермедия показывает в карикатурном виде нашу исправительную систему и не соответствует цели конкурса – показать человеческую красоту во всех ее видах.

Кавээнщик внимательно выслушал и согласился.

– Уважаемые дамы, – обратился он к Мосиной и Катковой. – А чего-нибудь повеселее у вас нет? Как-то не очень смешно. И какое это имеет отношение к эрудиции?

Каткова отозвалась мгновенно.

– Самое прямое. Мы работаем для вашей эрудиции. Наберитесь терпения, досмотрите, потом будете делать выводы.

Кавээнщик посоветовался с членами жюри и разрешил

продолжать.

– Про какой ад вы говорите, конченный вы человек? – укоризненно повторила свой вопрос судья – Мосина. – Суд приговаривает вас к шести месяцам пэкэтэ – содержанию в помещении камерного типа. Хватит шести месяцев, Каткова?

– Как скажете, гражданин судья. Большое спасибо, – смиренно отвечала Лариса. – Только почему суд есть, а адвоката нет? Не положено?

– Не положено, Каткова.

Мосина скрылась за кулисами. И скоро появилась, только уже не в судейской мантии, а в зэковской одежде. Обе женщины стали ходить из угла в угол воображаемой камеры, потирая руками плечи, как бы пытаясь согреться. Потом Каткова вышла на авансцену и сказала в зал, обращаясь к жюри:

– Пэкэтэ – это такая тюрьма в колонии. Маленькое оконце, решетка и еще сетка. Воздуха почти не пропускает. Зато трудно получать записки по тюремной почте. Говорят, женщина придумала. Когда сюда идут, берут теплую одежду. Температура здесь не больше 15 градусов. Но во время обыска теплые вещи изымают. Не положено. Положено мерзнуть. Даже газеты изымают – ими можно затыкать щели или развести костер. Стирка запрещена – горячей водой можно согреться. Начнете возмущаться – отопление вообще отключат. Зимой на стенах иней. Ложимся спать, обнимаем друг друга, согреваем дыханием. Засыпаем только к утру. Утром – ломтик хлеба, соль, кипяток. В обед – пайка хлеба, соль и

суп без картошки. На ужин – пайка хлеба, соль, кипяток. И таким макарон – шесть месяцев.

Лариса перешла на шепот, сообщая как бы по секрету:

– Когда приходят сотрудники, нужно обязательно вскочить. Как в армии. И доложить: я, такая-то, сижу за тот-то... Не дай бог встретить начальника сидя или лежа. Нет, он никогда не ударит без повода. Никогда!

В этом месте интермедии Гаманец особенно заерзал: узнал себя. И зэчки в зале тоже опознали, отчаянно зааплодировали.

– Такова маленькая картинка из нашей жизни, – Каткова заканчивала свое выступление. – Это другая жизнь, господа, запомните это. А теперь мы попытаемся вспомнить себя, какими мы были раньше.

Обе женщины исчезли за кулисами. А спустя несколько минут на сцену вышли все конкурсантки. Они были неузнаваемы: современные платья, прически, макияж. Жюри и зрительницы взорвались рукоплесканиями. Одна только Каткова в коротенькой юбке, несусветно напозаженная, выглядела вульгарно.

– Ты чего такая? – презрительно оглядев ее, спросила Мосина.

– А ты считаешь, что в таком виде я не могу никому понравиться? – отвечала Каткова. – Плохо же ты, подруга, знаешь мужчин. Женщина должна быть настолько умна, чтобы нравиться глупым мужчинам, и настолько вульгарна, чтобы

нравиться умным.

Мосина сказала:

– Все равно я тебя не понимаю. У нас тут, по-моему, соревнование в эрудиции, находчивости и юморе.

Каткова снисходительно на нее посмотрела:

– Женщины знают меньше, но зато понимают больше. И потом... так ли нужна нам эта победа? Чего обычно желает женщина? Чаще всего, только того, чего она никогда не получит.

Мосина оглядела Каткову сверху вниз:

– Н-да, с такими ногами ты далеко пойдешь. И все получишь, не расстраивайся.

Жюри было, похоже, того же мнения, присудив победу в первом туре Ларисе Катковой.

Следующим разделом конкурса было соревнование с декламации. Мосина читала первой:

Мне уже не страшно в страшном мире,

Оттого – себя не узнаю!

Как мишень игрушечная в тире.

Весело сыграю смерть свою.

Члены жюри переглянулись. Что-то озадачило их в этом четверостишии. Кавээнщик спросил:

– А можно что-нибудь другое? Неужели о любви нет ничего повеселей?

Мосина отказалась читать другое стихотворение. Зато Каткова внесла оживление:

Мы любим по земным законам,
И соблазняешь ты меня
Не яблоком одним, зеленым,
А сразу спелыми, двумя.

Кавээнщик озадаченно поморгал, потряс головой.

– Что с вами? – участливо спросила его Каткова. – Вам нехорошо?

Тот замахал руками:

– Нет-нет, я в порядке. Просто я не привык к такой откровенности.

– Да будет вам! – сказала Каткова. – Про какую откровенность вы толкуете? Ну, давайте я вам Цветаеву прочту.

Грудь женская! Души застывший вздох –

Суть женская! Волна всегда врасплох.

Застигнутая – и всегда врасплох

Вас застигающая – видит Бог!

– Потрясающе! – воскликнул кавээнщик. – Какая внутренняя свобода! А вы показывали, как вас тут закрепощают. Где еще такое может быть? В какой тюрьме мира?

Он был не так прост, этот кавээнщик. Лукавил из страха, что менты в любую минуту скажут: хватит!

Каткова снова выиграла по очкам. А вот с уходом за ребенком у нее неожиданно возникли проблемы. Лариса не смогла правильно спеленать куклу. Это было очень странно. Леднев терялся в догадках. У нее же был сын. Кто же его пеленал?

Лучше всех других оказалась Валька Брысина. У нее все лицо засветилось нежностью. Будто в ее руках была не кукла, а живой ребенок. И каждое ее движение было ладным и уверенным. Леднев посмотрел на Ставскую. Отрядница была довольна. Хоть одна ее воспитанница оказалась в этом виде конкурса на высоте.

Легким тонким голосом на выдохе:

В горнице моей светло –

Это от ночной звезды

Матушка возьмет ведро.

Молча принесет воды...

Потом было соревнование в танце. Мосина и Каткова вышли на сцену в мужских костюмах. Они танцевали поочередно то с Агеевой, то с Брысиной. Особенно эффектным был вальс.

Раздалась барабанная дробь. Участницы конкурса, страшно смущаясь, вышли на сцену в купальниках. Особенно неловко чувствовала себя Валька Брысина. Хотя другая бы на ее месте так не стеснялась. Бедра только кажутся слишком широкими. Лет пятьдесят назад такие были у каждой третьей. Так ведь и рождаемость была другой.

Но и остальные конкурсантки были далеки от эталона. Тела красивые, но слишком уж исхудалые. И все же ээчки в зале завизжали от восторга, а члены жюри что-то оживленно говорили друг другу.

Господи, неужели этому конец? Все не понравилось Лед-

неву в этом мероприятии. Сама затея казалась ему противоестественной. Неволя – не место для конкурса красоты. Михаил ждал, когда объявят результат. Ему шепнули, что самый главный сюрприз ждет всех в конце.

Кавээнщик вышел на сцену в сопровождении Ставской, державшей в руках корону, сделанную на заказ из какого-то дешевого металла под серебро.

– Первое место и звание «Мисс очарование» присуждается... – кавээнщик сделал обязательную в таких случаях паузу. – Катковой Ларисе!

Первыми захлопали члены жюри и журналисты. Но зал поддержал их очень вяло. Там, где сидели сотрудники, раздавалось всего два-три хлопка. Аплодисменты зэчек тоже трудно было назвать бурными. Каткову явно не любили. А теперь будут любить еще меньше.

Лариса приняла корону без восторга. Поправила ее на голове, надела набекрень. Только тогда аплодисменты стали погуще.

Жюри удостоило званий и наград всех участниц. Чтобы никому не было обидно. Здесь уж зэчки не жалели ладошек.

Глава 21

После конкурса зэчек развели по локалкам, а московских гостей пригласили в релаксацию. Телевизионщики настроили камеры, журналисты приготовили диктофоны и фотоаппараты. Корешков предоставил слово члену коллегии Верховного Суда Попову.

Попов попросил ввести Каткову, Мосину, Агееву и Брысину. Женщины вошли, растерянно поглядывая на собравшихся. Кажется, только Каткова догадывалась, что именно сейчас может произойти.

– К нам поступило ходатайство газеты в отношении Катковой, – сказал Попов, – Но мы считаем, что следует получить хотя бы общее представление об осужденных Мосиной, Агеевой и Брысиной, справедливость осуждения которых также подвергается сомнению. Выслушаем и сотрудников колонии. От этого объективность нашего будущего решения только выиграет. На такое необычное рассмотрение приглашена пресса и иностранные наблюдатели.

Разбирательство проходило в форме обычного судебного заседания. Слева и справа от Попова сели еще два члена Верховного Суда. Каткова, Мосина, Агеева и Брысина заняли отдельный ряд стульев.

– Мы столкнулись с необычным фактом, – начал Попов. – Об освобождении Ларисы Катковой ходатайствует ее воспи-

тательница капитан Ставская. Администрация колонии ее в этом не поддерживает. Скажите, Тамара Борисовна, какими мотивами вы руководствуетесь. И почему, на ваш взгляд, Катковой было отказано в положительной характеристике.

Ставская встала. Она заметно волновалась.

– Просто я лучше знаю Каткову – сказала она. – Я для того и поставлена, чтобы лучше знать своих подопечных. Мне надо либо верить, либо увольнять за профнепригодность.

Корешков поднял руку, порываясь что-то сказать.

– Подождите, подполковник, – остановил его Попов, – у вас еще будет возможность выступить.

– Я хочу только сказать, что приказ об увольнении капитана Ставской уже подписан, – быстро проговорил Корешков. – Мотивы: превышение полномочий, злоупотребление служебным положением, укрывательство преступления.

– Если это так, то ваши претензии к Ставской очень серьезные. Но в настоящий момент вы мешаете нам объективно понять ее позицию и тем самым оказываете давление на суд, – строго заметил Попов.

– Все нарушения режима, которые инкриминируются Катковой, никак не связаны с наркоманией, – продолжала Тамара Борисовна. – У нас очень активно работает оперчасть. Факты проноса в зону героина крайне редки. Как правило, о них становится известно заранее, и они пресекаются. Осмотрите тело Катковой. Ручаюсь, вы не найдете ни одного следа от укола.

– Возможно, нам придется это сделать, – вставил Попов.

– Единственное, по-настоящему грубое нарушение, которое Каткова допустила за последние пять лет, – ударила по лицу осужденную Брысину, нашу активную общественницу, – продолжала Ставская. – За что понесла строгое наказание – отсидела в пэкэтэ шесть месяцев. Все последующие взыскания были наложены на Каткову за нарушение формы одежды. То ее заставляли без косынки, то в слишком короткой юбке. Считать, что это указывает на ее неисправимость, думаю, несправедливо. Могу согласиться, что она своенравна, непокорна и груба. Но это не означает, что она неисправима. Хочу также напомнить, что Каткова осуждена в колонии по ложному обвинению в подстрекательстве к бунту. То есть отбывает последние пять лет совершенно незаконно. За свое предыдущее преступление – кражу – она давно уже отсидела.

Попов посоветовался с другими членами суда и строго произнес:

– Это не игрушечное разбирательство. Поэтому хочу напомнить вам, Ставская, что только суд может давать оценку тем или иным обвинениям. Пользуясь случаем, напоминаю также об ответственности за ложные показания. Теперь – слово администрации колонии.

Поднялась Жмакова:

– Я была воспитательницей Катковой до того, как отряд у меня приняла Тамара Борисовна. Когда меня спрашивают,

как мне тогда работалось, первое, что у меня возникает перед глазами – это Каткова. Я никем так не занималась, как ей. А ведь их было у меня около ста человек. То ее ловили с теофедрином. То она с кем-то враждовала и нещадно дралась.

– Это вы написали о ней в дневнике наблюдений? – спросил Попов. – И процитировал. – Над самовоспитанием не работает. Рекомендовано вырабатывать у себя честность. Жизнь на свободе для нее в тягость.

– Да, это мои записи, – подтвердила Жмакова.

– А откуда такой вывод: жизнь на свободе для нее в тягость?

– Она сама сказала. Это ее слова.

Попов обратился к Катковой:

– Вы говорили именно так?

– Да, мне хотелось проверить чувство юмора у начальницы, – ответила Лариса.

– Вас действительно ловили с теофедрином? – спросил Попов.

– Это не наркотик, а обычное сосудорасширяющее средство, гражданин судья, – отвечала Каткова. – Но, как и чай, запрещается. Наверно, потому что поднимает тонус, настроение.

– Но теофедрин, насколько я знаю, входит в число запрещенных предметов, так?

– Так. Как и нижнее женское белье, предметы косметики.

– Вам не нравятся условия содержания осужденных, Каткова?

Со стороны могло показаться, что она плохо представляет, что происходит, с кем она ведет диалог и как дорого может стоить ей не только каждое дерзкое слово, но даже ироническая интонация и выражение лица. На кону стояла вся дальнейшая жизнь. То ли она выйдет ли из релаксации свободным человеком, то ли все той же зэчкой. А дальше... Дальше маячила новая раскрутка, совершенно естественная с ее характером. Но Каткова тоже разбиралась во всех мельчайших оттенках человеческого поведения. Она видела, что нравится судье Попову, журналистам, иностранцам. Интуиция подсказывала ей, что именно дерзость и дает им основание видеть в ней личность.

Она ответила:

– Мне кажется, что люди, которые придумывают условия содержания, должны сначала испытать их на себе. Или хотя бы мысленно прикинуть: в какую сторону они могли бы на них подействовать.

– Вы хорошо формулируете свои мысли, – заметил Попов. – Тогда скажите, как бы вы посоветовали воздействовать на осужденных.

– Я бы не давала женщине больше двух лет.

– Почему именно такой срок?

– Потому что через два года зона начинает убивать в женщине женщину. А значит, убивает в ней человека.

– То есть в вас убит человек?

– В какой-то степени, да. Хотя я очень с этим боролась.

– А другие не борются?

– Я за других не ответчица, гражданин судья.

Попов полистал лежавшие перед ним бумаги и спросил:

– Каткова, сейчас вы отрицаете, что были зачинщицей бунта в колонии. Зачем же вы, пять лет назад, признали на суде свою вину в этом? Кто тянул вас за язык? Вы давали это показание вынужденно?

Лариса усмехнулась:

– Нет, гражданин судья. Показание было совершенно добровольным. Просто хотелось, чтобы эта канитель поскорее кончилась. В смысле, суд.

– Вам было так безразлично ваше будущее?

– Видимо, да.

– А сейчас?

– А сейчас я хочу к маме с папой.

Попов обвел присутствующих торжествующим взглядом.

– Значит, иногда нужен срок больше, чем два года?

– Если женщина рассуждает нелогично, то это вовсе не означает, что ее слова вообще лишены логики, – после секундного колебания отвечала Лариса. – Это только означает, что мужчине в этой логике не все понятно.

Это было уже слишком. Каткова переходила все границы. В другое время это стоило бы ей очень дорого. Но Попову было предписано продемонстрировать новое лицо россий-

ского правосудия. Поэтому ему пришлось сделать вид, что он перебирает лежащие перед ним бумаги, и как бы не слышит последних слов Катковой.

Попов кивком головы велел Катковой сесть. И повернулся к начальнику колонии.

– Суд достаточно разобрался в обстоятельствах дела, по которому Каткова получила дополнительный срок. Хотелось бы только еще раз уточнить позицию руководства колонии. Что вы скажете, если мы примем решение о сокращении срока? Не вернется она к вам? Ведь ей, если она еще что-нибудь совершит, место только у вас.

Корешков поднялся с взволнованным видом. Прямой вопрос требовал такого же прямого ответа.

– Хотелось бы верить, что не вернется, – уклончиво произнес Николай Кириллович.

– То есть вы допускаете, что она снова может что-то совершить?

– Она наркоманка, – сказал Корешков. – И этим все сказано. Однажды наркоман – всегда наркоман.

Неожиданно руку подняла Жмакова. Судья кивком головы разрешил ей сказать.

– Так ведь она совсем недавно совершила кражу, – выпалила Жмакова. – Кто духи у американки украл? Она, Каткова! А кто эти духи потом спрятал? Тамара Борисовна.

Каткова и Ставская сидели ни живые, ни мертвые. На них жалко было смотреть.

Мэри выслушала перевод Леднева и решительно поднялась:

– Это неправда, – выпалила она. – Я сама подарила духи Катковой. Это моя вина.

– Это правда? – спросил Леднев, забыв, что надо переводить.

– Что она сказала? – спросил судья Попов.

Леднев перевел. И снова устремил свой вопрошающий взгляд на Мэри.

– Это так, Майк, – шепотом сказала американка.

Глаза Мэри были чисты, как у ребенка. И все же Михаилу показалось, что все не совсем так, как она пытается преподнести суду. Было еще что-то в той ситуации, когда она подарила Ларисе духи. Поди пойми этих женщин вот так, с лету.

Теперь уже лицо Жмаковой покрылось красными пятнами. Получалось, что она напрасно заподозрила американку. И теперь ничем уже не докажешь суду безнадежную испорченность Катковой.

– Переходим к делу Агеевой, – сказал судья Попов.

Лена поднялась.

– Нам показалось удивительным, – сказал судья, – что вы Агеева участвуете в одном конкурсе с вашей потерпевшей Брысиной. Это само по себе говорит о том, что вы можете контролировать свои эмоции. Не буду скрывать, мы считаем, что вы получили непомерный довесок к основному сроку. Тем более, что ваша потерпевшая жива здорова, а вы страда-

ете туберкулезом. Но нам опять-таки нужны доказательства того, что вы полностью встали на путь исправления. А у вас тоже есть взыскания. Интересно, что скажет воспитатель.

– Агееву нужно лечить в условиях свободы, – коротко высказалась Ставская.

Гаманец поднял руку. Судья ему кивнул.

– Агеева сама себе мешает выздороветь, – сказал опер. – На нее есть неопровержимый материал. Есть также свидетели, что она и присутствующая здесь Мосина воруют со швейной фабрики материал. В ближайшие дни Агеева будет этапирована в спецтубдиспансер, где ее делом займется следователь. Более подробную информацию, если потребуется, могу предоставить суду в конфиденциальной обстановке.

Попов недовольно покрутил шеей. Этот майор не внушал ему доверия. Но предъявляемые им обвинения делали дальнейшее разбирательство бессмысленным. И все же он спросил Агееву:

– Это правда?

– А что изменится, если я скажу, что это ложь? – спросила Лена. – Вы будете рассматривать мое дело?

– Мне очень жаль, – пробормотал Попов.

Агеева села на стул. Ее колотила дрожь. Мосина обняла ее, прижала к себе и что-то жарко зашептала на ухо.

– Брысина, – сказал Попов. – Не очень понятно, почему вы-то находитесь на строгом режиме? Активная общественница...

– Статья у меня страшная, гражданин судья. Убийство с особой жестокостью, – пояснила Брысина. – Мне по любому звонок сидеть – червонец.

– Но вы – активная общественница. Значит, на что-то надеетесь?

Валька пожала пышными покатыми плечами. Она привыкла слушаться власти. А властью в колонии были люди в погонах. Они говорили Вальке: будешь во всем слушаться и помогать нам, мы за тебя похлопочем. К нам прислушаются, скинут тебе часть срока. Вот она и слушается.

Опера завербовали ее еще в малолетке. Там она себя очень хорошо проявила. И к Гаманцу перешла как бы по эстафете. Это она докладывала, что Агеева ворует на фабрике материал. Правда, почему-то ни разу вовремя не подала сигнала. Ни разу не поймал Лену опер с поличным. Но это для него мало что значило. Это давало ему повод думать, что где Агеева, там и Мосина. Если Агеева ворует, то Мосина не может быть чистой. Эта мысль была для него важнее, чем смутное подозрение, что Брысина просто клеветает на Агееву, сводит с ней старые счёты.

Жмакова подняла руку:

– Можно я отвечу за Брысину? Она смущается. Как общественница, она не должна даже сомневаться, что администрация ей поможет. Ее помощь нам – самый верный показатель исправления. Это значит, оступившийся человек окончательно и бесповоротно порвал со своим прошлым.

Попов движением руки остановил майора Жмакову:

– Брысина жила в деревне. Убила отчима в состоянии аффекта. Причем тут прошлое? Она уголовников-то, наверное, первый раз здесь увидела.

– Ее сотрудничество с администрацией – показатель ее раскаяния в содеянном, – поправилась Жмакова.

Попов перевел взгляд на Вальку:

– Вы раскаиваетесь, Брысина?

Девка поморщилась и тяжело вздохнула:

– Ну, как вам сказать, гражданин судья. Конечно. Себе жизнь поломала, Толику. Это муж мой гражданский. Тоже сейчас сидит по хулиганке. Подрался маленько из-за меня же. А ему два года припаяли. Очень хочу досрочку заработать, гражданин судья. Никак нельзя?

– Подумать надо. А отчима, вами убитого, не жалко?

– А вот его, извините, нет, – отрезала Валька.

– Ну и как сама считаешь, есть тебя смысл долго здесь держать? – незаметно для самого себя Попов вдруг перешел на «ты». – Просто так спрашиваю. Мы тут хоть и члены Верховного Суда, и даже если бы захотели, не смогли бы прямо сейчас тебя освободить. Просто интересно.

– Держите, если нужна, – упавшим голосом ответила Валька.

Она не могла сказать прямо, что из-за своего стремления к досрочному освобождению и угодила в капкан. Она только начинала приходить к страшному для себя выводу. Чем

активнее она работает на оперчасть, чем убедительней показывает свое исправление, тем меньше заинтересованы опера, чтобы выпустить ее отсюда.

Но об этом втором ее лице никто не даже не догадывался, включая Ставскую.

Тамара Борисовна попросила слова:

– Брысина, конечно, глупая еще, не очень развитая. Но вот кто точно никогда ничего такого не сделает, так это она. Помогите ей, у нее скоро ребенок будет.

Члены коллегии переглянулись.

– Очень интересно! – весело воскликнул Попов. – Каким способом тут у вас происходит зачатие? Воздушно-капельным?

Ставская в двух словах объяснила, что произошло, когда она возила Брысину на похороны матери. Присутствующие оживились. Даже Корешков и генерал изобразили улыбки. Только Жмакова и Гаманец сидели с каменными лицами.

Перешли к Мысиной. Судья Попов попросил Фаину рассказать, чего она, собственно, добивается. В своем заявлении она туманно просила освободить ее преследования оперчасти. При этом фамилии Гаманца она не назвала.

Корешков, а потом и генерал – начальник УФСИНа попытались вмешаться. Мол, жалоба Мосиной требует отдельного, закрытого рассмотрения. Но журналисты и представители юридической общественности, включая эмиссара «Международной амнистии» настаивали, чтобы Мосиной дали

возможность высказаться. И судья Попов уступил.

Фаина коротко рассказала о своей истории. О завербованной матери, о себе, о своей попытке жить честным трудом, о подставной потерпевшей. Повисла долгая пауза. Даже на непроницаемом лице генерала отразилось что-то вроде сочувствия и удивления.

Он сказал:

– Я займусь этим делом лично. Прямо здесь, завтра же.

Этим заявлением генерал как бы пресекал все попытки получить от Мосиной более подробную информацию. Первыми это поняли журналисты. Они стали требовать, чтобы Фая назвала фамилию и должность своего мучителя. После секундного колебания Мосина указала на Гаманца.

Опер подскочил на стуле, будто его облили кипятком:

– Кого вы слушаете? Это рецидивистка-карманница. У нее шесть ходок, в смысле судимостей. Она вам такое наплетет! Никакая она не агентка. Что тут вообще происходит? Во что тут превращают колонию?

Возмущаясь, Гаманец смотрел на генерала, призывал его вмешаться и прекратить это безобразие. Но начальник УФСИНа и без этих призывов сидел багровый от возмущения. Только ему, главному тюремщику, нельзя было выдавать своих чувств. Напротив, он должен был выглядеть сейчас воплощением терпимости и показывать, что тюремная система в России становится под его руководством более открытой и человечной. К тому же он хорошо знал технологию опе-

ративной работы. Мосина может сколько угодно заявлять о своем подневольном сотрудничестве с органами. Убедиться в этом журналисты все равно не смогут. Даже он, глава ведомства, не знает толком, где хранятся подписки осведомителей.

Судья Попов сказал:

– История Мосиной требует, тут генерал прав, специального внутриведомственного расследования. Я предлагаю довериться его слову.

Сидевшие рядом Мосина и Агеева со слезами на глазах смотрели друг на друга. «Теперь им обоим конец, – подумал Леднев. – Гаманцу ничего не стоит подложить им якобы украденный материал. Просто странно, что он до сих пор этого не сделал».

– А сейчас, – продолжал судья Попов, – я должен огласить приговор по делу Катковой. Прошу тишины.

Призыв был излишним. Присутствующие ловили каждое слово на лету. Телевизионщики направили на Ларису свет юпитеров и камеры.

И вот, наконец, последние строки вердикта:

– С учетом вышеизложенного признать дальнейшее наказание Катковой Ларисы превышающим степень ее вины и сократить ей срок до отбытого, освободив из зала суда немедленно после оглашения настоящего приговора. Вы свободны, Каткова! – не без пафоса объявил судья Попов.

Лариса закрыла лицо руками, как это обычно делают по-

бедительницы конкурса красоты. Ставская стояла со счастливым лицом. К Катковой устремились журналисты. Девушка бойко отвечала на их вопросы. Леднев не сводил с нее глаз. Черт возьми, до чего ж находчива и умна.

Корешков протиснулся к Михаилу и сказал:

– Примерно через час у нас тут состоится небольшой банкет. А пока предлагаю закончить наш прошлый незаконченный разговор. Не возражаете?

Глава 22

Подполковник привел Леднева в соседнюю с релаксацией комнатку. На журнальном столике – бутылка коньяка и тарелка с ломтиками лимона. Хитрое окно, через которое можно наблюдать за всем, что происходит в релаксации, задернуто занавеской. Между шторками узкая щель.

Сели, выпили за все хорошее, испытующе поглядывая друг на друга.

– Довольны? – спросил подполковник.

Леднев пожал плечами.

– Она вернется, – сказал подполковник. – Хотите пари?

Конечно, он имел в виду Каткову.

– Вернется – буду рад за вас, – не без сарказма произнес Леднев.

Корешков отправил в рот ломтик лимона, поморщился:

– Михаил Владимирович, откуда такое недоверие? Неужели вы не знаете, что такое колония? Это рассадник мифов и слухов. Здесь нельзя верить ничему и никому. Вот почему мы не любим, когда к нам приезжают журналисты, правозащитники. Все-то им виднее. Ничего вам не виднее. Из-за вас кому-то может стать только еще хуже.

Мосина вовсе не овечка, как вам показалось, – продолжал Корешков. – Есть женщины, которые сами хотят, чтобы ими пользовались. Но – небескорыстно. Мосиной нужно бы-

ло безнаказанно лазать по карманам. Она думала, воровство будет сходить ей с рук всю жизнь. Но так не бывает. Она и здесь, на зоне, хотела жить припеваючи. Вот истинные ее мотивы. Но нельзя, просто невозможно работать на оперчасть и не попасть под подозрение. А это чревато. Вот почему Мосина решила соскочить. Но вовсе не собиралась при этом завязать. Только изображала, что решила начать новую жизнь. Купила швейную машину, начала шить и все такое прочее. На самом деле она, как все карманницы, клептоманка. Она давно уже прошла, как мы говорим, точку невозврата. Большой человек. Ручаюсь, ей карманы по ночам снятся. Но поймать ее с каждым годом все труднее.

Леднев улыбнулся:

– И поэтому не стыдно подбросить ей в сумку чужой бу-
мажник.

Подполковник не стал возражать:

– Не исключая, может быть, так и было. Но нет друго-
го способа посадить вора в законе – только подложить ему
пакетик с героином. Так и с карманниками. Нехорошо? Со-
гласен! А допускать, чтобы человек безнаказанно обчищал
карманы – хорошо? Почему у нас так расцветает корруп-
ция? Потому что чистоплюйством страдаем. Провокацион-
ные взятки надо предлагать. И – сажать. Чтобы страшно бы-
ло брать: вдруг это провокация? Под ворьем земля должна
гореть, а мы...

– Николай Кириллович, – спросил неожиданно Леднев. –

Скажите, если не секрет, с каким настроением вы обычно идете на работу? Нет, спрошу иначе: отчего у вас обычно поднимается настроение?

Корешков понимающе поджал губы:

– Хотите сказать, что эта работа для меня одно удовольствие?

– А как можно работать безо всяких радостей? – спросил Леднев. – Это ж для здоровья вредно. Я наблюдал за вами сегодня. Вижу, плохо человеку. Сплошные отрицательные эмоции. Вот я подумал, а в чем Николай Кириллович позитив находит?

Подполковник свел брови. Силился понять, что стоит за этим вопросом. Не будет же этот психолог спрашивать о чем-то просто так. В его вопросе, кроме того, что лежит на поверхности, еще что-то кроется.

– Вам интересна психология тюремщиков? – неуверенно спросил он.

Леднев развел руками. Мол, а как иначе поймешь психологию осужденных? Только во взаимосвязи. Иначе не получится. Но в данном случае его интересовала совсем не психология. Ему хотелось понять, какое место в жизни начальника колонии занимала красавица Каткова. Мысленно он ставил себя на его место, и ему очень сильно казалось, что он стремился бы утром на работу почти исключительно только ради того, чтобы увидеть ее. Ну, может быть, еще Ставскую. Да, конечно, еще и Ставскую. Больше в колонии, что на со-

трудницах, что на зэчках – глаз не на ком было остановить.

– Мой интерес к Катковой в том виде, в каком его вам преподнесли, это миф. Миф и слушок, – сказал Корешков.

«Ну, да, так ты и признаешься, ты всю жизнь в несознании, – подумал Леднев. – Каткова – мустанг, которого хочется обуздать, стерва, к которой не может не тянуть нашего брата. А Ставская – единственная нормальная и настоящая женщина из всех твоих сотрудниц. Вот ты ирываешься между ними. Хотя, конечно, боишься совершать непотребные дела. То ли оттого, что чувствуешь, что ты тут царь и бог, то ли от страха, что тебя в любой момент подсилят Жмакова с Гаманцом.

В это время Корешков сидел за столом, улыбаясь какой-то своей мысли.

– У меня есть кот, – сказал он. – Он целыми днями сидит у окна и охотится за птичками, которые садятся на подоконник. Бросается на них, хотя знает, что все равно не схватит – мешает стекло. Однажды он залез на форточку и в охотничьем азарте пригнул за птичкой. И полетел вниз с пятого этажа. Сломал себе ногу, разбил челюсть. Долго болел. Но удивительная вещь. Сейчас снова целыми днями сидит у окна и пытается запрыгнуть на открытую форточку. Нет у кота памяти на свое падение с пятого этажа. Так и у преступников работает тот же самый психологический механизм. Вот почему я не верю Мосиной. Вот почему я уверен, что Каткова снова кого-нибудь ограбит.

– И поэтому ее лучше придержать здесь? – спросил Леднев.

– Да, к нам должны прислушиваться. Нельзя выпускать раньше времени человека, не вставшего на путь исправления.

– Хорошо, – сказал Михаил, – Какого человека вы считаете исправившимся? Того, кто выполняет все режимные требования? Того, кто вам помогает? Того, кто вас о чем-то информирует? А какие-нибудь другие критерии у вас есть? Или только эти?

Подполковник посмотрел ясными глазами:

– А вам этого мало?

«Мы никогда не пойдем друг друга», – подумал Леднев. Никогда наша исправительная система не станет другой. Потому что целиком и полностью отдана тюремщикам. Сами они ее не изменяют. И изменить никому не позволят. Даже законодателям. Так что в этом плане полная безнадега.

Исправление – тоже миф. В лучшем случае система работает только на устрашение. Хотя подполковник прав. Многих даже страх не останавливает. Ибо, вероятно, сказывается неразвитость в преступнике мужского начала. В любом преступнике, даже в самом на вид мужественном. Нет силы отказать себе в удовольствии, остановиться в соблазне. Рабы своих страстей. А истеричность, лживость, легкость, с которой преступника можно склонить к доносу, неспособность достичь той самооценки, с которой можно жить

честно – разве это мужские черты?

Корешков поднялся из-за стола, прошелся по комнатке, как бы просто так. Приостановился перед щелью в занавеске и снова зашагал взад-вперед.

«Что там происходит? За кем он наблюдает?» – подумал Михаил. Когда они выходили из релаксации, там все еще было полно народа. Но сейчас почему-то тихо. Значит прослушивающее устройство отключено. Оно сейчас подполковнику не требуется. Ему достаточно того, что он видит. Что же он видит?

Корешков сел за столик, налил в рюмки. Они снова выпили.

– Знаете, что для меня самое удивительное в истории Мосиной? – сказал Леднев. – Ее мать. Когда я ставлю рядом Се-рафиму и Гаманца, и спрашиваю себя, кто хуже, у меня нет однозначного ответа. Фаина должна была стать совсем другим человеком. А Каткова... О ней я знаю меньше.

– Лихо она вас использовала, – Корешков не скрывал зло-радства.

– Ну и что? – отозвался Леднев. – Она и вас использует. Но это не значит, что ее нужно и дальше держать здесь. Ну, ограбит она кого-нибудь еще раз. А, может, не ограбит. Вы считаете, что ее нужно держать, чтобы не грабила. А я стою на том, что ее нужно освободить: вдруг не ограбит? Вы пред-почитаете не рисковать. А я считаю, что можно чьей-то соб-ственностью и рискнуть. В одном случае могут пропасть чьи-

то ценности. В другом случае – человек. Ну и что важнее?

Подполковник снова встал и заходил по комнате. Кажется, он успевал на ходу посматривать в щель. Что-то привлекло его внимание. Он остановился и стал напряженно наблюдать. У него даже дыхание участилось. Леднев не предполагал, какая картина открывается перед глазами подполковника. Но его стойка, его азартно раздувающиеся ноздри указывали на то, что в релаксации идет охота.

Так оно и было. Когда вольняшки большой гурьбой вышли из релаксации, надзорка вывела следом Брысину. Остальным зэчкам Гаманец велел остаться. Сказал, что за ними придут. Дверь закрылась, послышался металлический звук проворачиваемого ключа.

Каткова села в кресло, закрыла глаза. Вот сейчас она птица. Сейчас она готова полететь. Только какого черта ее здесь закрыли, она свободный человек.

– Поздравляем, – сказала Агеева.

– У вас тоже еще не все потеряно, – отозвалась Лариса, не открывая глаз.

Мосина подошла к ней, избоченилась, посмотрела сверху вниз:

– Вот нам-то как раз кранты. Везет только сучкам.

Каткова улыбнулась:

– Можешь поливать меня как угодно. Только поимей в виду: нас, может быть, для того и оставили, чтобы мы тут порвали друг друга.

Файна прошла по релаксации. Ей самой не показалось странным, что их оставили здесь. Во время подготовки к конкурсу они уже показали, что могут ладить. Но эта Каткова права: не стоит устраивать драму. Нужно смириться и подумать о себе.

Возле окна, где стояла кадка с цветком, виднелся ремешок. Мосина подошла поближе. Это была женская сумочка. Ее могла оставить только вольняшка. Ни Жмакова, ни надзорки с сумочками по зоне не ходили.

Фая по привычке огляделась. Каткова лежала в кресле с закрытыми глазами. Лена Агеева сидела, нахохлившись, прижав скрещенные пальцы к лицу.

Мосина вынула из кармана платья носовой платок, склонилась к сумочке, обмотала пальцы платком и открыла замок сумочки. Там лежали документы, косметика и деньги.

– Много? – спросила Каткова, – она наблюдала за Мосиной из-за опущенных век. – Не трогай, это прихват. На слабо взять хотят, неужели не понятно? А мне – всю малину изгадить.

– Ленке на этап идти, – прошептала Мосина. – Лепилам заплатит, они ее лучше лечить будут.

Каткова рассмеялась:

– Это тебя дальше лечить будут, от kleптомании. Господи, горбатого только могила исправит. Не вздумай трогать деньги. Их могли пометить. Нет, Файка, ты точно больная. Учти, я тебя сейчас от раскрутки спасаю. Зачти мне это. Да-

вай попросаема по-хорошему. Все-таки были у нас с тобой и хорошие дни. И ночи тоже были хорошими, пока мое место в твоём сердце не заняла другая. Ты же меня бросила, Фая, а не я тебя.

Агеева сказала:

– Фаечка, она права. Не надо ничего трогать.

– Как знаешь, – Мосина в сердцах закрыла сумочку и положила платок в карман.

– Это нечестно, – шутливым тоном сказал Леднев. – Я тоже хочу посмотреть.

– Это для служебного пользования, – пробормотал Корешков.

– Все равно вас не оставят начальником колонии, – сказал Леднев.

– Возможно, возможно, – снова пробормотал подполковник.

Наконец, он нашел в себе силы оторваться от окна, и вернулся к столику. Снова налил в рюмки. Снова выпили. Утром Леднев ел обычно мало. Было время обеда, но время банкета в административном здании за зоной, видимо, еще не подошло. Короче, Михаил чувствовал, что хмелеет.

– Я признаю, что вы сильный психолог, если вы скажете, что я там вижу, – неожиданно проговорил Корешков.

Кажется, коньяк тоже ударил ему в голову.

Это был вызов. Леднев напряг мозги. В самом деле, кто может находиться сейчас в релаксации? Сотрудники? Нет,

сотрудники Корешкову не интересны. И за ними он не наблюдал бы с таким азартом. Там – зэчки. Причем те, к кому подполковник особенно неравнодушен. Ну, конечно же, там Каткова. Это – как минимум. А максимум? А максимум – с Мосиной или Агеевой. Или с обеими. Только что Ларисе там делать? Она должна бегать сейчас с обходным листом. Не факт. Могут, как обычно делается, когда приходит помилование, продержат до утра. Нет в нашей исправительной системе такой нормы – если человеку пришло освобождение, тут же его выпустить. Он должен еще какое-то время побыть несвободным.

Леднев высказал свое предположение. Подполковник даже головой покачал, так удивился.

– Тогда второй вопрос: что они там делают? – спросил он.

– Ну, это уже слишком! – воскликнул Леднев. – Тогда еще наливайте!

– Хватит, – отрезал Корешков. Он взглянул на часы. – Через двадцать минут банкет. А то меня действительно уволят.

– Вас уволят за интермедию. Ставской не отделаетесь, – сказал Леднев. – А вместо вас, скорее всего, поставят Жмакову. Не жалко вам Ставскую?

– Жалко, – признался подполковник.

– А представьте, что Каткову не освободили и она остается в колонии, где начальником Жмакова. Не жалко вам Каткову?

Корешков не отвечал, смотрел в окно. Что же эти дамы

там делают? Занимаются любовью? Не такие они дуры. Лютуют прощальные слезы, отпускают друг другу грехи? На это не интересно смотреть. А подполковник смотрел с интересом. Нет, там происходит что-то другое. Если Корешков ведет себя, как охотник, следовательно, он хочет на чем-то поймать.

Ничего другого в голову не приходило.

– Ну и что? – спросил Леднев. – Ловится рыбка большая и маленькая?

По круглому гладкому лицу Корешкова пробежало сразу несколько выражений: от удивления до возмущения.

– А ты проныра, – сказал он, переходя на «ты». – Как ты узнал? Кто тебе подсказал? Или шнырял тут без сопровождения? Я ж говорю, проныра.

Леднев понял, что теперь он может встать и посмотреть в окно. Подполковник сделал движение, чтобы помешать ему, но махнул рукой.

– Смотри, – разрешил он. – Можешь даже звук включить. Там, справа, под занавеской.

Михаил нажал на обычный выключатель и отдернул занавеску. Корешков подошел и встал рядом.

Каткова медленно поднялась, подошла к Мосиной.

– Давай, Фаечка, попрощаемся по-человечески.

Две красивые женщины, готовые были раскрыть друг другу объятия. Им мешал нахохлившийся, зло посверкивающий глазом подросток.

Агеева отвернулась. Лариса и Фая обнялись.

– Прости меня за все, – сказала со слезами на глазах Каткова.

– Ты тоже меня прости, дуры мы бываем невозможные, – рыдая, отвечала Мосина.

Больше они не сказали ни слова. Стояли, прижавшись друг к другу, и молча плакали.

– Каткова могла бы проявить себя в криминологии, – сказал Леднев. – Как точно определила максимально оптимальный срок содержания женщины в неволе – не более двух лет. Это, кстати, тот срок, в течение которого женщина может обходиться без мужчины.

– Ну, правильно, – поддержал Корешков. – Она и должна быть умной. Она же у нас мужик.

Леднев покачал головой:

– Они – взаимщицы, Коля. В этом их особенность. Они сохранили свою женскую природу. У Мосиной очень развит материнский инстинкт. А Каткова – просто женский Донжуан. А вот какой она будет на воле – это вопрос. Если это проследить, можно получить очень любопытный результат.

– Хочешь этим заняться? – ревниво спросил Корешков.

– Еще не решил. Но, скорее всего, нет. Думаю, результат мне станет ясен уже сегодня.

– Когда она придет к тебе в номер?

– Именно так! Приятно иметь дело с умным ментом. А вот то, что там, за стеклом, Коля... Ну, зачем тебе это?

– Это Гаманец, – сказал подполковник.

– Почему тогда здесь ты, а не он?

Корешков вздохнул:

– Он сейчас выводит из карантина этапниц.

Глава 23

Гаманец действительно впускал в зону этапниц. А точнее, пришедшую с этапом Консуэлу. Королева карманников отбыла половину срока в Новозыбковской женской тюрьме, одно название которой наводило ужас на самых тертых зэчек. Оставшуюся половину ей предстояло отбыть в строгорежимной колонии.

Пока зэчек обыскивали, опер нетерпеливо ходил возле висевшего на стене внутреннего телефона. Ждал звонка Корешкова. Если Мосина клюнет на приманку, нет нужды сводить ее с Консуэлой. Но подполковник молчал. Значит, эта тварь что-то почуяла. Что ж, он возьмет ее не мытьем, так катаньем.

Надзиратели и надзорки повели этапниц к локалкам. А Консуэле Гаманец велел задержаться. Дал пачку сигарет, упаковку теофедрина.

- Здесь твоя подруганка Мосина. В курсе?
- В курсе, – мрачно ответила Консуэла.
- Она решила соскочить, – сообщил майор.
- Правильно делает.

Гаманец глянул исподлобья:

– Дура! Она ж на тебя тень бросит! Скажут, какая она, такая и ты.

Консуэла озадаченно молчала. Мент прав, но что делать?

Пусть скажет, что делать. Он ее так уже запутал, что она сама не в состоянии сообразить.

– Сделай вид, что только в Новозыбково узнала, что она постукивает. Устрой ей драму. Но не при всех пантерах, а в узком кругу. Может, одумается.

У самых дверей релаксации Консуэла тихо спросила Гаманца:

– Слушай, давно хочу спросить: Файка меня лично когда-нибудь сдавала?

Вопрос был простой и очень личный. Но майор не знал, что ответить.

– Потом скажу, – ответил он.

Впустив Консуэлу в релаксацию, он пошел на наблюдательный пункт. Увидев там Леднева, не мог скрыть удивления.

– Выпей, – сказал ему подполковник, наливая в рюмку.

Опер не заставил себя уговаривать. Ему давно уже надо было снять напряжение.

Теперь они стояли у секретного окна втроем.

Консуэла была неплохая актриса. Увидев давнюю свою подружку Мосину, воспламенилась очень натурально:

– Ты как тут, кума, оказалась?

– Ой! – взмолилась Каткова. – Только не надо древнегреческой трагедии. Об этом только ленивый не знает.

– А ты кто такая? – вызверилась на нее Консуэла.

Каткова повысила голос:

– Для тупых повторяю. Нас всех тут хотят на слабо взять. Потом, на досуге, разберетесь. Давайте лучше что-нибудь споем. Эх, жаль, Брысиной нет, она бы мне подпела.

Корешков и Гаманец переглянулись. Их затея проваливалась на глазах. Зэчки оказались умнее, чем они думали. Опер проклинал сейчас подполковника. Если бы не было Катковой, провокация могла бы увенчаться успехом. В кармане у Мосиной маленькая заточка. Брысина видела ее своими глазами. Скорее всего, заточка предназначалась Катковой. Или для членовредительства. Кто знает, может, Мосина решила устроить эффектную сцену. Могла, например, прямо во время конкурса вскрыть себе вены. Или перерезать горло. Психопатка, она все может. Она могла и на него, майора Гаманца, наброситься при свете юпитеров и под объективами камер. Но, видно, на этот раз духу не хватило. Или что-то другое в уме держала, но не сложилось. И вот, как черт из табакерки, нарисовалась Консуэла. Ну, так отвечай на ее оскорбление, делай ответку. Где твоя заточка?

Консуэла после слов Катковой, оглядела комнату. Ничего подобного она еще не видела. Ни в одной колонии. Да, тут что-то не то. Надо сбавить обороты. Иначе обратно в Новозыбков отвезут.

– Вот и ладушки, – удовлетворенно произнесла Каткова. Она поднялась из кресла, подошла к двери и постучала:
– Эй, выпустите меня! Дайте мне обходной лист. Я свободный человек. Вы не имеете права меня держать. Вы обя-

заны выпустить меня до двенадцати ночи. Иначе я буду жаловаться.

Корешков сказал в трубку внутреннего телефона:

– Разведите их по локалкам.

– Высший пилотаж, – сказал Леднев.

Он имел в виду поведение Катковой. Подполковник именно так и понял.

– Да, – коротко согласился он.

Глава 24

Каткова добилась своего. Ей подписали обходной и ровно в полночь перед ней должны были открыться двери колонии. Леднев и Мэри поджидали ее.

Без четверти двенадцать она уже сидела на вахте, одетая во все вольное. Что-то принесла Стаская, что-то привезла Мэри. Сидела и переругивалась с надзорками. Те потихоньку ее заводили. Говорили, какая подлая у нее душонка и как жалко им Мосину, которая заслуживает освобождения ничуть не меньше.

На вахту зашел Гаманец. Прислушался к разговору и неожиданно вступился за Каткову. Сказал надзоркам, что они не правы, кое-чего не знают. Намек прозрачный: мол, Каткова не просто так получила свободу. Учтены ее заслуги перед оперчастью. Только судья, понятное дело, не мог сказать об этом вслух.

Гаманец был по натуре игрок. Большой любитель играть преступниками, которые проходили через его руки. Он был твердо уверен, что превратить в осведомителя можно любую зэчку. Это убеждение подкреплялось у него почти стопроцентным охватом. Но на Катковой он споткнулся. Поэтому хотел хоть сейчас, в последний момент, отыгаться.

Лариса сидела с окаменевшим лицом. Она знала от Ставской, что собой представляет Гаманец, кое-что слышала о

нем от баб. Знала, что майор не просто добывает информацию, чтобы владеть ситуацией на зоне. Он еще и бизнес-мент: каждый день проносит теофедрин, чай. Делает вид, что оплачивает таким образом работу своих агенток. А на самом деле большую часть теофедрина и чая передает барыгам. Им же отдает на продажу чай и тефедрин, изъятые во время обысков.

Но Каткова – это Каткова. Она сказала Гаманцу:

– Я вас понимаю, гражданин майор. Организация измены – занятие творческое. И предавать, наверно, тоже интересно. Но я вас не сдам, как бы вы сейчас меня на это дело не раскручивали.

Опер смотрел на нее очень неласково. Бурлил своей решалкой, что бы еще такое придумать. Но время уходило безнадежно. Леднев и Мэри уже маячили перед окнами вахты.

Американка сфотографировала, как Каткова выходит из зоны. Втроем они сели в заказанное такси приехали в гостиницу, где для Ларисы был заказан номер. Потом телевизионщики и журналисты повели девушку в ресторан.

Леднев и Мэри сидели за отдельным столиком. Их разговор был не для чужих ушей.

Во время конкурса Михаилу удалось подойти к Мане и перекинуться с ней парой слов. Конечно, она не знала, где похоронена Стогова, мать Мэри. Болтали, что рядом с колонией есть специальное кладбище для умерших заключенных. Но там одни номера.

– Могилу можно найти только в том случае, если назвать фамилию и объяснить, кому конкретно это нужно, – сказал Леднев.

– Как кому? – удивилась американка. – Мне нужно.

– Ты готова сказать, что у тебя здесь похоронена мать?

– Конечно. Иначе я не смогу взять хотя бы горсть земли.

– Хорошо, мы сделаем это завтра же.

Мэри благодарна смотрела на Михаила. Это было так на нее не похоже. Она сказала:

– Я пришлю тебе приглашение, как только альбом будет готов.

– Тебе не понадобится мой текст? – спросил Леднев.

Американка покачала головой. Она не собиралась изменять своим принципам. Что ж, наверное, она права. Настоящая свобода – только в одиночестве. Но ей почему-то не все равно, как они смотрят сейчас друг на друга. Он, психолог, и эта совсем недавняя зэчка.

Михаил впервые в жизни наблюдал за человеком, только что выбравшимся на свободу. Видел горькие, жесткие складки на лице Ларисы – они должны разгладиться. Если, конечно, она будет жить нормальной жизнью. Видел настороженные, холодноватые глаза – их выражение должно смягчиться. Но опять-таки, при том же непременном условии. Если все в ее жизни будет хорошо. Если ей встретится мужчина, который будет все это чувствовать и понимать. Только сохранилась ли у нее мечта о такой встрече – вот вопрос. Он

поймет это сегодня. Или сегодня, или никогда. Потому, что завтра он уедет. И завтра же прилетит отец Ларисы, чтобы увезти дочь домой.

Мэри прикурила одну сигарету от другой:

– Я знаю этот тип женщины. Она носит дорогие вещи небрежно, как бы подчеркивая, что их цена не имеет для нее никакого значения. Она может придти на день рождения без подарка. Зачем, если она сама – подарок. Она считает, что все в мире должно принадлежать только ей. Она любила своего сына, но не так сильно и нежно, как пыталась изобразить это перед своим мужем. По-моему, половой акт никогда не имел для нее природной цели. Если бы я не подарила ей духи, она обязательно украла их у меня и не сидела бы сейчас здесь. А если бы сейчас не было тебя, она крутила бы с этими мужиками направо налево. Она испытывает к тебе большое чувство благодарности. Но как только она расплатится с тобой, то сразу потеряет к тебе всякий интерес. Я проанализировала твои рассказы об этих зэчках. Ты обратил внимание? Мосина дважды вскрывала вены ради Катковой. А сама Каткова? Ради кто-то – ни разу. Только ради себя.

– Bravo! – воскликнул Леднев. – Если все это отразится в твоих снимках, я тебе проиграл.

Мэри рассеянно помешала ложкой в чашке с кофе и сказала:

– Ты понял не совсем то, что я хотела сказать. Главной в моем альбоме будет не Каткова. Я это раньше почувствовала.

А сегодня в этом только убедилась. Главной будет Брысина. По-моему, я тебе уже говорила: женщину можно как-то понять, если она совершила убийство в состоянии самообороны или аффекта. Любое другое преступление ей непростительно.

Глава 25

Весть о том, что этапниц выпустили из карантина, разнеслась по колонии. Зэчки прильнули к решеткам локалок. Высматривали, нет ли бывших подруг и просто знакомых.

Многие узнавали Консуэлу, приветствовали ее, спрашивали о самочувствии. Королеве карманников ничего не стоило объявить Мосину стукачкой. Через минуту эта весть разнеслась бы по всей колонии. Но она только прошипела на ухо Фаине:

– Мне даже идти рядом с тобой запаadlo.

Фая шла, не поднимая головы. Почему она не сказала о своем позоре на конкурсе? Что ее остановило? А теперь поздно. Консуэла устроит ей разоблачение, как только они придут в отряд. А дальше... Дальше ее ждут, скорее всего, подушки. Стукачек обычно душат. Никакого крика и никакой крови.

– Не вздумай заступаться за меня, – сказала Фая Агеевой.

У входа в общежитие их встретила Ставская. Отрядница ничего не знала о дьявольской игре Гаманца. Но без труда догадалась, что решение определить Консуэлу в один отряд с Мосиной – это мина. И для бывших подруг и для нее. Она знала от Катковой, что с некоторых пор эти женщины ненавидят друг друга. Значит, сейчас последует немедленное выяснение отношений.

Ставская велела Мосиной и Консуэле зайти к ней в кабинет. У дверей встали надзиратели.

– Приказ о моем увольнении уже вышел, – сказала она. – Но я пока на рабочем месте, при исполнении. Обходной еще не подписан. Время испортить мне жизнь у вас еще есть.

– Полный неврубон, начальница. Можно проще? – спросила Консуэла.

Тамара Борисовна налила в чашки чаю и предложила зэчкам сесть. Фая и Консуэла посмотрели друг другу в глаза и отказались.

– Сядьте! – неожиданно приказала Ставская. – Сядьте и послушайте, что я вам скажу.

Зэчки нехотя подчинились.

– Вы, девочки, живете за счет потерпевших. Но как только вас поймали, с этой минуты за ваш счет начинают жить опера, адвокаты, судьи, прокуроры, работники колоний. Вы не считаете за людей ваших потерпевших. А потом за людей не считают вас. Это нормально. Так, наверное, и должно быть. Я имею в виду – такой взгляд друг на друга. Ненормально, когда вас используют, стравливают, а вы этому поддаетесь. Я понимаю: когда ты упал ниже плинтуса, тебе уже трудно быть выше кого-то. Трудно, но надо. Если у тебя появилась возможность кому-то что-то простить, сделай это, и тебе зачтется. Не так важно, что при этом подумают другие. Главное – то, что сам о себе подумаешь. Можно потерять все, только не уважением к самому себе. Скажете, до чего ж на-

ивная эта воспитка. Ну, уж какая есть. Меня уже не исправить. А теперь выпьем чаю. И пропади они пропадом, все наши невзгоды.

Помедлив, Консуэла потянулась за чашкой. Вроде, ничего такого не сказала отрядница, а злость куда-то пропала. Жаль, что уходит. С такой ментовкой можно рядом срок тянуть.

А Фае, напротив, совсем тошно стало. Ну, ладно, ее не убьют. По крайней мере, сегодня. Хотя, как сказать... А вот как ей самой жить со своим позором? Ленку-то скоро на этап заберут. Одна останется. Кто осмелится создать с ней «семью»? Никто.

– Давайте я определю вас на соседние шконки, – сказала Ставская. – Постарайтесь снова подружиться. Начните с чистого листа.

– Не надо, – сказала Мосина.

– Этого еще не хватало, – сказала Консуэла.

Ставская жестко посмотрела на обеих зэчек (те поднялись под ее взглядом) и процедила:

– Я вас определяю в одно купе.

В дверь постучали. Вошла надзорка.

– Тамара Борисовна, там Агеева на этап уходит. Хочет с Мосиной проститься.

Ставская кивнула Фае, разрешила выйти. Потом сказала Консуэле:

– Не губи ее. Не бери греха на душу. Дура она была молодая. А потом не могла освободиться от этого клеща. Испор-

тилась. Христом богом тебя прошу.

– Я подумаю, начальница, – пообещала Консуэла.

– Спасибо тебе, – сказала Ставская.

Она стала складывать в большой пакет туфли, в которых обычно ходила по общежитию, душегрейку, в которую куталась, когда бывало холодно, кофеварку и еще какие-то мелкие вещи.

Попрощаться с Леной Агеевой вышел весь отряд. Самая молодая, самая маленькая, самая безобидная. Ее любила не одна Мосина. Но сейчас только Фая ее не обняла, не поцеловала. Стояла, как в столбняке, с мертвым лицом.

– Никогда уже не увидимся, – сказала ей Лена.

– Ладно, иди, – сказала Фая.

Надзорка вывела Агееву из локалки. Со скрежетом закрыла замок. Повела по аллее к вахте. Лене что-то говорили вслед зэчки из других локалок. Девушка шла, не глядя по сторонам, утирая ладошками слезы.

Простившись с подругой, Фая вернулась в свое купе, разобрала постель, легла, не раздеваясь, укрылась одеялом с головой. Консуэла пришла следом, постояла над ней и легла на свою койку.

Сказала негромко:

– Я никому ничего не скажу.

Из-под одеяла послышались какие-то странные звуки, похожие на всхлипы.

– Да не реви ты! – сказала Консуэла. – Все будет хорошо.

Звуки становились все громче. Консуэла что-то заподозрила. Она вскочила, шагнула к койке Мосиной, откинула одеяло. Фая лежала, делая судорожные глотательные движения. У нее было порезано горло, вся грудь в крови. В руке – кусок стекла.

– Ё-мое! – заорала Консуэла. – Ё-мое! Ты что наделала!

К их купе сбежался весь отряд. Ставская побежала вызывать фельдшера. Но это был тот случай, когда медицина бессильна. Фая сделала все наверняка. Кровь хлестала у нее из артерии. Консуэла пыталась пережать пальцами, у нее ничего не получалось. Пока прибежала фельдшер, прошло не меньше десяти минут...

Фая умирала от потери крови. По ее белому, как полотно, лицу блуждала хорошая улыбка. При жизни она никогда так не улыбалась.

– Что ты наделала! – Консуэла кусала губы и мотала из стороны в сторону головой.

Ставская плакала вместе со своими пантерами. Брысина ее обнимала. Голосила:

– Что же с нами делают, начальница! Разве так можно. Мы ж тоже люди. Или нет?

Глава 26

Улучив момент, Каткова пересела к Ледневу и Мэри. Михаил пригляделся к ее зрачкам. Вроде, нормальные. Но Лариса не оставила без внимания его пристальный взгляд.

– Верить надо людям, – сказала она, сделав ударение на втором слоге. – Я снова подсяду на иглу только в одном случае. Если мне будет очень плохо.

Кажется, она хотела сказать «если меня никто не будет любить».

Михаил забыл, что Мэри ждет перевода. Американка открыла сумочку, достала помаду, подкрасила губы. Сделала вид, что не намерена чувствовать себя лишней, и сейчас уходит.

Леднев понял свою оплошность.

– Лариса считает, что обязана тебе свободой.

Американка рассмеялась:

– Не надо врать, Майк. Она даже не подумала это сказать. Знаешь, что у нее сейчас на уме? Как бы испытать, чувствует ли она еще мужчину. Других мыслей у нее нет. Она продолжает сознать себя женщиной. В этом ее трагедия.

Михаил рассмеялся:

– Ну, уж, трагедия. К чему такие слова? Драма.

– Майк, ты чего-то не понимаешь. Она ничего не чувствует. Для женщины это трагедия. Пригласи ее потанцевать

В ресторане играла музыка. Мелодия была медленной, но музыка играла громко. По-другому в наших ресторанах почему-то не бывает.

Леднев и Лариса вошли в круг. Девушка поставила ногу между ног Михаила. Это движение было вбито у нее в рефлекс. Правую руку она положила не на плечо, а обхватила ею шею Леднева.

– Что ты чувствуешь? – спросил Михаил.

– Понимаешь, – она перешла на «ты», – я еще там. А все, что здесь, это как сон. Не могу поверить.

Мэри пересела к журналистам. Они что-то обсуждали, кажется, готовились уйти, подзвали официантку. Леднев украдкой взглянул на часы. Ресторан должен скоро закрыться

– Сколько осталось? – спросила Лариса.

– Две минуты.

– Я сегодня не смогу уснуть, – сказала девушка. – Может, посидим, поболтаем?

Тело у Катковой было жаркое, щеки горели, глаза стали пьяными, хотя она только пригубила джин-тоник. Конечно, ей хочется праздника, прямо сейчас. И, конечно, в ней есть магнит. Красота – страшная сила. А красота порока – еще страшней. Вот этого он, Леднев, как раз и не должен сейчас забывать. Ее развлечение – это его преступление. Она его тягивает, а значит, роняет, равняет с собой.

– Хочешь отблагодарить меня? – спросил Михаил, четко

сознавая, что говорит гадость.

Лариса отстранилась от него.

– Тебе кажется, я другая? Так и другие считали. А я такая же и даже выше. По крайней мере, выше ментов. Ты что-то не то подумал. Я не хочу быть одна, потому что всего боюсь. В этом городе менты могут устроить все, что угодно. Я почувствую себя в безопасности только завтра, когда за мной прилетит отец.

– Он действительно летчик? – спросил Леднев.

Каткова на секунду задумалась.

– Сейчас он работает техником. Обслуживает самолеты.

Все ясно. Отец никогда и не был летчиком. Может, он и не техник вовсе. И авторитет «Штык» бил когда-то жену Ларису, скорее всего, не по причине своей злобности. Повод для того давала. Но это сейчас уже не так важно.

Важно, что женщине, которая переступила закон и отбыла срок, верить нельзя. А значит, Корешков, возможно, не так уж не прав. Ну и что из этого следует? Каткова освобождена зря?

– Все не так, как ты думаешь, – неожиданно сказала Каткова. – Я лучше.

– Конечно, с усмешкой согласился Михаил. – И любовную записку Мэри не ты написала.

Лариса несколько секунд смотрела на него вытаращенными глазами. Потом заливисто рассмеялась, будто он сказал ей что-то очень забавное.

– Ревнуешь, что ли? А еще психолог называешься. Ха-ха-ха!

Глава 27

Утром взяли такси и поехали на старое лагерное кладбище. Дорогу показывала Ставская. Она не знала, зачем там понадобилось побывать Ледневу и Мэри. И не стала сообщать им, что произошло накануне вечером в колонии. Мрачно смотрела из окна машины на улицы города. Нет, здесь она не останется, уедет к матери в Омск. И вернется в школу. Хотя, наверное, в школе ей тоже придется нелегко. Она и там будет белой вороной.

Сотрудники прильнули к окнам административного здания. Корешков тоже глядел в щелку между портьер, гадал, что все это значит.

А Гаманец входил сейчас в штрафной изолятор. Ему доложили, что Маня остервенело барабанит в дверь. У нее якобы для кума срочное сообщение.

Майор подошел к камере, надзорка открыла кормушку.

– Ты чего-то хотела шепнуть, Маня? – негромко спросил Гаманец.

Из-за двери послышался густой голос старой арестантки:

– Подойди поближе, начальник.

Ага, шаз, так он и подошел. Мало ли чего. От этой Мани можно всего ожидать. Но все же приблизился к кормушке

– Говори, я не глухой.

В это мгновение в лицо ему ударила вонючая жидкость.

Стоявшая рядом надзорка отшатнулась, брызги попали и на нее. Запахло мочой. Гаманец отскочил от камеры и стоял, отфыркиваясь, как конь

– Ну, сука, ну тварь, ты у меня ответишь! – заорал он.

Гаманец не подумал, что сокамерница пожертвовала Мане свою кружку. И Маня в это время целится в него этой кружкой, тоже полной мочи.

Маня не промазала. В лицо на этот раз не попала, но окатила с головы до ног.

– Ну, сука, ну, тварь! – в бешенстве орал Гаманец.

Его крик тут же потонул в торжествующем реве пантер, сидевших в других камерах:

– Ну, Маня! Ну, молодца! Все-таки сделала преступление! Теперь он не отмоеся!

Старое кладбище находилось практически рядом с колонией. Небольшая, заросшая бурьяном поляна в хвойном лесу. Холмиков не видно. Только ноги натываются на металлические штыри, к которым когда-то были приделаны деревянные таблички.

Мэри бродила среди бурьяна сама по себе, ей хотелось остаться со своими мыслями. Ставская стояла в тяжелой задумчивости. Ледневу захотелось сказать ей какие-то слова, он понимал, что эту женщину ждут непростые перемены в жизни.

– Говорят, человек должен каждые семь-десять лет менять либо место работы, либо даже профессию.

– Я ни о чем не жалею, – отозвалась Тамара Борисовна. – Эта работа с самого начала была не для меня. Я десять лет назад будто сама села. А теперь такое ощущение, словно освободилась. Отмотала червонец от звонка до звонка.

– Напишите диссертацию. Не пропадать же опыту, – посоветовал Леднев.

Подумал: «Наша неволя, как и наша воля, всегда унижала и, наверное, всегда будет унижать человека. Так уж мы устроены. И никакому улучшению мы не поддаемся. И даже тогда, когда начинаем жить лучше, лучше не становимся».

– С меня хватит, если Каткова не вернется, – сказала Тамара Борисовна.

Ленев представлял Ставскую в гражданской одежде совсем другой, более яркой. Он не знал, что она сегодня просто не выпалась.

– Вы спасли Каткову, – сказал Леднев.

– Наверное, – вздохнула Тамара Борисовна. – А вот Мосину не уберегла. Убила себя вчера Мосина. Смотрю на счастливую Ларису, а перед глазами мертвая Фая.

Где-то далеко постукивал дятел. Снег лежал белее медицинского халата. Мэри растерянно осмотрелась. Потом вынула из сумки небольшую коробочку, присела, разгребла снег и взяла пригоршню песчаного грунта.

Леднев и Ставская молча наблюдали за ней.

– Где-то здесь лежит моя мать, – сказала Мэри. – Сначала ее посадили за политическое преступление. А потом, уже в

колонии, она получила второй срок. Умерла от туберкулеза. Ее звали Мария. Мария Стогова.

– Как же ты попала в США? – спросил Леднев.

– Моя приемная мать работала в международном Красном Кресте. Увидела меня в тюремном детском доме и решила удочерить. Ваши власти ей не отказали: она много сделала для детей. Отдали меня как премию за хорошую работу. Умирая, она все мне рассказала, и передала фотографию мамы. Она хотела, чтобы я знала о своем происхождении, и понимала, откуда во мне то, что меня удивляет.

Американка неожиданно обратилась к Тамаре Борисовне:

– Мисс Ставская, вы очень похожи на мою приемную мать. Можно, я вас поцелую?

Женщины расцеловались.

Михаил вынул из сумки бутылку водки, три пластиковых стаканчика и соленый огурец. Сказал Мэри по-русски:

– Давай, Машенька, помянем твою мамочку. Царство ей небесное.

Американка тепло посмотрела на него. Ответила с сильным акцентом:

– Давай, Миша. У вас столько традиций, они так интересны.

– У нас, – поправил ее Леднев.

– У нас, – согласилась Мэри.

Корешков не выдержал, вышел. Видеть лишний раз Тамару Борисовну ему совсем не улыбалось, но любопытство бы-

ло сильнее.

– Кто у вас тут? – спросил он, кивая на кладбище.

– Просто погуляли по лесу, – ответил Леднев. – Хорошо здесь, по эту сторону забора.

– Можно будет как-нибудь увидеть, что отсняли? – спросил Корешков.

– Конечно, – отвечал Михаил. – Мэри пришлет вам альбом. Даже не сомневайтесь.

В это время Гаманец вышел из зоны и замер, боясь подойти. Топтался в нерешительности, не зная, куда себя девать. Вид у него был жалкий.

– Альбом выйдет, не сомневайтесь, – повторил Михаил.

Ставская в эту минуту улыбнулась краешками губ так многозначительно, что Корешков все понял. Отснятые пленки хранились у нее. Что же засвечивал Гаманец, какие касеты? Наверное, те, которые ему подкладывали.

Корешков сделал вид, что ничего не понял.

– Не забывайте нас, – сказал он.

Вот этого он мог бы и не говорить.

Сумерки души

Психологический этюд

Это недоразумение, что психоанализ возник на Западе, а не у нас в России. Западные люди насколько склонны к рефлексии, настолько же берегут свой внутренний мир от постороннего вмешательства. Их неискренность с другими просто не может не приводить к неискренности с самими собой. В массе своей это закупоренные люди. Им не нужна вся правда о себе. А психоанализ предполагает выворачивание человеком себя наизнанку.

Другое дело – мы, русские. Русский человек охотно признает себя грешником и часто готов в чем-то покаяться, чтобы облегчить душу. Мы любим обсуждать и осуждать других. «Русские всегда считают себя призванными быть нравственными судьями над ближними», – писал Н.Бердяев.

Мы можем не соглашаться с нашими «судьями», можем вести себя грубо, но... мы не избегаем такого разговора. Нам даже нравится, когда нас обсуждают в нашем присутствии. Такой разговор и есть сеанс психологического анализа, только на наш исповедальный русский лад.

«Чувство преступности»

Достоевский наградил всех нас, смертных, коротким психоаналитическим диагнозом, звучащим, как приговор: «В человека заложено «чувство преступности». Иначе говоря, мы все в той или иной степени порочны. Склонны переступить порог дозволенного. Порог – порок... Неслучайное со-звучие.

Бертран Рассел высказался еще круче: «Душа человека – своеобразный сплав бога и зверя». Очень образно, но образ устарел. В душе сегодняшнего человека Бога совсем мало или нет вообще. В моде любовь к себе.

Гете откровенно заявлял, что способен практически на любое преступление. Ницше допускал, что в состоянии аффекта мог бы совершить даже убийство. «Все, что есть на свете хорошего, аморально и незаконно, – эпатировал читателей Оскар Уайлд. – Все очаровательные люди испорчены, в этом-то и есть секрет их привлекательности».

Одни выдающиеся люди признавались в своих порочных наклонностях открыто, другие через своих героев. Вспомним детальное описание, как Раскольников шел к преступлению. Едва ли это можно объяснить одним только творческим воображением Достоевского.

По мнению психологов, и Лермонтов, погружаясь в бездны своего бессознательного, воспроизводил в Печорине самого себя. То «герой нашего времени» организует похищение девушки и удерживает ее, склоняя к сожигательству, то изощренно организует дуэль со своим приятелем Грушниц-

ким, хладнокровно убивая его... Кто он, если не преступник?

Великий гуманист Лев Толстой, проповедуя отвращение к насилию, сознавался в склонности действовать как раз силой. Философ Николай Бердяев, человек таких же благородных кровей, как и Толстой, писал к концу жизни о себе: «Я всегда чувствовал себя скорее разбойником, чем пастухом... Инстинктивно я был склонен действовать силой оружия... даже всегда носил револьвер».

Сократ оставил афоризм: «Легче уберечь себя от смерти, чем от преступления». В русской пословице сказано проще, но тоже очень философски: от сумы и тюрьмы не зарекайся. В переводе на разухабистый современный язык, вляпаться может, кто угодно.

«Преступник – человек психологический».

Преступники не читают Достоевского. Писатель кажется им сложным и нудным. Еще меньше читают классика те, кто призван исправлять заключенных. Им кажется, что герои писателя – из позавчерашнего дня и не имеют мало общего с современными преступниками. Отчасти правы и те и другие.

Куда интересней не романы, а дневники Достоевского, где он формулирует фундаментальные всечеловеческие мысли.

Возьмем главное определение Достоевского: «преступник – человек психологический». Вдумаемся, что оно означает. Преступление – психологический акт. Идея преступления зарождается в голове человека, он обдумывает ее непрерыв-

но, пока это состояние не переходит в подобие тихого помешательства. Человек понимает, что может поплатиться за свое преступление свободой, но это не останавливает его. Нет, не только потому, что он считает, что перехитрит полицию, избежит наказания. Человек, *заболевший* идеей преступления, уже не в состоянии мыслить здраво. Психологическое напряжение так сильно, что ему хочется поскорее избавиться от него. Именно поэтому многие преступления совершаются толком не подготовленными.

Криминальная безалаберность

Около половины преступлений совершается у нас в России спонтанно, непродуманно, безалаберно. То есть в определенной степени бессознательно. А главный синоним бессознательного – невменяемость.

Рассказывая друг другу о своих похождениях, заключенные безбожно врут. Стыдятся ничтожности своего преступления, всячески его приукрашивают.

Но в этой закономерности гораздо меньше русского элемента, чем можно подумать. Тот же немец Ницше писал: «Как только благородные говорят мне: «Не делай этого, я всегда поступаю вопреки ему». То есть: у криминальной неводержанности и спонтанности нет национальности.

Он же, Ницше, писал, что преступник должен быть достоин своих страданий за содеянное. То есть: чтобы преступление не унижало его в собственных глазах. А вот это как раз и происходит, когда преступление совершается безалаберно

и глупо.

Кто «чистокровный подлец»

Преступников можно условно поделить на две основные категории. Есть преступники порядочные и есть непорядочные.

Порядочный предпочитает совершать преступление в одиночку. Погорел – отвечает только за себя: его никто не сдаст и он – никого.

Порядочный, как правило, выбирает преступления с риском попасться с поличным или быть раненным или убитым.

Порядочный не унижает и не убивает потерпевшего или свидетеля, хотя знает, что и тот и другой могут его опознать.

К непорядочным можно применить художественное определение Достоевского – это «чистокровные подлецы».

Вредная жизнь

Криминальная жизнь на свободе отбирает у преступника ничуть не меньше здоровья, чем отсидка в неволе. По наблюдениям медиков, практически каждый совершающий *рискованные* преступления перенес микроинфаркт.

Особенно страдают этим члены организованных преступных сообществ. Не удивительно: каждая «стрела» – это хождение на смерть. В опасных ситуациях изнашивается сердечная мышца, развивается эрозия желудка и кишечника, стрессовые язвы. Частое переживание страха вызывает болезнь почек – об этом еще Авиценна писал. Практически все ре-

цидивисты – невротики, что проявляется в истериках по поводу и без повода.

Криминальная сублимация

Опера и следователи ищут мотивы преступлений. И чаще всего находят, но все ли? Множество преступлений против личности и собственности совершаются в результате подсознательной жажды расправы с теми, на кого преступник переносит свою ненависть против власти, против условий жизни, против несчастной судьбы.

Простой пример в подтверждение этой версии. В конце прошлого века произошел резкий всплеск насилия над детьми и подростками. Насильниками часто оказывались отбывшие срок и подвергшиеся тюремным санкциям (карой путем изнасилования), так называемые опущенные. Происходит это и сегодня, только СМИ эта тема уже приелась.

Фактор Большого куша

Мы удивляемся некоторым нашим министрам и губернаторам, схваченным на коррупции. Чего им не хватало? Не хватало Большого куша. Возможно, какое-то время удерживали себя от других, меньших по размеру соблазнов, но не устояли перед Большим.

А некоторые на полном серьезе считают совершенно оправданным такой мотив: «Не возьму взятку я – возьмут другие».

Фиктивная цель

Совершая преступление, человек делает это, прежде все-

го, против самого себя. Это движение к фиктивной цели. Цель чаще всего – деньги. Человек считает, что проще всего их украсть или отнять. Это и есть фиктивная цель. Тогда как нефиктивная цель – освоить хорошо какое-то дело и начать хорошо зарабатывать.

Исходя из фиктивной (разрушительной) цели, человек строит и свое фиктивное (саморазрушительное) существование.

Отношения в преступной среде

Всем правит стремление к превосходству друг над другом. Именно поэтому редко бывает настоящая дружба, требующая равенства. Да, есть преступное товарищество, взаимовыручка, но это до поры до времени.

При умелом ведении допросов преступник сдают друг друга, какой бы крепкой ни была их спайка, не только потому, что «своя шкура ближе». Так проявляется либо презрение сильного к более слабому подельнику, либо желание слабого рассчитаться с сильным за унижения.

Мораль братвы

Преступник уважает себя за качества, необходимые в его криминальной жизни для поддержания его статуса, и скрывает обычные человеческие качества, которые могут ослабить его авторитет. Нельзя забывать, что сочувствие, доброта, мягкость, нежность считаются «не мужественными» и среди многих нормальных людей.

Мораль преступника контролируется опасением: «А что

братва скажет?»

Мораль заключенного обычно такова, каков его дух. Физическая сила имеет значение, но только как дополнение к духу.

Идеалы братвы: жестокость как проявление силы и коварство как проявление ума.

В каждой тюрьме есть музей, где выставлены орудия членовредительства и предметы, извлеченные из желудков.

У нас в России однажды 200 заключенных вскрыли себе вены. В США был случай – 31 заключенный перерезали себе сухожилия. В обоих случаях – в знак протеста против жестокого обращения со стороны персонала.

То есть борьба с жестокостью по отношению к себе ведется путем жестокого нанесения увечий самим себе. И это тоже проявление уродливой преступной «нравственности».

Бывает ли чувство вины

Изолируя преступника, государство дает ему возможность остановиться и одуматься. Чаще одумываются без раскаяния. Жалко терять здоровье на тюремной пайке, жалко оставленных в неволе лет жизни. И совсем редко одумываются, испытывая чувство вины перед потерпевшим.

Чувство вины (по Бердяеву) – это чувство господина над самим собой. А кто господин? Тот, кто по-настоящему умён. А кто умён, тот чаще всего живет по каким-то моральным правилам. Или хотя бы стремится их соблюдать. Ибо умному нужно настоящее, а не воображаемое самоуважение.

Бывалый преступник произносит слово «раскаяние» со смешком – «раскаивание».

Зачем ему раскаяние, если у него есть универсальное самооправдание, взятое прямо из Библии? Мол, Иисус любил злых, а не добрых. Мол, первым в рай Господь впустил разбойника. Мол, на Небесах больше рады одному грешнику, чем девяносто девяти праведникам...

Этого достаточно бывалому и не очень умному преступнику. А таковых – увы – абсолютное большинство.

Обратный путь

Путь к преступлению описан в журналистике и литературе. А вот путь обратный... Тут, прямо скажем, не густо.

Достоевский подумывал, не описать ли ему «переделку себя» и очень гордился тем, что придумал этот термин.

Но то литература. В реальной жизни примеров еще меньше. Что не удивительно – переосмысление себя требует особого таланта. Откуда ему взяться у средних людей.

В США уговаривают жертву насилия приехать к насильнику в тюрьму и попробовать побеседовать с ним. Уговаривают и насильника, от которого ждут просьбы о прощении. Это нужно, прежде всего, ему – для осознания вины. Но насильник чаще всего не может понять, чего от него хотят.

Есть хорошая пословица: «Неважно, как далеко вы ушли по неправильному пути – все равно возвращайтесь».

А если не было в жизни человека ничего такого, к чему можно было бы вернуться?

Об этом уже не раз сказано в голливудских фильмах – нужно творить добро из зла. Не очень понятно, зато как парадоксально и загадочно.

Возрастное просветление

Один из наших выдающихся преступников Вячеслав «Япончик» к концу жизни заканчивал свои письма «к братве» словами: «С пожеланиями всего самого Доброго и Светлого».

До него ни один профессиональный преступник не писал так выпренно.

Но! Ни один иерарх воровского сообщества не осудил «Япончика». Напротив, другие воры в законе стали заканчивать свои письма этими же словами.

С чего вдруг такие сантименты?

Здесь уместно вспомнить философа Василия Розанова, который отмечал, что «больше всего к старости начинает томить неправильная жизнь: и не в смысле, что «мало наслаждался», но что не сделал должного».

Понимают ли преступники любого ранга, что ведут «неправильную жизнь»? Безусловно. Понимают практически все. Отсюда, вероятно, и эта тоска по «доброму и светлomu».

Зэки – тюремщики

Одни сидят – другие сторожат. Где еще это есть в жизни? Нигде. И нигде нет такой взаимной ненависти. Хотя, конечно, не стоит слишком обобщать.

Тот из арестантов, кто залетел по глупости, кто не хочет больше попадать за решетку, антагонизмом не страдает. И получает в ответ такое же отношение.

Другое дело – конченные ребята. Для них ненависть к ментам что-то вроде ритуала. Не будешь соблюдать – братва не поймёт. Заподозрит. Каждый всплеск ненависти – присяга на верность своему сообществу. И вызов, за который обязан пострадать. А, страдая, можно повышать свой статус.

Ненависть к ментам – это привычка ни в чем себе не отказывать. Самое простое проявление внутренней свободы. Если хотите, воли.

Конченные ребята считают себя героями. Героями зла. В таком случае, тюремщикам полагалось бы быть героями добра. Но поскольку этого не происходит, зэк не чувствует, что мент выше его. Напротив, он считает себя выше мента.

Окаянное ремесло

Человек должен любить свой труд, свою профессию. Любит ли тюремщик свое окаянное ремесло? Наверное, слово «любовь» в этом случае неуместно. Точнее будет сказать, что тюремщик уважает себя за свой профессионализм. А уж как он понимает, насколько он профессионален, это у каждого индивидуально.

Взаимоотношения «заключенный-тюремщик» укладываются в формулу: то, что ты видишь во мне, это не я, а ты. Называется «отраженное я».

Есть тюремщики, презирующие заключенных, и это мо-

рально ошибочная, непрофессиональная позиция, мешающая установлению контакта. Как писал Чехов, чужим грехом свят не будешь.

И есть заключенные, ненавидящие тюремщиков только за то, что они тюремщики, не желающие увидеть в ком-то из арестантов что-то человеческое.

Для снятия взаимного антагонизма в тюрьме Фрайбурга (ФРГ) заключенные и тюремный персонал питаются из одного котла. Возможно ли это у нас? Вполне. Это практикуется на всех далеких зонах. Но кому достаются самые лакомые куски?.. Наш «общий котёл» только усиливает антагонизм.

В американских тюрьмах устраиваются спортивные состязания между командами заключенных и тюремщиков.

Возможно ли это у нас? Зэки бы точно не отказались. Насчет ментов есть большие сомнения.

Оптимистическая гипотеза

Как ни странно, но совершенно гениальную формулу отношения тюремщиков к арестантам вывел немецкий поэт Гете: «Если мы принимаем людей такими, какие они есть, мы делаем их хуже. Если же мы трактуем их, как если бы они были таковы, какими они должны быть, мы помогаем им стать такими, какими они способны быть».

Трудно предположить, читал ли Макаренко эти слова, но его «оптимистическая гипотеза» полностью совпадает с этой формулой поэта. «Хорошее в человеке, – писал Макаренко, – приходится всегда проектировать, и педагог обязан это

делать».

Но кто у нас руководствуется этими словами... Конечно, это очень даже не просто. Как внушить (доказать) бандиту, что он может быть хорошим инженером, врачом, управленцем? Как заставить человека поверить в то, что должен быть тем, кем он может быть?

Фактор моральной выгоды

Нужно, чтобы человеку было *морально выгодно* измениться. Чтобы он себе при этом стал больше нравиться. Чтобы уважения к себе стало больше.

Арестант должен быть занят хоть каким-то духовным созиданием, хоть самым малым, совсем микроскопическим. Повышение своей грамотности – уже созидание, самого себя. Сегодня грамотных мало даже среди законопослушных людей. Тем больше шансов у заключенного сравняться с обычными людьми и даже превзойти их в этом.

Если преступник много читает, в нем незаметно для него самого закладывается гуманистический стержень. А если он правильно пишет на родном языке, это говорит о том, что он за это себя уважает.

Начитанный и эрудированный преступник испытывает интеллектуальный голод и дискомфорт в общении с другими преступниками. Но и эти преступники чувствуют себя неловко в общении с ним. Начитанность и грамотность образуют психологический барьер. Этого уже достаточно для разворота преступника к общению с нормальными людьми.

Градация сроков

Есть люди, для которых и неделя в тюрьме – много. В этом помнится, Ремарк признавался. А есть такие, кого неволя не особенно угнетает. И есть те, для кого тюрьма – мать родна. Или, как говорят, американские зэки, бетонная мама.

Главный враг заключенного – не тот, кто держит его заперти, как принято думать. Не тюремщик, а время, срок наказания. На тюремщике можно сорвать злость за свою судьбу. Со временем не поскандалишь. Время нужно убивать, чтобы быстрее кончился день.

Три года неволи – это полное привыкание и угасание надежд. Если человек не потерян для общества, после трех лет дальнейшее пребывание за решеткой не дает никакого перевоспитывающего эффекта.

Пять лет – оцепенение, эмоциональная анестезия. Сначала снижение, а затем полная утрата способности чему-то радоваться. Прогрессирующее угасание умственных способностей. Правильно говорится – ум простор любит, а в тюрьме или колонии какой простор?

Более пяти лет – тюремная мизантропия, практически непрерывная угрюмость

Криминологи во всем мире сходятся во мнении, что после 2-3 лет отсидки в психике человека происходят необратимые изменения. Наказание не устраняет дурные наклонности, а только усиливает их. Чем больше срок, тем больше вероятности, что преступник снова совершит зло. После 2-3

лет он практически не способен вписаться в нормальное человеческое общество. Поэтому судьи в европейских странах стараются назначать минимальные сроки даже за серьезные преступления. Результат – минимальный рецидив, о котором мы не можем даже мечтать

В перевоспитании нет мелочей

Но немалое значение имеет при этом, в каких условиях содержатся арестанты.

Один из мостов в Лондоне покрасили в черный цвет. И этот мост стал притягивать самоубийц. Спихнулись, перекрасили мост в зеленый цвет, и число самоубийств на этом мосту резко уменьшилось.

Совсем не случайно эсэсовская форма была черной – это цвет страха. Наконец, это цвет ночи, безнадёги, траура. И вот надо же – такого цвета униформа заключенного в России. Пожалуй, нигде в мире такого нет (повсюду светло-зеленого, светло-синего цвета и т.п.), только у нас.

Заключенный склонен к депрессии, но именно одежда в первую очередь к этому его и склоняет. Но и тюремщики склонны к раздражительности и агрессии тоже в немалой степени оттого, что постоянно видят перед глазами черную массу заключенных. Они первыми должны были бы потребовать смены цвета – хотя бы ради своего психического здоровья.

Половая изоляция

Но есть еще одна большая помеха в перевоспитании. Это

половая изоляция. У нас считается, что если заключенный будет иметь женщину более-менее регулярно, но это будет облегчать тяжесть наказания. А если преступник не прочувствует свою вину, наказание теряет всякий смысл. То есть половая изоляция – часть кары.

Половая изоляция вынуждает заключенного заниматься самоудовлетворением, а онанизм озлобляет.

Если наказание еще больше озлобляет преступника, много ли смысла в нем?

Даже в годы массовых репрессий мужские и женские зоны ставили рядом. А довольно часто мужчин и женщин содержали в одной зоне. И никакой униформы не было. Ни черного цвета, никакого-то другого. Заключенные были одеты во все своё. В то время их даже не стригли наголо!

Эта стрижка – самое простое унижение, входящее в понятие «тяжесть наказание», которое ничего не стоит отменить. И кое-где начальники колоний идут на это, добиваясь ошутимого результата. Заключенные, больше похожие на себя, начинают чувствовать свое человеческое достоинство и соответственно себя вести.

Вот где соль! Чем меньше наказание унижает заключенного, тем больше в нем воспитывающего воздействия.

Наказание лишением свободы, возможности видеть близких – вполне достаточная кара. Присоединение к этой каре каких-то других, унижающих наказаний, превращают эту главную кару в издевательство.

Нужны ли комментарии?

У нас декларируется перевоспитание преступников через труд. Заключение валят лес, шьют рукавицы и телогрейки и т.п. В результате рецидив сегодня – 48%. Кстати, почти вдвое выше, чем в 1988 году...

В США не верят в исправление через труд, отсидка там – только кара и никакой трудотерапии. При этом в тюрьмах выпускается 30% всех компьютеров и сложного авиационного и медицинского оборудования. В результате рецидив там 50-60%.

Как кормят в наших колониях, читателю наверняка известно. В тюрьмах США тоже не ресторан. Но раз в день – мясное, два раза – овощи, сколько хочешь. Раз в день – апельсин, яблоко или банан.

В ком «сидит» преступник

МВД и ФСИН занимаются профилактикой преступлений. Но чаще всего на той стадии превращения человека в правонарушителя, когда он *уже* попал в поле зрения сотрудников правоохраны.

Между тем, первые признаки того, что в человеке «сидит» преступник, можно обнаружить гораздо раньше.

Если бы эти признаки знали все люди, они могли бы вовремя обратиться в полицию. Только в этом случае особое значение имеет доверие людей к полиции. Слишком уж интимны некоторые из этих признаков.

Итак, потенциальный преступник... ребенок, подросток,

юноша, взрослый:

Не любит учиться, ненавидит школу и учителей. Во множестве случаев это олигофрен или перенесший родовую травму.

Не любит читать, не может научиться правильно писать на родном языке.

Склонен к мелкой пакости исподтишка. Жесток к слабым сверстникам, животным, птицам.

Не чувствует любви к родителям. В некоторых случаях желает им смерти.

Неодолимо тянется к улице, к себе подобным сверстникам, хотя и там ему плохо, если он не занимает лидирующей позиции.

Груб с девочками, вообще не уважает (презирает) женский пол.

Похотлив, страдает сексуальными расстройствами.

При просмотре детективного фильма всегда на стороне преступников.

Попадает на мелких присвоениях и кражах.

Гедонист, раб своих страстей и удовольствий.

Занимается какой-то работой исключительно по обязанности и спустя рукава.

Не хочет иметь детей, а если они все же появляются, равнодушен к ним, но прячет это равнодушие.

Если его ребенок – девочка, любит поиграть с ней, испытывая потребность касаться, трогать, тискать. Увлека-

ясь, забывает, что эта «забава» может броситься в глаза окружающим.

Если эта девочка – падчерица, можно почти со 100-процентной вероятностью предсказать, что будет растлевать ее, изображая отцовскую любовь.

Но здесь требуется оговорка.

Будущему преступнику вовсе не обязательно сочетать в себе весь набор этих признаков. Вполне достаточно половины или какой-то части.